

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕВОДА

УДК 81-26:347.78.034

Транслатологическая специфика интернациональной лексики (на материале военной терминологии)

БАНМАН П. П.

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа специфики перевода заимствованной и интернациональной лексики. Приводится тематическая классификация «ложных друзей переводчика» на материале немецкой военной терминологии, указываются причины их появления.

Ключевые слова: военный термин, заимствованная лексика, интернационализмы, «ложные друзья переводчика», ловушки внутренней формы.

Translatological Specifics of International Vocabulary: A Study of Military Terminology

BANMAN P. P.

North-Caucasus Federal University

Abstract. The article explores the translation specifics of loanwords and international vocabulary. It examines the subject classification of «false friends» on the material of the German military terminology and determines the origin of their appearance.

Keywords: military term, loanwords, internationalism, “false friends”, traps of inner form.

В процессе обучения военному переводу большое место отводится изучению лексических проблем, прежде всего, переводу военных терминов и сокращений, слов-реалий и неологизмов. Целью данной статьи является анализ специфики перевода интернациональной военной терминологии, под которой мы понимаем «упорядоченную совокупность военных терминов языка, которые отражают понятийный аппарат военной науки и, шире, военного дела и связаны с формами и способами ведения войны, с вопросами стратегического использования вооруженных сил, а также оперативно-тактического использования объединений, соединений, частей и подразделений, с их организацией, вооружением и техническим оснащением» [Шевчук 1985: 97]. Материалом данной статьи послужили лексические единицы, отражающие разнообразные военные понятия, употребляющиеся в повседневном и специальном общении.

Остановимся на таких понятиях как «заимствованная лексика» и «интернациональная лексика». Под заимствованиями понимаются «слова, морфемы, звуки, значения, перемещённые из одного языка

в другой» [Алефиренко 2004: 239]. В своей работе «Основы общей теории перевода» А. В. Федоров приводит классификацию заимствований, указывая на то, что особую актуальность данная проблема приобретает при переводе терминов. Поскольку для иноязычного термину могут существовать соответствия в виде слова родного языка и слова заимствованного. В связи с этим он различает:

- заимствования оправданные и полезные, которые не могут быть заменены лексическими единицами русского языка, и вошли в его словарный состав (прежде всего, интернационализмы): *die Brigade* – *бригада*, *der Korps* – *корпус*, *der General* – *генерал*, *der Admiral* – *адмирал* и др.
- заимствования, допустимые в условиях определенного контекста в силу их большей лапидарности, чем соответствующие лексические единицы русского языка: *die Logistik* – *логистика*; *служба материально-технического обеспечения*; *служба тыла и снабжения*;
- заимствования избыточные, затрудняющие понимание текста перевода, в место которых следует использовать термины русского языка, имеющие такой же объем значения [Федоров 2002: 300–301].

В процессе перевода переводчик необходимо проанализировать контекст, в котором используется заимствование, учесть степень освоенности и частотность употребления заимствованного термина, ориентируясь на потенциального реципиента.

Лексические единицы (слова и словосочетания, термины и терминологические словосочетания), функционирующие в нескольких (не менее чем в трёх) мировых языках, близкие по звуковой, графической и семантической форме, являющиеся следствием языкового контакта и выражающие общие для многих культур понятия из областей науки, техники, политики и пр. называются интернационализмами [Рыцарева 2002: 9]. В словаре «Duden» дается такое определение: „Wort, das in gleicher Bedeutung und gleicher oder ähnlicher Form in verschiedenen Kultursprachen vorkommt“ [Internationalismus: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Internationalismus#Bedeutung2>]. В книге „Terminologie zur neueren Linguistik“ В. Абрахам указывает на общую этимологию интернационализмов: „Wort, das etymologisch den gleichen Ursprung hat und zum Grundwortschatz mehrerer genetisch verwandter Sprachen gehört (etwa: Sport, Sputnik, Astronaut, Expedition)“ [Abraham 1988]. Остановимся на следующем определении: под интернационализмами понимаются слова, имеющие одинаковую или схожую форму выражения и одинаковое или схожее значение, распространенные в различных языках и в большинстве случаев понимаемые спонтанно без перевода [Volmert 2003: 25]. Чаще всего подобные лексические единицы появляются в результате заимствования из латинского и французского: *die Legion*, *der Major*; *die Artillerie*, *die Bombe*, *der Chef*, *der Deserteur*, *die Garnison*, *der General*, *die Generalität*, *der Grenadier*, *die Infanterie*, *die Kabine*, *der Kaliber*, *der Kanonier*, *die Kavallerie*, *die Kokarde*, *das Kontingent*, *der Kommandant*, *der Kommandeur*, *die Kompanie*, *die Lafette*, *der Legionär*, *der Leutnant*, *das Manöver*, *der Militär*, *die Mine*, *die Munition*, *der Offizier*, *die Patrouille*, *der Pionier*, *der Rapport*, *der Rekrut*, *die Salve*, *die Uniform*; английского: *das Cockpit*, *der Checkpoint*, *die Military Police*, *das Radar*; итальянского: *die Granate*, *der Generalissimus*, *der Soldat*, *der Spion*; испанского: *der Adjutant*; чешского: *die Haubitze*; арабского: *der Admiral* и др.

Краткий анализ военной терминологии с точки зрения ее происхождения показал, что больше всего заимствований, носящих интернациональный характер, из французского языка, что объясняется, прежде всего, языковыми, культурными контактами, а также контактами в военном деле между народами двух стран, а также в целом историческими условиями формирования военной терминологии. Часть лексических единиц попала в немецкий язык из латинского языка через французский, что связано с тем, что французский язык, сменив латинский, являлся на протяжении длительного времени языком официального общения.

Использование интернационализмов способно упростить процесс коммуникации. В карманном словаре переводчика для солдат, находящихся на фронте (1943 год) (Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten) есть раздел «Слова, которые понимают русские» („Worte, die der Russe versteht“): „*Kommandantur*, *Offizier*, *Unteroffizier*, *Feldwebel*, *Sergeant*, *Gefreiter*, *Automobil*, *Benzin*, *Garage*, *Chauffeur*, *Karte*, *Kompaß*,

Bataillon, Stab, Signal, Waggon, Haubitze, Mine, Patrone, Karabiner, Revolver, Pistole, Motor, Kompressor, Maschine, Dynamo, Akkumulator, Batterie, Lampe“ [Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten: <http://www.russki-mat.net/tdf/tdf.htm>].

Однако, несмотря на кажущуюся простоту и легкость, при переводе интернационализмов переводчик должен проявлять большую бдительность, т. к. в ряде случаев объем значения у интернациональных слов не совпадает. Лексические единицы, способные провоцировать переводческие ошибки, получили название «ложные друзья переводчика». Термин „*faux amis*“ появился в 1928 г. в работе М. Кесслера и Ж. Дерокиньи и используется в английском „*false friends*“, итальянском „*falsi amici*“, испанском „*falsos amigos*“, немецком „*falsche Freunde*“, польском „*łoznych друзей*“ языках. Под «ложными друзьями переводчика» понимаются слова из различных языков, имеющие одинаковую или сходную форму, но различное содержание [Wahrig 2002]. Наряду с этим термином используются и другие, например, в немецком языке – „*zwischen sprachliche Paronyme*“, „*zwischen sprachliche Homonyme*“, „*irreführende Fremdwörter*“, „*Pseudo-Analogonyme*“; в русском языке – ложные аналоги, лжеаналоги, междужычные (межъязыковые) аналогизмы, диалексемы, ложные эквиваленты, псевдоинтернационализмы/псевдоинтернациональные слова, переводческие псевдоэквиваленты.

Использование подобных псевдоэквивалентов приводит к появлению ошибок и непониманию. Несколько известных примеров приводит в своей книге «Путешествие в слово» Э. Вартаньян: «Во время второй мировой войны в немецкой разведывательной службе допустили переводческий «промах», который имел серьезный отголосок в окружении Гитлера. Одна испанская подпольная организация объявила о скорой встрече Рузвельта с Черчиллем в Касабланке. Немцы, переведя дословно, получили «Белый дом» (Каса бланка), и, таким образом, в нацистские верхи было передано, что британский премьер собирается в Вашингтон, в то время как он ехал в Африку, в марокканский город, Касабланку» [Вартаньян 1987: 184].

В список «ложных друзей» в немецком языке включают слова: немецкого языка и других языков; немецкого языка, на котором говорят в Федеративной Республике Германия и немецкого языка, на котором говорят в других странах; литературного немецкого языка и диалектов немецкого языка. Например, из французского языка в немецкий было заимствовано слово *der Train*, которое означает *обоз*; *тылы*, *тыловые подразделения*, и похоже на английское *train*, что означает *поезд*. Также из французского заимствовано слово *die Remonte*, которое означает *молодую военную лошадь (проходящую обучение)*, и похоже на слово *ремонт*. В качестве примера приведем перевод слова *das Genie*: общ: *гениальность; гений; гениальный человек*. В швейцарском немецком эта лексическая единица имеет значение *инженерные войска*: „*Die Genietruppe (auch Genietruppen, früher auch technische Truppen oder Ingenieurtruppen) ist eine historische Truppengattung im Heer, die zur Ausführung aller im Feld- und Festungskrieg vorkommenden technischen Arbeiten bestimmt war. Die Genietruppen hatten teilweise dieselben Aufgaben wie Pioniertruppen. In der Schweiz existieren noch heute Genietruppen als eigene Truppengattung*“ [Genietruppe: <http://de.wikipedia.org/wiki/Genietruppe>].

В австрийском и в швейцарском вариантах немецкого языка слово *der Rapport* помимо значения *рапорт; доклад; отчет; взаимосвязь; повторяющийся узор* имеет также значение *построение (на поверку); проверка*: „*Unter einem Rapport versteht man im Militär eine Meldung bzw. einen Bericht. In der Schweiz wird der Ausdruck für eine militärische Sitzung verwendet, an welcher die Teilnehmer nach einer Tagesordnung verschiedene Themen behandeln und Entscheidungen fällen*“ [Rapport: [https://de.wikipedia.org/wiki/Rapport_\(Milit%C3%A4r\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Rapport_(Milit%C3%A4r))]. Кроме того, при переводе с немецкого на русский язык необходимо учесть, что в русском языке есть *рапорт* (в военном деле – это донесение или доклад (сообщение) от нижестоящего к вышестоящему) и *раппорт* (повторяющийся узор (на обоях, тканях) и близкие межличностные отношения; связь в ходе сеанса между гипнотизёром и гипнотизируемым, между аналитиком и пациентом).

Среди причин, приводящих к появлению подобных «друзей», можно назвать:

- национальное своеобразие лексики и терминологии каждого языка;
- происхождение языков, различные пути развития языков, а также языковые контакты между языками;
- взаимное влияние языков в области лексики параллельных предметных областей;
- социально-культурные факторы [Нелюбин 2009: 146].

Отметим, что «ложные друзья переводчика» в военной сфере – это прежде всего существительные. Прилагательные и глаголы встречаются в данной группе лексических единиц достаточно редко. Приведем лишь несколько примеров. Глагол *degradieren* при переводе с немецкого языка на русский означает *разжаловать, лишить чина*. В русском языке глагол *деградировать* означает процесс регрессии, ухудшения. Русскому глаголу *деградировать* в немецком языке соответствует глагол *degenerieren*. Глагол *mobilisieren* помимо значений *мобилизовать (средства)* и *привести в боевую готовность* в немецком языке имеет еще одно значение, а именно *jemanden durch Bewegungstherapie wiederbewegungsfähig machen*. Прилагательное *bordeauxrot* имеет следующие значения: общ.: *бордовый; цвета бордо*; воен.: *красный*. Красные береты носят в Германии парашютисты-десантники, военнослужащие части специального назначения (KSK), а также военнослужащие войсковой авиации.

Среди проанализированных лексических единиц можно выделить две большие группы слов:

- а) многозначные слова исходного языка, у которых объем значений совпадает со значением внешне сходного слова переводящего языка, а часть значений расходится (объем значения либо сужается либо расширяется);
- б) слова исходного языка, созвучные словам переводящего языка, но полностью расходящиеся с ними своим значением.

Внутри одного языка слово получает смысловое развитие и его значение переносится на другие объекты, что, в свою очередь, может быть заимствовано в другой язык. Так, например, в «Словаре иностранных слов» (1985) слово «планшет» имеет четыре значения, среди которых есть и военное: «плоская сумка с прозрачным верхом для ношения карт» [Словарь иностранных слов 1985: 382]. В настоящее время «планшет» – это, прежде всего, мобильный компьютер с сенсорным экраном. Не смотря на то, что это слово заимствовано из французского языка, сами французы не пользуются им в этом значении. В немецком языке полевая сумка называется *die Feldtasche* или *die Kartentasche*, а планшетный компьютер – это *der Tablet-PC*. Подобные процессы приводят к появлению «ложных друзей переводчика» и создают ловушки для переводчиков, поэтому требуют отдельного изучения в рамках обучения, в том числе и военному переводу.

Нами выделено 4 группы «ложных друзей переводчика» по тематическому принципу. Остановимся на значении и переводе на русский язык некоторых из лексических единиц, которые могут быть отнесены к «ложным друзьям переводчика», поскольку в большинстве случаев в литературном языке они употребляются в иных значениях. Объем значения ряда понятий уточнен по словарю понятий Бундесвера „Bundeswehr von A bis Z“ [<http://www.bundeswehr.de>], переводческие соответствия указываются по словарю «Мультитран» [<http://www.multitrans.ru>].

1. Организационная иерархия воинских формирований. Например: *der Trupp* – *взвод (войск СС фашистской Германии); толпа; отделение; группа; команда; отряд; звено*. *Die Truppe* – *труппа; воинская часть; войска; действующая армия; подразделение; отряд*. *Die Gruppe* – *группа; пионерский отряд (ГДР); ансамбль; авиационная группа (три эскадрильи); молодежная организация; отделение; отдел (в штабах и управлениях); отделение (подразделение); боевая группа*. *Die Kompanie* – *компания; товарищество; рота*. *Das Kommando* – *командование; команда (приказание); штаб; отряд; НАТО командование (оперативное объединение); командный сигнал; команда (группа военнослужащих); управление*.

2. Обозначения воинских званий и военнослужащих разных видов и родов войск. Например, *der Soldat* переводится не только как *солдат* и *рядовой*, но и как *военнослужащий* (любого ранга). *Der General* – это не только *генерал*, но и *настоятель* (духовного ордена в католической церкви). *Der Jäger* имеет не только значение *охотник*; *егерь*, но и ряд следующих значений: *рядовой горно-стрелковых частей*; *солдат воздушно-десантных войск*; *десантник*; *рядовой горно-стрелковых частей, парашютно-десантных войск и военной полиции ФРГ*; *мотопехотинец (в пограничной охране)*.

Внимания заслуживает и перевод такого слова как *Luftwaffe*, которое переводится как *военная авиация*, *военно-воздушные силы*. Однако при переводе военно-исторических текстов о фашистской Германии данный термин будет переводиться с учетом сложившейся традиции как реалья при помощи транслитерации как *Люфтваффе* (наряду с переводом таких слов, как *Рейхсвер*, *Вермахт* и пр.).

Приведем еще ряд примеров. *Der Grenadier* – это не только *гренадер*, но и *рядовой пехоты*; *солдат-пехотинец*; *пехотинец*; *мотострелок*. *Der Pionier* – это не только *пионер*, но и *сапёр*; *военный инженер*; *рядовой инженерных войск*. *Die Spezialpioniere* – это *специальные инженерные войска*; *специальные инженерные части*. *Der Inspekteur* – это не только *инспектор*, но и *командующий*; *главнокомандующий*. *Der Generalinspekteur* – это не только *генеральный инспектор*, но и *главнокомандующий вооружёнными силами*. *Der Mixer* – это не только *миксер (для приготовления коктейлей и т. п.)*; *хозяин бара*, но и *минёр*; *торпедист*.

3. Различные виды оружия, здания, помещения и сооружения. Например: *der Tender* – это не только *тендер*; *объявление открытого конкурса*, но и *тендер (вагон)*; *плавучая база*. *Das Depot* – это не только *отдел вкладов (в банке)*; *хранилище* но и *база снабжения*; *парк*. *Die Messe* – это не только *месса*; *ярмарка*; *выставка-ярмарка*; но и *кают-компания*. *Der Panzer* – это не только *панцирь*, но и *танк*; *бронированная машина*; *бронированная боевая машина*. *Die Maschinenpistole* – это не *пистолет*, а *автомат*; *пистолет-пулемет*; *автоматический пулемет*.

4. Виды одежды. Форма одежды военнослужащих Бундесвера подробно представлена в брошюре Федерального министерства обороны „Uniformen der Bundeswehr“ (2014). Не смотря на то, что в ряде случаев возможно использование транслитерации и соответствия *униформа*, как термин военного дела *die Uniform* переводится как *форма одежды*. В немецком языке *der Kittel* имеет значение *халат*, *спецовка*, *рабочая блуза*; *спецодежда*; *балахон*. В русском языке *китель* означает верхнюю часть повседневной, парадной и полевой формы одежды военнослужащих. Русскому слову *китель* в немецком языке соответствует слово *der Dienstroock* или *die Dienstjacke*. При переводе с немецкого языка на русский французское слово *das Portepée* переводится как *темляк*, *офицерский темляк*. При переводе с русского языка на немецкий *портупея* переводится как *der Schulterriemen* или *das Gehänge*.

Опасность для переводчика могут представлять не только ложные друзья переводчика, созвучные в немецком и русском языках, но и «ловушки внутренней формы». Так, например, *die Feldbluse* – это не полевая блуза, а *гимнастерка*, *die Dienstbluse* – (повседневная) *куртка*, *die Panzerkombination* – не комбинация танков, а *военный комбинезон*, *der Feldponcho* – *плащ-дождевик (или плащ-палатка)*, *die Kampfschuhe* – это не просто военные ботинки, а *берцы*.

При переводе текстов, содержащих военную лексику, переводчику, прежде всего, необходимо знание описываемых объектов для того, чтобы из нескольких словарных эквивалентов к единице ИЯ выбрать подходящий. Например: „*Der Dienstanzug der Luftwaffe besteht aus einer blauen Dienstjacke mit blauer Hose. Unter der Dienstjacke wird ein langärmliges, hellblaues Hemd mit dunkelblauer Krawatte getragen*“ [Uniformen der Bundeswehr 2014: 39] – *Форма одежды у военнослужащих ВВС – синий китель и синие брюки. Под китель надевается светло-голубая рубашка с длинным рукавом и темно-синий галстук*. „*Als Kopfbedeckung tragen Soldatinnen und Soldaten der Luftwaffe das Schiffchen in blau*“ [Uniformen der Bundeswehr 2014: 42] – *В качестве головного убора военнослужащих ВВС используется пилотка синего цвета*. Слово *blau* имеет следующие эквиваленты: *голубой*, *синий*, *лазурный*, *лазуревый*. При пе-

реводе данного прилагательного необходимо использование такой переводческой трансформации как дифференциация, которая возможна исходя из обращения к визуальному сопровождению текста.

Термин *der Verband*, исходя из аналогии внутренней формы, может быть переведен на русский язык как соединение. Однако следует переводить его как подразделение или часть, поскольку в Бундесвере *der Verband* – это *das Regiment* и *die Bataillon*. В российской армии соединение подразумевает под собой более крупные военные формирования – дивизию или корпус. При переводе с русского языка на немецкий термин соединение следует перевести как *der Grossverband* [Латышев 2007: 191]. *Der Extremfall* переводится как *крайний случай*; *крайность*: *экстремальный случай*, однако в военной деле выражение *im Extremfall/ für den Extremfall* будет переводиться как в случае войны/ на случай войны. Команда „*Augen geradeaus!*“ переводится как «*Равнение на середину!*».

Знание соответствий к описываемым и анализируемым в исходных текстах явлениям в русском языке необходимо также в частности и при определении грифа секретности, где ошибки могут возникнуть из-за использования калькирования. Немецкий гриф „*geheim*“ означает «совершенно секретно», а не просто «секретно» (*Verschluss*).

В военной терминологии заимствования и интернационализмы занимают видное место. Они хорошо освоены не только в кругу специалистов, но и известны широкому кругу реципиентов. Прежде всего, преимуществом интернациональной лексики является ее краткость и удобство в употреблении, перевод при помощи транслитерации или транскрипции, в большинстве случаев также и однозначность. Однако некоторые лексические единицы немецкого языка отличаются объемом значения, который может сужаться, расширяться или полностью изменяться, и являются переводческими псевдоэквивалентами. Не смотря на то, что при переводе военных текстов возможность буквальной передачи интернационализмов практически полностью исключена, переводчику не следует забывать о специфике перевода подобных лексических единиц, необходимо великолепно владеть родным языком и разбираться в тонкостях военного дела.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс. – М., 2004. – 368 с.
 Вартаньян Э. А. Путешествие в слово. – М., 1987. – 208 с.
 Латышев Л. К. Технология перевода. – М., 2007. – 320 с.
 Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода. – М., 2009. – 216 с.
 Рапорт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://de.wikipedia.org/wiki/Rapport_\(Milit%C3%A4r\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Rapport_(Milit%C3%A4r))
 Рыцарева А. Э. Прагмалингвистический аспект интернациональной лексики (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 17 с.
 Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз, 1985. – 608 с.
 Федоров А. В. Основы общей теории перевода. – СПб., 2002. – 416 с.
 Шевчук В. Н. Военно-терминологическая система в статистике и динамике: автореф. дис. ...докт. филол. наук. – М., 1985. – 48 с.
 Abraham W. Terminologie zur neueren Linguistik (Germanistische Arbeitshefte). – Tübingen, 1988.
 Bundeswehr von A bis Z. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bundeswehr.de/>
 Die Uniformen der Bundeswehr. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bundeswehr.de/.../BroschuereUniformen_...
 Genietruppe. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://de.wikipedia.org/wiki/Genietruppe>
 Internationalismus. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Internationalismus#Bedeutung2>
 Multitran. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.multitran.ru/>
 Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russki-mat.net/tdf/tdf.htm>
 Volmert J. Überlegungen zur Konzeption eines Internationalismen-Wörterbuchs in zehn Sprachen // Braun, P. Internationalismen II. Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikographie. – Tübingen, 2003.
 Wahrig Deutsches Wörterbuch. – Gütersloh / München, 2002. – 1728 S.

Особенности перевода британских реалий культуры на белорусский язык

БУРДЫКО Н. Е.

Минский государственный лингвистический университет (г. Минск, Беларусь)

Аннотация. Данная статья посвящена одной из актуальных тем в белорусском переводоведении – перевод британских реалий культуры на белорусский язык. Во-первых, реалии зарубежных стран переводятся посредством русского языка, и поэтому заимствуются слова с теми недостатками, которые встречаются в русском языке. Во-вторых, белорусский язык отличается от русского по своим фонетическим закономерностям, поэтому правила перевода английских слов на белорусский язык, особенно способом практической транскрипции, должны быть другими, что, к сожалению, не всегда учитывается.

Ключевые слова: реалии культуры, способы перевода реалий, транслитерация, практическая транскрипция, калькирование, пояснение, адекватность, лексикография.

The Specifics of Translating of British Cultural Realia into the Belarusian Language

BURDYKO N. E.

Minsk State Linguistic University

Abstract. This article is dedicated to one of the topical issues in the Belarusian translation studies – translation of British cultural realia into the Belarusian language. Firstly, the realia of foreign countries are translated through the Russian language, therefore the words are borrowed with the faults that take place in the Russian language. Secondly, the Belarusian language is different from Russian by their phonetic patterns, so the rules of translation of English words into the Belarusian language, especially with the help of practical transcription, must be different, that, unfortunately, is not always taken into consideration.

Keywords: cultural realia, the ways of realia translation, transliteration, practical transcription, loan translation, interpretation, adequacy, lexicography.

Реалии формируют значительный пласт лексической системы английского языка, как, кстати, и любого другого языка. Они отражают национальный колорит языка, историю страны, ее политический строй, связанный с географией.

Реалии встречаются в различных текстах, но наибольшее их количество в текстах, которые описывают культуру и традиции народов Великобритании. Их перевод на другой язык – очень трудное дело. Существует несколько способов передачи реалий в язык перевода. Где и какому отдать предпочтение – зависит от типа реалии и ее структуры, а также от опыта переводчика и от тех традиций, которые сложились в языке перевода.

К сожалению, при переводе английских реалий на белорусский язык нельзя использовать ни традиции, ни опыт, ни словари – ведь таких, к сожалению, не существует. Есть всего несколько научных работ, где рассматривается проблема перевода некоторых реалий (например, А. В. Шидловский, Т. Н. Суша, Е. В. Таболич). Что касается словарей, можно отметить, что только некоторые реалии встречаются в них.

О словах-реалиях, как о носителе колорита, конкретных элементов национального своеобразия, начали разговор только в начале 50-х годов прошлого века. У Л. Н. Соболева можно найти не только использование термина «слова с национально-культурным компонентом» (что соответствует по содержанию «реалии») в его современном понимании, но и достаточно четкую дефиницию: «бытовые и

специфические национальные слова и обороты, которые не имеют эквивалентов в быту, а это значит, и в языках других стран, и это слова из национального быта, которых нет в других языках, потому что этих предметов и явлений нет в других странах» [Соболев 2008: 293].

О реалиях ведет разговор и Г. В. Чернов, который, однако, пользуется преимущественно термином «безэквивалентная лексика»: «слова, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [Чернов 1958: 125].

А. О. Иванов рассматривает реалии как «слова, обозначающие предметы и явления, типичные для данного народа и данной страны» [Иванов 2006: 58]. Приблизительно такое же объяснение дает реалиям и Р. К. Минъяр-Белоручев и относит большинство из них к безэквивалентной лексике [Минъяр-Белоручев 1996: 167]. А И. А. Шульман, говоря о реалиях, вместе с тем подчеркивает, что реалия – комплексное понятие, которое обладает трехступенчатой (национальной, исторической и социальной) коннотацией [Шульман 2000: 141].

Легко отметить, что исследователям сейчас еще сложно дать единую, четкую дефиницию, окончательно очертить границы термина «слово-реалия», к которому они относят и слова, что называют элементы быта и культуры, исторической эпохи, социального строя, государственного устройства, т. е. специфических особенностей конкретного народа, которые будут чужими другим народам и странам. Иными словами, ученым непросто ответить на вопрос: это реалия или иная лексическая категория. И этот вопрос отнюдь не риторический! Распознавание слов-реалий посредством их отделения от других не только представляет теоретический интерес, но и имеет большое практическое значение: от его правильного решения зависит в значительной степени выбор пути, по которому пойдет переводчик при передаче данного слова и его окружения.

В плане содержания отличительной, по сравнению с остальными словами, чертой слов-реалий является характер их предметного содержания, т. е. тесная связь референта – предмет, понятие, явление, обозначающее реалию, – с народом (страной) или, реже, с другой национальной общностью, с одной стороны, и историческим отрезком времени, с другой; отсюда соответствующий национальный (местный) или исторический колорит реалий. При более внимательном рассмотрении оказывается, что эта примета требует множества корректив, что необходим учет других особенностей реалий уже не в «общем плане», а в зависимости от того, что у нас, в нашей стране есть и чего нет, какое явление нам известно, а что нам чуждо.

Данная позиция, которая, казалось бы, должна сузить пределы реалий, внести уточнение, дает противоположный результат: границы реалии становятся еще менее очерченными. Возьмем, например, такое слово, как «кокос». В Беларуси кокосы не растут «на воле»; для нас это экзотический фрукт, который уводит наш разум в страны бесконечного лета, на коралловые острова среди океана; не менее экзотической будет «пальма» и для эскимосов, которые никогда, возможно, не видели ее. Но для жителей этих самых коралловых островов, тропиков и субтропиков, это обычный фрукт, очень полезный и нужный, но такой же знакомый, как для нас слива. С другой стороны, для жителя пустыни или жителя Амазонки такой же экзотикой будет «снег» – обычное понятие для нас, не говоря уже об эскимосах, у которых снег имеет около тридцати названий.

Представляя для теории перевода большой интерес, вопрос о зависимости определения реалии от показателя «свой» и «чужой» не является тем не менее решающим: нельзя на основании чуждости объекта относить к реалиям такие слова, как «кокос» или «снег», только из-за того, что в той или иной стране они не существуют, а значит, не имеют и названия.

Как считают С. Флорин и С. Влахов, известные болгарские исследователи в области перевода лексики с национально-культурным компонентом, такие слова без эквивалентов в том или ином языке можно отнести к безэквивалентной лексике в плоскости данной пары языков и назвать их «экзотизмами» (но не реалиями), поскольку они не являются носителями колорита страны или народа исходного языка и придают только экзотический оттенок тексту на языке перевода [Влахов 2009: 70].

В плане выражения вопрос о распознавании реалий и их отделение от остальных слов связан также со следующей проблемой: реалии могут быть не только словами, но и словосочетаниями, например, *Ash Wednesday* – *Попельная серада*, *Durham University* – *Дарэмскі ўніверсітэт*, *Covent Garden* – *Ковэнт Гардэн* [Виноградов 2001: 56].

Правильному определению понятия «реалия», несомненно, препятствуют значительные расхождения в терминологии. А. А. Реформатский называет реалии варваризмами и относит к этой категории и личные имена, и ономастику. Примеров такого определения одного понятия разными названиями много, но и этого достаточно, чтобы прийти к заключению о необходимости более точно определить содержание термина «реалия» в языкознании [Реформатский 2008: 78].

Чаще всего в литературе встречаются следующие термины: «безэквивалентная лексика», «экзотическая лексика», «экзотизмы». Вместе с ними, обычно в том же или в близком значении, называются «варваризмы», «локализмы», «этнографизмы», «этнолексемы», «этнокультурная лексика», «культурно-коннотативная лексика», «алиенизмы», «фоновые слова», «коннотативные слова», «слова с нулевым эквивалентом», «пробелы», «(случайные) лакуны» и др. Эти понятия роднит национальная, историческая, местная, бытовая окраска, отсутствие эквивалентов в языке перевода, а в отношении некоторых – и иностранное происхождение.

А. В. Федоров пишет о «безэквивалентной лексике, которая представляет собой прежде всего обозначение реалий, характерных для страны данного языка и чуждых другому языку и иной действительности» [Фёдоров 1983: 58]. Таким же образом объясняет реалии Г. В. Чернов [1958: 303] и А. Д. Швейцер [1973: 178], первый – как экзотическую, второй – как безэквивалентную лексику. Очень скромную дефиницию реалий дает Л. С. Бархударов: «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, которые не существуют в практическом опыте людей, разговаривающих на другом языке», развивая ее дальше путем перечисления возможных референтов (предметы материальной и духовной культуры: блюда национальной кухни, виды народной одежды и обуви, народных танцев и т. д.) [Бархударов 1975: 89–90].

Пристального внимания требует дефиниция термина «реалия», которую дают в своей работе С. Влахов и С. Флорин: «реалии – слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [Влахов 2009: 55]. Есть, однако, авторы, которые добавляют к реалиям и явления общественной и культурной жизни страны, общественные учреждения, обычаи и традиции, предметы быта, географические названия, произведения искусства и литературы, имена исторических и общественных деятелей и т. д.

Из всего выше написанного вырисовывается облик слов-реалий как особой категории средств определения – слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; в качестве носителей национального или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, требуя личного подхода, а не перевода на «общих основаниях». К реалиям относятся как нарицательные, так и имена собственные, так и у тех, и у других есть яркое коннотативное значение, которое обуславливает возможность передавать национальный или исторический колорит.

О видах реалий, о разделении их по тем или иным признакам можно найти информацию у многих исследователей, которые писали по этим вопросам, но более или менее сформированные классификации созданы только несколькими авторами.

Таблица А. А. Реформатского, составленного для курса «Введение в языкознание», построена по объектно-языковому критерию.

Классификация реалий может быть построена по предметному принципу, т. е. исходить из смыслового содержания, семантического значения единиц, с учетом черт их референтов, но она расширена за счет разделения реалий по коннотативному значению, т. е. в зависимости от местного (национального, регионального) колорита.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, взяв за основу материал русского языка, прокомментировали семь групп слов, наделенных национально-культурной семантикой.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров характеризуют реалии как лексику, содержащую фоновую информацию [Верещагин 2000: 105]. В ряде работ исследователей культурно-маркированной лексики слова-реалии представляют собой отдельную категорию безэквивалентной лексики. Так Л. С. Бархударов выделяет следующие категории безэквивалентной лексики:

1. Имена собственные, географические названия, названия учреждений, организаций, газет и другие, которые не имеют постоянного соответствия в лексике другого языка.

2. Реалии – слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке.

3. Случайные лакуны – единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам нет соответствий в лексическом составе другого языка [Бархударов 1975: 94].

Наиболее развернутая классификация слов-реалий предложена в монографии С. Влахова и С. Флорина.

Предлагаемая болгарскими учеными классификация реалий базируется на нескольких принципах. С. Влахов и С. Флорин учитывают не только тематический принцип, но и рассматривают также принцип местного деления (в плоскости одного или нескольких языков) и принцип временного деления [Влахов 2009: 58]. Взяв за основу вышеизложенную классификацию, В. Н. Крупнов создает свою классификацию национально-маркированных слов. Она практически во всем совпадает с классификацией С. Влахова и С. Флорина и дополнена лишь одной группой – группой рекламных реалий. Как отмечает сам В. Н. Крупнов, «не случайно считается, что существует особенный «язык рекламы» [Крупнов 1976: 152].

Г. Д. Томахин рассматривал проблему реалий на основе американского материала и, таким образом, предложенная им классификация отражает реалии американской действительности.

Таким образом, рассмотрев различные точки зрения по проблемам классификации слов-реалий, можно сделать вывод о том, что в литературе по данному вопросу прочно утвердился способ классификации реалий по тематическому принципу. В целях систематизации реалий необходимо основываться на экстралингвистическом факторе – тематических ассоциациях, так как основным критерием их выделения является семантический фактор [Томахин 1988: 46–57].

Классификация, предложенная В. С. Виноградовым, представляет наибольший интерес, поскольку согласно автору, содержание фоновой информации охватывает, прежде всего, специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и др. [Виноградов 2004: 87].

Что касается передачи реалий в язык перевода, можно выделить две основных трудности:

1) отсутствие в языке перевода соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка определенного реалией объекта (референта);

2) необходимость наряду с предметным значением (семантикой) реалии передать и колорит (коннотацию) – ее национальную и историческую окраску.

При выборе наиболее подходящего способа перевода нужно осмыслить эту неизвестную реалию в оригинале, т. е. место, которое занимает она в контексте: как она подана автором и какими средствами он пользуется, чтобы довести до сознания читателя ее семантическое и коннотативное содержание [Морковина 2008: 137–138].

Способы перевода реалий возможно свести к двум: транскрипции и собственно переводу. Практическая транскрипция вводит в текст перевода при помощи графических средств языка перевода соответствующие реалии с максимально допустимым этими средствами фонетическим приближением к ее оригинальной фонетической форме.

Желание и зачастую необходимость использования транскрипции при переводе реалий обусловлена тем, что при удачном транскрибировании переводчик может преодолеть две трудности: передать смысловое содержание и колорит, но неудачный выбор между транскрипцией и переводом может серьезно ввести в заблуждение читателя.

Алгоритм перевода английских слов на белорусский язык способом практической транскрипции разработан при центре «Словарь» Минского государственного лингвистического университета, но некоторые случаи в связи с изменениями в орфографии белорусского языка требуют уточнения.

Собственно переводом реалии на язык перевода обычно пользуются в тех случаях, когда транскрипция по тем или иным причинам невозможна или нежелательна.

Все способы перевода реалий можно выразить в следующей схеме:

1. Транслитерация;
2. Транскрипция;
3. Перевод (замена, субституция)
 - 3.1. Калька;
 - 3.2. Полукалька;
 - 3.3. Освоение;
 - 3.4. Семантический неологизм;
4. Уподобляющий перевод
 - 4.1. Гипонимический перевод;
 - 4.2. Функциональный аналог;
 - 4.3. Описание, пояснение;
5. Контекстуальный перевод.

Существуют еще три способа передачи реалий в язык перевода, несмотря на то, что они как таковые не являются приемами перевода реалий:

- 1) замена реалии исходного языка на реалию языка перевода;
- 2) передача чужой для исходного языка и языка перевода реалии;
- 3) опущение реалии.

При переводе реалий каждый раз требует ответа в первую очередь вопрос: транскрибировать или переводить? Какой из двух способов приведет к лучшему восприятию текста и его колорита? Выбор зависит от нескольких показателей: от характера текста, от значимости реалии в контексте, от характера самой реалии, от самих языков, от читателя перевода.

Согласно проведенному анализу 1500 реалий британской культуры наиболее применяемыми способами перевода оказались транскрипция, транслитерация и калька, либо их сочетание с пояснением.

В подборку реалий культуры Великобритании были включены следующие тематические группы:

- 1) города и места рождения знаменитых людей (*Stratford-on-Avon, Aberdeen, Albion, Saint, Davids, Westminster*, др.);
- 2) названия культурных учреждений: театры, музеи, концертные залы и др. (*Aldwych Theatre, Amateur Dramatic Club, Albert Hall, Kensington Palace*, др.);
- 3) достопримечательности (*Stonehenge, The Pilgrim's Way*, др.);
- 4) праздники (*St. Andrew's Day, April Fool's Day, Ash Wednesday, Remembrance Sunday*, др.);
- 5) организации (*Art Council, The British Council, Freefone, Independent Television Commission*, др.);
- 6) музыкальные коллективы и инструменты (*The Beatles, Deep Purple, harp, bagpipe*, др.);
- 7) названия фестивалей (*Eisteddfod, Bath Festival, Edinburgh Festival, Glyndebourne*, др.);
- 8) названия песен и танцев (*Auld Lang Syne, reel, carols, Highland Fling*, др.);
- 9) традиции (*Changing of the Guard, Trooping the Colour, Easter basket, Trick or Treat*, др.);
- 10) центры культуры (*BBC Television Centre, Inner London*, др.) и т. д.

Таким образом, был определен самый узкий круг реалий культуры, которые были переведены на белорусский язык. Далее предоставляется описание возможных способов их перевода.

П р а к т и ч е с к а я т р а н с к р и п ц и я . Данный способ использовался для передачи различных реалий и обязательно сопровождался ее толкованием, которое давалось в разных страноведческих и толковых словарях. Чаще транскрипция использовалась для передачи географических названий (*Aberdeen* – *Абердын*), названий театров (*Aldwych* – *Олдуич*), имен собственных (*Anne Hathaway* – *Эн Хэ-таўэй*), некоторых объектов культуры (*Cenotaph* – *Сенамаф*), названий музыкальных групп (*Beatles* – *Бімлз*), названий блюд (*haggis* – *хэгіс*), некоторых зданий (*Burlington House* – *Берлінгтан Хауз*), одежды (*kilt* – *кілм*), танцев (*reel* – *рыл*), названий улиц (*Lombard Street* – *Ламбард-Стрым*), названий телепрограмм (*Muppet Show* – *Манім-шоў*), названий газет и журналов (*Time Out* – *Тайм Аўт*), названий школ (*Eton* – *Ітан*), спортивных мероприятий (*Derby* – *Дэрбі*) и др.

Т р а н с л и т е р а ц и я . Этот способ использовался там, где практическую транскрипцию нельзя было использовать, т. е. при передаче звуков [ð], [θ], [з:], [іә], [еә] или в традиционных передачах.

Транслитерацией передавались некоторые личные имена (*Burns* – *Бернс*), географические названия (*South Bank* – *Саут Бэнк*), концертные залы (*Albert Hall* – *Альберт Хол*), поэтические названия (*Caledonia* – *Каледонія*), названия зданий (*bungalow* – *бунгала*), игры (*cricket* – *крыкет*), выставочные залы (*Earls Court* – *Эрлз-Корт*), названия элементов одежды (*sporran* – *споран*), ткань (*tartan* – *тарман*), соревнования (*torpids* – *торпідз*), др.

К а л ь к и р о в а н и е . Калькирование использовалось на уровне словосочетания. Здесь часто имело место перестановка элементов, был и смешанный способ. Этот способ использовался для передачи названий различных учреждений (*National Gallery* – *Нацыянальная Галерэя*), праздников (*Ash Wednesday* – *Попельная серада*), культовых учреждений (*Westminster Abbey* – *Вэстмінстэрскае Абацтва*), музеев (*The British Museum* – *Брытанскі музей*), мероприятий (*Changing of the Guard* – *змена варты каралеўскіх гвардзейцаў*), блюд (*Shepherd's pie* – *пастуховы пірог*), общественных объектов (*Square Mile* – *Квадратная міля*), экспонатов (*Stone of Scone* – *Скунскі камень*), традиций (*open day* – *дзень адчыненых дзвярэй*), игр (*oranges and lemons* – *апельсіны і лімоны*) и т. д.

Ф у н к ц и о н а л ь н ы й а н а л о г . Данный способ перевода реалий использовался не очень часто. Использовался аналог тогда, когда в белорусском языке имеется слово, похожее на британскую реалию семантически: *Christmas* (*X-mas*) – *Каляды*, *April Fool's Day* – *Дзень смеху*, *hopsotch* – *класікі*, *Humpty Dumpty* – *Шалтай-Балтай*.

О п и с а н и е / п о я с н е н и е . Данный тип передачи реалий использовался почти везде. В основном, пояснение использовалось в совокупности с другими способами: калькированием, транскрипцией, транслитерацией. Описание использовалась для передачи реалий, обозначающих: журналы (*'Just Seventeen'* – *«Толькі 17»* – *часонік для дзяўчынак*), культурные объекты (*Chunnel* – *назва тунэля, які пракладзены пад пралівам Ла-Манш*), праздники (*Boxing Day* – *дзень падарункаў*), должности (*don* – *выкладчык Кэмбрыджскага або Оксфардскага ўніверсітэта*), символика (*Coat of Arms of the UK* – *дзяржаўны герб Злучанага Каралеўства*) и т. д.

Обобщая весь изложенный материал, очевидно то, что перевод слов-реалий другой страны невозможен без знания этих реалий. Удачная передача их на родной язык требует совершенных знаний культуры, истории, обычаев, традиций, быта той страны, той нации, о которой идет речь в переводимом тексте. Что касается Великобритании, перевод слов-реалий этой страны осложняется еще и тем, что переводчик сталкивается с реалиями различных частей Объединенного Королевства: Англии, Ирландии, Шотландии, Уэльса. Британская нация сильно сохранила традиции в разнообразных сферах жизни, часто трудных для понимания из-за их характерности только этой стране. Большое значение в этом плане имеет монархия со всеми своими атрибутами, архаичная парламентская процедура; значительное влияние на жизнь страны оказывает англиканская церковь. Неудивительно, что значительный пласт лексики связан с королевским двором, парламентом, церковью и т. п.

Хотелось бы обратить внимание на важность изучения слов-реалий и на трудности, которые могут возникнуть в процессе перевода. Без их знаний невозможно правильно понять содержание, легко сделать грубые ошибки и исказить смысл. Например, можно легко сделать ошибку, если не знать, что «*public school*» это не «общественная», а наоборот «частная школа», что «*black tie*» не просто «черный галстук-бабочка», а еще и «смокинг, вечерний туалет», что «*Boxing Day*» не имеет никаких отношений к боксу, а переводится, как «день подарков на Рождество», а «*Women's Institute*» не является учреждением образования, а организацией, объединяющей женщин, живущих в сельской местности. Чтобы правильно перевести явления, которые встречаются в другой культуре, переводчик должен их понимать, а для этого приобретать как можно более широкие знания из различных сфер жизни, расширять свой кругозор, свой запас знаний.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 2000. – 387 с.
Виноградов В. С. Введение в переводоведение. – М.: ИОСО РАО, 2001. – 224 с.
Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы. – М.: КДУ, 2004. – 240 с.
Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 2009. – 360 с.
Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Академия, 2006. – 192 с.
Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. – М.: Международные отношения, 1976 – 192 с.
Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. – М.: Московский лицей, 1996. – 207 с.
Морковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст: Введение в лингвострановедение. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 144 с.
Ощепкова В. В., Шустилова И. И. Краткий англо-русский лингвострановедческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2000 – 176 с.
Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 536 с.
Соболев Л. Н. О переводе образа образом // Вопросы художественного перевода. – М.: Сов. писатель, 1955. – С. 291–297.
Томахин Г. Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению. – М.: Высшая школа, 1988 – 239 с.
Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
Чернов Г. В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык. – М.: Высшая школа, 1958 – 345 с.
Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. – 278 с.
Шульман И. А. Классификация реалий и проблема их перевода на иностранный язык // Матер. ежегодн. научн. конф. студентов и магистрантов. – Мн., 2000. – С. 140–145.
Англа - беларуска - рускі слоўнік / Т. М. Суша [і інш.]; пад рэд. Т. М. Сушы і А. К. Шчукі. – Мн.: БелСЭ, 1989. – 188 с.
Англійска – беларускі слоўнік = English – Belarusian Dictionary / Т. М. Суша [і інш.]. – Мінск, Вышэйшая школа, 2013. – 765 с.
Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow, Pearson Education Limited, 2006. – 1620 p.
Oxford Guide to British and American Culture for learners of English / Ed. Jonathan Crowther. – Oxford: Univ. Press, 2005. – 535 p.

УДК 81'25: 801.631.5

К вопросу о лингвостилистических характеристиках переводческой терминосистемы

БУТЫЛОВ Н. В.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

Аннотация. Современная переводческая терминосистема в отечественном переводоведении проходит путь становления. Это одна из самых разнонаправленных и сложных в понятийном, содержательном отношении систем терминов.

Ключевые слова: терминосистема, переводоведение, лингвистическая терминология, переводческая терминология, инверсия.

On Lingvo-Stylistic Characteristics of Translation Term System

BUTYLOV N. V.

Mordovia State University

Abstract. *The contemporary Russian translation terminology is developing. This is one of the most sophisticated and multidirectional in the conceptual, meaningful relationships systems terms.*

Keywords: *term system, translation, linguistic terminology, translation terminology inversion.*

Современная переводческая терминосистема в отечественном переводоведении проходит путь становления. Это одна из самых разнонаправленных и сложных в понятийном, содержательном отношении систем терминов [Нелюбин 2003].

Особенности данной терминосистемы очевидны:

- Переводческая терминология, включая употребляемые в переводоведении термины других лингвистических наук (фонологии, лингвистики текста, когнитологии, прагматики, и др.), составляет достаточно разнообразные по своему характеру подсистемы и по своей сути междисциплинарна.
- В рамках данной терминосистемы не наблюдается единообразия, что характерно для других более устоявшихся систем.

Показательно то, что практически каждый учебник и даже научные труды по переводоведению снабжены словарями переводческих терминов, что свидетельствует об актуальности терминологической проблемы. Анализ лишь нескольких из подобных словарей переводческих терминов показывает, что существенные различия наблюдаются в определении базовых понятий перевода, его видов, сущности перевода как вида коммуникативной и социокультурной деятельности, техники перевода, прагматических аспектов перевода. Так, Т. А. Казакова пишет приемах перевода и соответственно выделяет типы приемов, такие как лексико-семантические, грамматические, стилистические.

В терминологической системе В. Е. Комиссарова представлены подходы с позиций трансформационной модели перевода. В ней проанализированы и исследованы различные типы трансформаций, которые противопоставлены закономерным соответствиям, не требующим по логике вещей трансформационной техники [Комиссаров 2002: 63]. В конечном счете и в этой концепции переводческие трансформации представлены все теми же тремя группами приемов – лексические, грамматические, стилистические, что определено объектом переводческих преобразований.

Важным событием в формировании понятийного аппарата стал словарь переводческих терминов Л. Л. Нелюбина [2003]. Данный словарь представляет собой учебное пособие, предназначенное для студентов, аспирантов, преподавателей языковых факультетов и вузов, переводчиков, а также лингвистов и других специалистов, занимающихся переводческими проблемами. Словарь содержит 2028 словарных статей (экстрагированных из 224 источников), включающих термины, терминологические словосочетания и понятия, связанные с традиционным «ручным» (немашинным) и машинным переводом, а также некоторые общелингвистические термины, входящие в толкование тех или иных словарных единиц (статей). В концептуальном представлении данной работы теория машинного перевода зиждется на достижениях компьютерной лингвистики, поэтому терминология и понятия этой области знаний включены в данный словарь.

Источниками словаря послужили определения и толкования переводоведческой и связанной с ней лингвистической терминологии, выделенные из произведений различных авторов, работы которых приведены в списке использованной литературы. Словарь носит учебно-прагматический и когнитивный характер и поэтому нацелен на самостоятельный поиск пользователями цитат авторов и их конфронтацию из списка приводимой литературы.

Построение словарной статьи определено базовыми лексикографическим и принципами. Статьи словаря расположены в алфавитном порядке. Каждое слово (в том числе и сложное слово) или словосочетание со всем относящимся к нему материалом образует самостоятельную словарную статью.

Каждое заглавное слово, словосочетание выделено жирным шрифтом. Если название статьи состоит из двух или нескольких слов, то оно дается в той форме, в которой употребляется в переводоведческой и лингвистической литературе, например:

Адекватная замена. Инверсия допускается в тех случаях (незначительных), когда в названии нужно выделить то, что является главным по смыслу, и так, как оно встречается в источнике.

В необходимых случаях в словник введены ссылочные статьи, названия которых выделены курсивом, обозначающим «смотри», например: Вещественная часть слова – см. значащая часть слова. Если термин отсылается к синониму, то ссылка указывается словами «то же, что» и выделяется курсивом, например: Агенс – то же, что субъект действия.

В тексте статей даются ссылки на термины, понятия, являющиеся заголовками самостоятельных статей. Такие слова (словосочетания) выделяются курсивом, что означает «смотри». Иногда в статье используется сокращение «ср. », означающее «сравни», и далее курсивом выделяется понятие, на которое дается эта ссылка.

Определения и пояснения в статьях нумеруются и предъявляются в порядке их экстрагирования из того или иного источника. Ссылки на авторов не приводятся из-за сложности классификации идентифицируемых признаков, делающей словник весьма громоздким, а также с тем, чтобы не облегчать исследовательский поиск. Список источников приводится в конце словаря, и исследователь, проработав литературу, может сам определить авторскую принадлежность цитаты [Нелюбин 2003].

Солидному объему представленной переводческой терминологии соответствует исключительное многообразие отражаемых ею категорий научных понятий, являющихся предметом исследования многих лингвистических дисциплин; в совокупности она образует сложнейшую макротерминосистему. Вместе с тем каждый переводческий термин является элементом соответствующей микротерминосистемы: категории перевода, включая само понятие перевода, виды перевода, аспекты перевода, приемы перевода.

Эти микротерминосистемы базируются на классификациях научных понятий и эмпирическом описании техники перевода. Таким образом терминосистема представлена по крайней мере двумя типами терминов по степени абстракции:

- термины-абстракции, представляющие категориальные понятия перевода, такие как – прагматика перевода;

- термины-именования, представляющие эмпирическое описание процесса перевода – двусторонний перевод, автоматизированная информационная система, калькирование, транскрибирование, транслитерация, генерализация, снижение стилистической экспрессивности.

Различаются и трактовки термина, и их понятийное представление в рамках различных подходов. Так базовые категории адекватности и эквивалентности перевода, являющиеся основным теоретическим положением и установкой переводческого процесса по-разному представлены в различных концепциях.

Термины «эквивалентность» и «адекватность» издавна используются в переводческой литературе. Порой в них вкладывается разное содержание, а иногда они рассматриваются как синонимы. Так, в информативной статье Р. Левицкого «О принципе функциональной адекватности перевода» термин «адекватность» в ряде случаев оказывается взаимозаменяемым с термином «эквивалентность» [Латышев 2000].

В то же время у других авторов понятия «эквивалентность» и «адекватность» противопоставляются друг другу, но при этом на различной основе. Так, В. Н. Комиссаров рассматривает «эквивалентный перевод» и «адекватный перевод» как понятия неидентичные, хотя и тесно соприкасающиеся друг с

другом. Термин «эквивалентный перевод», по его мнению, имеет более широкий смысл и используется как синоним «хорошего» перевода, т. е. перевода, который обеспечивает необходимую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях.

Адекватный (полноценный) перевод А. В. Федоров определяет как перевод, соответствующий подлиннику по функции (полноценность передачи) и по выбору средств переводчиком (полноценность языка и стиля). Функциональная точность, характерная для адекватного перевода, не только допускает, но нередко и требует отказа от формальных, словарных соответствий. Важно помнить, что «перевод – не простое механическое воспроизведение всей совокупности элементов подлинника, а сложный сознательный отбор различных возможностей их передачи. Таким образом, исходной точкой должно быть целое, представляемое оригиналом, а не отдельные его элементы».

В последние годы значительно выросло число микротерминосистем, выражающих понятия, связанные с техникой перевода, аспектами перевода и собственно моделирования основных категорий перевода. Существенно расширяются узкоспециальные лексиконы отдельных концепций переводоведения, представленных трансформационной моделью перевода [Комиссаров 2002], концепцией эквивалентности в переводе [Рецкер 2002; Найда 2001], теорией когнитивного диссонанса.

Есть определение перевода, которое дает известный отечественный исследователь перевода Вилен Наумович Комиссаров: «Эквивалентность перевода – общность содержания (смысловая близость) оригинала и перевода» [Комиссаров 1990]. На наш взгляд, под эквивалентностью, в теории перевода следует понимать сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально – коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе. Следует особо подчеркнуть, что эквивалентность оригинала и перевода – это прежде всего общность понимания содержащейся в тексте информации, включая и ту, которая воздействует не только на разум, но и на чувства реципиента и которая не только эксплицитно выражена в тексте, но и имплицитно отнесена к подтексту. Эквивалентность перевода зависит также от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода.

Другой отечественный переводовед, Лев Константинович Латышев, выделяет основные концепции эквивалентности:

- Концепция нормативно-содержательного соответствия. «Переводчики этого направления стремились выполнить два требования: 1) передать все существенные элементы содержания исходного текста и 2) соблюсти нормы переводящего языка (ПЯ)» [Комиссаров 1990].
- Концепция полноценного (адекватного) перевода. Авторы данной концепции А. В. Федоров и Я. И. Рецкер определили следующие качества адекватного перевода: 1) исчерпывающая передача смыслового содержания текста; 2) передача содержания равноценными (то есть выполняющими функцию, аналогичную выразительной функции языковых средств подлинника) средствами [Комиссаров 1990].
- Концепция динамической (функциональной) эквивалентности. Понятие динамической эквивалентности, которое впервые выделил Юджин Найда, сходно с понятием функциональной эквивалентности у А. Д. Швейцера. Речь идет о совпадении реакции получателя исходного текста и носителя одного языка с реакцией получателя текста перевода, носителя другого языка.

Теория уровней эквивалентности у В. Н. Комиссарова основывается на выделении в плане содержания оригинала и перевода пяти содержательных уровней: 1) уровень языковых знаков; 2) уровень высказывания; 3) уровень сообщения; 4) уровень описания ситуации; 5) уровень цели коммуникации.

В процессе перевода устанавливаются отношения эквивалентности между соответствующими уровнями оригинала и перевода. Единицы оригинала и перевода могут быть эквивалентны друг другу на всех пяти уровнях или только на некоторых из них. Конечная цель перевода заключается в установлении максимальной степени эквивалентности на каждом уровне. Особенно это важно при переводе различных торговых аннотаций на родной язык, когда необходимо полностью сохранить смысл содержательной стороны текста оригинала.

В переводоведении нередко встречается тезис о том, что главным определяющим принципом эквивалентности текста является коммуникативно-функциональный признак, который складывается из равенства коммуникативного эффекта, производимого на реципиентов оригинального и переводного текстов.

С этим постулатом можно было бы согласиться с некоторыми оговорками и пожеланиями. Однако при трактовке коммуникативно-функциональной эквивалентности утверждается, что, создавая текст на языке Б, переводчик, строит его таким образом, чтобы получатель на языке Б воспринял его так же, как и получатель на языке А. Иными словами, в идеале сам переводчик не должен привносить в текст сообщения элемент собственного восприятия, отличного от восприятия этого сообщения тем получателем, которому оно было адресовано. На самом деле восприятие переводчика и любого из получателей речи не способно оказаться одинаковым в силу самых различных личностных и социальных причин.

Цель перевода состоит не в подгонке текста под чье-то восприятие, а в сохранении содержания, функций, стилистических, коммуникативных и художественных ценностей оригинала. И если эта цель будет достигнута, то и восприятие перевода в языковой среде перевода будет относительно равным восприятию оригинала в языковой среде оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

- Комиссаров В. Н. Слово о переводе. – М.: Международные отношения, 1990. – 159 с
Комиссаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу. – М.: Рема, 2002. – 111 с.
Латышев Л. К. Технология перевода. Немецкий язык. – М.: НВИ-Тезаурус, 2000.
Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. – Изд. 3-е, перераб. – М.: Флинта-Наука, 2003. – 320 с
Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Валент, 2002. – 240 с.

УДК 81'25:004.738.4

К вопросу о переводе англоязычного сленга в контексте интернет-дискурса

ГЛЕБОВА Т. Н.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

Аннотация. В статье дается понятие сленга и определяется его значение в системе Интернет-коммуникаций. Выделяется проблема перевода текстов, содержащих интернет-сленг, а также выделяются и характеризуются основные способы перевода англоязычного интернет-сленга на русский язык.

Ключевые слова: интернет, перевод, сленг, калька, полукалька, фонетическая мимикрия.

On the Translation of English Slang in the Context of Internet Discourse

GLEBOVA T. N.

Mordovia State University

Abstract. The article presents the concept of slang and determines its importance in the system of Internet communications. The problem of translation of texts containing Internet slang is highlighted, as well as the main methods of translation of English slang into Russian are given and characterized.

Keywords: Internet, translation, slang, calque, semi-calque, phonetic mimicry.

В конце XX столетия в результате научно-технической революции появляется совершенно уникальная инновационная коммуникационная система – Интернет. Потребность в Интернете складывалась в связи с необходимостью глобальной коммуникации в области науки, техники, экономики. Появившись в 1960-х гг. в США как экспериментальная информационная сеть, Интернет быстро распространился на все виды человеческой деятельности, создав мощную информационную сверхмагистраль и охватив пространство всего мира. Первый e-mail был послан в 1972 г. физиками коллегам-учёным, объединённым единой компьютерной системой в их профессиональной области. Интернет в его сегодняшнем виде можно представить как сплав телевидения, газет, журналов, телефона, телеграфа, библиотек, т. е. рассматривать его как единый интегральный информационный источник, который обладает реальными и потенциальными возможностями для предоставления сведений из любой области человеческой деятельности в считанные секунды [Володарская 2004: 2].

При рассмотрении развития английского языка в системе Интернет необходимо отметить появление новых лексических единиц в условиях электронного общения, полученных как с помощью традиционных способов словообразования (словосложение, префиксация, суффиксация), так и иных способов. Так, например, новые слова могут образовываться путём конверсии слова из одной части речи в другую без морфологических изменений, а необходимость экономии времени во время Интернет коммуникации сделала акронимический метод создания лексических единиц наиболее популярным.

Говоря о появлении новых лексических единиц, необходимо остановиться на таком явлении, как компьютерный сленг, который можно рассматривать либо как языковую революцию, либо как мощную разрушительную силу языковой системы. Сленг является своеобразным способом выражения отношения к явлениям и трансформациям общественного развития [Арустамова 2006: 1].

Дадим определение понятию сленг. По мнению В. А. Хомякова, сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией [Хомяков 1980: 5].

Таким образом, интернет-сленг – это сленг, на котором общаются пользователи сети Интернет, и его значимость состоит в том, что он постепенно проникает в общеупотребительную лексику.

Появление сетевого сленга преследовало определенную цель, а именно – сэкономить время, уменьшив объем текста, который нужно было набирать на клавиатуре. По этой причине основные средства создания интернет-сленга были разного рода аббревиатуры, пиктограммы и сокращения наиболее часто употребляющихся слов. Данная система впоследствии начала употребляться и в смс-сообщениях. Однако, существовали и такие виды сетевого языка, целью которых являлась не простая экономия времени, а шифрование смысла. К ним относится такой интернет-диалект, как *leet* (от английского слова “elite” – элита). Сущность данного диалекта заключалась в том, что латинский алфавит заменялся различными вариациями, взятыми из Американского стандартного кода для обмена информацией.

Первые зачатки сетевого сленга возникли задолго до появления всемирной паутины. Рафаэль Финкель в 1975 г. выпустил сборник “Jargon File”, в котором объединил хакерский сленг технической культуры, используемый в MIT AI Lab, the Stanford AI Lab и других подобных обществах. Очевидно, что известных нам лексических единиц в Jargon File того времени было еще очень мало. Но, позже, с появлением Интернета, этот словарь периодически обновлялся, в его состав уже начали входить знакомые всем *LOL*, *ROFL* и т. д.

В 2008 г. газета “Нью-Йорк Таймс” выпустила свою подборку интернет-слов, включавших в себя “*FAIL*”, “*longphoto*” (так пользователи социальной сети Flickr называют видео-ролики длиной меньше,

чем 90 секунд) и различные единицы, содержащие буквосочетание “tw”, изобретенные пользователями социальной сети Twitter (*tweeple – twitter people or users of Twitter, twittastic – fantastic, tweet(ing) – the act of posting to Twitter* и т. д.) Многие интернет-аббревиатуры стали использоваться англоязычными подростками и «продвинутыми» интернет-пользователями и в повседневном общении.

Современный Интернет-сленг широк и разнообразен. Широкое распространение получили аббревиатуры, созданные интернет-пользователями, например, *LOL (laughing out loud, laugh out loud), IMHO (in my humble opinion), JK (just kidding), OMG (Oh my god), LYLAB (Love you like a brother) или LYLAS (Love you like a sister)* и др. К сленгу также относятся умышленное искажение в написании слов, неправильное употребление грамматических конструкций. К примеру, пользователи интернета намеренно не делают никакой разницы между словами *no* и *know*, *than* и *then*, *to* и *too*, пишут *labtop* вместо *laptop*, *alright* вместо *all right* или используют несуществующие в грамматике конструкции (*could of* вместо *could have*).

Существует явная тенденция к сокращению фонетической и грамматической форм в рамках сетевого общения, что в большинстве случаев является грамматически неверно: *I saw him today*. – Я видел его сегодня. (верно: *I have seen him today*).

Интернет-сообщество упрощает написание слов: *I love you – I luv u, to – 2, for – 4, ate – 8, 4u – for you, 2All – To All, L8r – Later* и т. д.

Поскольку общение посредством сети Интернет является удаленным, то его пользователи лишены невербальных средств: тембра речи, акцентирования части высказывания, эмоциональной окраски, тембра голоса, его силы, дикции, жестов и мимики. Таким образом, с целью компенсации подобного эмоционального дефицита в виртуальный дискурс были введены частично типизированные, эмоциональные реакции – «смайлики» (от английского “*smile*” – «улыбка»), получившие чрезвычайно широкое распространение. Смайлик также является общим термином для любого эмотикона.

«Эмотикон (англ. *emoticon*), эмотиконка, эмоцион – пиктограмма, изображающая эмоцию; чаще всего составляется из типографских знаков. Особое распространение получил в Интернете и SMS (и пр. текстовых сообщениях), однако в последнее время используется повсеместно. Эмотиконы (смайлы или смайлики) обозначают интернациональные понятия, поэтому они не воспроизводят текущую речь, не отображают грамматических, фонетических и др. особенностей естественного языка. Эмотиконы можно отнести к паралингвистическим средствам письменной коммуникации, или к таким средствам, которые не являются речевыми единицами, но сопутствуют последним с целью уточнения, конкретизации смысла основного сообщения» [6].

Например:

- : -) улыбка, радость;
- ; -) улыбка с подмигиванием;
- : -(грусть, печаль;
- 8-O сильное удивление (открытый рот, расширенные глаза);
- *: O) клоун;
- : -@ кричать в гнев.

Помимо «смайликов» для компенсации тембра и акцентирования части высказывания в виртуальном общении используется так называемый «капс» (от английского “*Caps Lock*” – блокировка верхнего регистра клавиатуры; написание фразы или части ее заглавными буквами), который повсеместно в Сети трактуется как повышение голоса.

Распространение Интернета в мире способствовало возникновению интернет-сленга и в русском языке. В большинстве случаев русскоязычные лексические единицы интернет-сленга заимствуются или переводятся с их английских эквивалентов. Выделяют несколько способов перевода англоязычного сленга в рамках интернет-дискурса:

1. **К а л ь к а**. Этот способ перевода включает в себя заимствования, которые грамматически не были освоены русским языком. При этом слово заимствуется целиком со своим произношением, написанием и значением. Такие заимствования подвержены ассимиляции (*device* – девайс, *hard* – хард). Вероятнее всего, некоторое количество подобных слов в русском языке явилось следствием того, что большинство программного обеспечения на компьютерах всё ещё работает на английском языке. Вследствие этого у людей происходит своеобразное привыкание к некоторым распространённым командам или сообщениям. Например, «инвалид юзер» (популярный ответ на вопрос о том, почему что-либо не работает) является перефразировкой сообщения операционной системы MS-DOS “*invalid drive*”. Кроме «привыкания», здесь сыграла свою роль и общая тенденция среди молодёжи к привлечению в свою повседневную речь англицизмов с целью приобщения к американской культуре и стилю жизни. Именно в этой группе имеет место русское или просто неправильное прочтение английского слова. Порой ошибка становится привлекательной до того, что овладевает массами: *message* – мессаг [Мелконян 2012: 4].

2. **П о л у к а л ь к а**. При переходе термина из английского языка в русский, последний подгоняет принимаемое слово под нормы не только своей фонетики как в предыдущей группе, но и произношения с грамматикой. Существительные приобретают падежные окончания: *application* – аппликуха (прикладная программа), аппликухи, аппликуху. Слова этой группы образуются следующим образом: к первоначальной английской основе определёнными методами прибавляются словообразовательные модели русского языка. К ним относятся прежде всего уменьшительно-ласкательные суффиксы существительных *-ик*, *-к(а)* и др.: *smile* – смайлик, *user's manual* – мануалка, *CD-ROM* – сидиромка. Также встречается суффикс *-юк*, характерный для просторечий: *CD (compact disk)* – сидюк. Вследствие того что английский язык является аналитическим, а русский синтетическим, имеет место добавление флексий к глаголам: *to connect* – коннектиться (соединяться при помощи компьютеров), *to program* – программить (заниматься программированием), *to click* – кликать (нажимать на клавиши мыши). В соответствии с тем, что одной из причин необходимости сленга является сокращение длинных профессионализмов, существует такой способ, как универбация, например, *strategic game* – стратегия. Здесь из словосочетания заимствуется одно слово и при этом оно получает значение всего словосочетания. Довольно большое количество слов этой группы произошло от различных аббревиатур, например, *IBM* – Айбиэмка.

3. **П е р е в о д**. Часто английские профессиональные компьютерные термины при переходе в русский язык теряют свои научные свойства и становятся сленгом. Одним из способов является перевод слова с использованием существующих в русском языке нейтральных слов, которые при этом приобретают новое значение со сниженной стилистической окраской: *Windows* – форточки, *virus* – живность, *user's manual* – букварь. Более того, в процессе перевода как одного из способов передачи англоязычного сленга на русский язык включается механизм ассоциативного мышления. Возникающие ассоциации или метафоры могут быть самыми разными, например, по форме предмета или устройства и по принципу работы: *disk* – блин, *adapter card* – плитка, *matrix printer* – вжикалка, *patch file* – заплатка. Подобные метафоры получили распространение и в процессе перевода глагольных форм: *to delete* – сносить, *to read from disk* – пилить диск, *to seek smth on disk* – шуршать.

Существует другой, более часто встречающийся способ, когда термины приобретают свой сленговый перевод путем использования лексики других профессиональных групп. Чаще всего встречаются слова и выражения из молодежного сленга: *incorrect program* – глюкало, *streamer* – мофон.

4. **Ф о н е т и ч е с к а я м и м и к р и я**. Этот метод основан на совпадении семантически не схожих общеупотребительных слов и английских компьютерных терминов: *error* – Егор, *jumper* – джемпер, *home* (домашняя страница) – хомяк, *button* – батон, *shareware* – шаровары. Слово, которое переходит в сленг, приобретает совершенно новое значение, никоим образом не связанное с общеупотребительным: *laser printer* – лазерь. Возможны как случаи, основанные на фонетическом совпа-

дении английского и стандартного слова, так и случаи, основанные на совпадении части слов. В этом случае сленговое слово дополняется оставшейся частью слова, заимствованной методом кальки у английского оригинала: *Windows* – виндовоз, *break point* – брякпойнт. Есть слова, у которых одна часть – фонетическое подражание, другая – перевод: *cache memory* – кыш-память. К этой группе слов также можно отнести названия различных программ. Вероятно потому, что именно эти названия чаще всего неясны в употреблении и восприятии для российских пользователей: *Corel Draw* – король дров, *Aldus PageMaker* – Альдус Пижамкер. К этому явлению относятся также случаи звукоподражания без каких-либо сходств со словами стандартной лексики. Они образуются путём отнимания, прибавления, перемещения некоторых звуков в оригинальном английском термине. Это самая обширная и абстрактная по своей тематике группа: *Internet* – нет, *mail* – мыло, *ICQ* – аська, *Opera* – ёпера.

Трудность перевода такого рода сленгизмов заключается в том, что существует необходимость разбираться в лексике прежде всего компьютерного дискурса, а также обладать необходимым фоном экстралингвистических знаний в других областях.

Например, М. С. Лукина произвела анализ компьютерного сленга и выделила в нем многочисленные заимствования из разных областей знаний и повседневной жизни. Компьютерная лексика разграничивается на следующие сферы: профессии (визард – хороший, опытный программист; глюкогон – человек, исправляющий программные ошибки); персонажи сказок (Баба Яга – графический адаптер, Емеля – электронная почта, Тролль – анонимный Интернет-провокактор); исторические реалии (Кваркер – игрок в компьютерную игру Quake (Англия), Троян – компьютерный вирус, который незаметно передает вашу информацию анониму (Древняя Греция); Лазарь – лазерный принтер (библейзм)); религия (гуру – уважаемый человек, опытный мастер, крутой программист); интернет-зоонимы (жук – вирус, баг; собака, собачка – самое распространенное наименование символа «@»); интернет-фитонимы (корень – первая директория в дереве («корневая директория»); лист – список рассылки, используется для оповещения широких масс одним простым письмом), имена нарицательные (Ася – ICQ; Ромка – ROM; Ирка – система онлайн-общения IRC (Internet Relay Chat)) и т. п. [Лукина 2013: 3]. Необходимо учитывать данные характеристики сленга при переводе.

Таким образом, появление компьютеров и сети Интернет способствовало созданию новых лексических единиц, прежде всего в английском, а затем и других языках. К ним относится и пласт лексики, именуемый сленгом. Сегодня значимость Интернет-сленга невозможно переоценить, поскольку он имеет большое влияние на формирование общеупотребительной лексики, в особенности в молодежной среде. Интернет-сленг неоднороден по своему составу: он включает не только неологизмы, но и различного рода аббревиатуры, сокращения, искажения правил правописания и грамматики, «смайлики». Интернет-сленг существует уже более 20 лет, постоянно изменяясь и пополняясь новыми лексическими единицами. Русскоязычный сленг в рамках интернет-дискурса создавался за счет заимствований с английского языка или перевода с данного языка. Выделяют несколько способов перевода англоязычного интернет-сленга: калька, полукалька, собственно перевод и фонетическая мимикрия. Однако из-за неоднородности и постоянной изменчивости интернет-сленга возникают различные трудности при переводе. Поэтому вопрос о переводе интернет-сленга является неоднозначным и требует более детального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Арустамова А. А. Современный молодёжный сленг и особенности его функционирования (на материале речи студентов Республики Адыгея): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2006. – 26 с.
- Володарская Э. Ф. Языковая изменчивость: лингвистические и экстралингвистические аспекты. Инновационные процессы в современном английском языке // Вопросы филологии. – 2004. – № 2 (17). – С. 35–51.
- Лукина М. С. Компьютерная лексика в интернет-пространстве русского и французского языков // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 85. – 2013. – № 35 (326). – С. 79–84.

- Мелконян Н. И. К вопросу о способах образования компьютерного сленга // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение – 2012. – № 1. – С. 262–266.
- Хомяков, В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1980. – 39 с.
- Эмотикон. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эмотикон>.

УДК 81'25'42

Проблемы перевода текстов туристического интернет-дискурса

ЗИМИНА Е. А.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

Аннотация. Основная сложность при переводе туристических сайтов заключается в передаче экспрессивных элементов текста. Буквальный перевод подобных текстов невозможен, и для подбора наилучшего эквивалента переводчику помимо обычных профессиональных качеств потребуются прекрасное чувство языка, изобретательность и находчивость. Причем важно, чтобы данные, использованные переводчиком, оказывали тот же эффект на носителей языка перевода, что и на носителей языка оригинала.

Ключевые слова: гипертекст, туризм, интернет-дискурс, туристический сайт.

The Problems of Translating Tourist Internet Discourse Texts

ZIMINA E. A.

Mordovia State University

Abstract. The main difficulty in translating tourist websites is to convey the expressive means of the text. Word-for-word translation of these texts is not possible. For finding the best equivalent, in addition to usual professional skills, a fine feeling for language and ingenuity are required for a translator. Moreover, it is important that the material used by a translator has got the same impact on speakers of the translating, as on speakers of the original.

Keywords: hypertext, tourism, internet discourse, tourist website.

Перевод – это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Хотя обычно говорят о переводе «с одного языка на другой», но, в действительности, в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, складывающиеся мышления, разные литературы и эпохи, разные уровни развития, традиции и установки. Разные аспекты переводческой деятельности могут быть объектом изучения таких наук, как культурология, этнография, психология, история, литературоведение.

В эпоху современных информационных технологий новые формы коммуникации получают стремительное распространение. Наряду с привычными средствами массовой информации (пресса, радио, телевидение), всё большее значение приобретает Интернет. Возрастающая роль Интернета в человеческой коммуникации заставляет лингвистов обратить внимание на особенности языкового общения в этой компьютерной сети. Изменения под влиянием Интернета происходят на различных уровнях языка: от фонологии до уровня целостного текста. Важнейшей составляющей компьютерного дискурса является гипертекст.

Слово «гипертекст» было введено в употребление в 1965 г. программистом, математиком и философом Теодором Нельсоном и обозначало документ, составленный из относительно небольших фрагментов текста таким образом, что эти фрагменты можно читать не в одном, навсегда определённом по-

рядке, а разными путями, в зависимости от интересов читателя, при этом пути эти вполне равноценны. Читатель сам волен «прокладывать маршрут» по документу или системе документов с помощью гиперссылок (линков), то есть указаний на другие фрагменты текста, «привязанных» ко всему текущему фрагменту или к какому-нибудь его конкретному месту. Т. Нельсон считал, что «главной характерной чертой гипертекста является отсутствие непрерывности – прыжок: неожиданное перемещение позиции пользователя в тексте» [Визель 1999].

В настоящее время гипертекст рассматривается, по определению Ю. Хартунга и Е. Брейдо, как «средство нелинейного представления информации» [Чувильская, эл. рес.].

Формулировкой, наиболее полно раскрывающей концепцию гипертекста, является, на наш взгляд, дефиниция, предложенная М. М. Субботиным в статье «Новая форма письменной коммуникации»: «Гипертекст – соединение смысловой структуры, структуры внутренних связей некоего содержания, и технической среды, технических средств, дающих возможность человеку осваивать структуру смысловых связей, осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами» [Субботин 1994: 11].

Тексты туристических сайтов представляют собой гипертекст, позволяющий читателю переходя по ссылкам знакомиться с описанием туров, стран, регионов, тематическими текстами по различным видам отдыха, фотографиями, советами туристам, информация о возможных вариантах комплектации туров и другой информацией, предоставляемой туристическим агентством.

Вся содержащаяся на сайте информация должна быть четко структурирована по тематическим разделам и целевой аудитории. Целевая аудитория в не меньшей мере определяет внешний вид страниц сайта. Если посетителями являются преимущественно потенциальные туристы, то оформление сайта призвано располагать посетителя, привлекать его внимание, на сайте должны быть так называемые триггеры – элементы, которые побуждают человека дальше изучать сайт, а не покидать его при первом же заходе и больше не возвращаться [Эяль, Хувер 2014: 15].

Если же сайт нацелен на предоставление рабочей информации, то есть является информационным сайтом, например, содержит информацию о предоставляемых услугах и сервисах для постоянных туристических агентств, то больший упор делается на хорошую структурированность информации, удобство и быстроту доступа ко всем разделам сайта, а также на легкость поиска информации.

Основная сложность при переводе туристических сайтов заключается, по нашему мнению, в передаче экспрессивных элементов текста. При переводе туристических текстов задача состоит не только в передаче информации средствами другого языка, но и в передаче тех средств, которыми пользуется автор для эмоционального воздействия на читателя.

Тексты сайтов туристических агентств характеризуются наличием эмоциональной окраски, которая создается различными стилистическими средствами и словами эмоционального значения. Эмоциональная окраска должна быть сохранена в тексте перевода. Однако из-за различия строя русского и английского языков и здесь нередко приходится прибегать к заменам. В английском языке эмоциональная окраска часто создается определениями, а при переводе определений на русский язык переводчик сталкивается с вопросом о сочетаемости, которая нередко различна в английском и русском языках, например:

- *We are an exclusive travel planning company, specializing in personalized **life-enriching sabbatical** and luxury travel.* (<http://www.laterallife.com>)
- *A **kaleidoscopic country** with a boundless variety of inspiring experiences on offer; India is a land that everyone must visit during their lifetime.* (<http://greavesindia.co.uk/experience-india/>)

Сочетания «жизнь обогащающие и приносящие удовольствия путешествие» или «калейдоскопическая страна» не совсем удачно звучат в русском языке с точки зрения стилистики. Поэтому при переводе к существительным необходимо подобрать более подходящие определения. Например, a *kaleidoscopic country* – постоянно развивающаяся страна.

В текстах туристических сайтов возможно использование разговорной, сниженной лексики с целью установления более доверительных отношений с читателем, создания определенного образа и стилистического эффекта:

- ...and dinner at one of the **amazing-but-not-bank-breaking** sushi bars. (<http://www.ampersandtravel.com/blog/>)
- Simple but delicious meals, hiking to die for, **spine-tinglingly** expansive panoramas, warm sunny days and **chilly nights** perfect for **cuddling up**. (<http://www.ampersandtravel.com/blog/>)
- You can easily **map** your way from restaurant to restaurant, visiting all of New York's trendiest **eateries**. (<http://www.travelandleisure.com/travel-guide/new-york-city/activities/priscilla-alexander-new-york-city>)
- Looking to spend some serious cash on designer **duds**? (<http://www.travelandleisure.com/travel-guide/new-york-city/activities/priscilla-alexander-new-york-city>)
- Но несмотря на высокую популярность **раскрученных городов-курортов**, жители России также любят отдыхать в красивых городах близ лежащих стран...
- Не знаете, что подарить, когда **на носу юбилей** вашего старейшего работника или очередной праздник? Подарочные сертификаты BLUE SKY на туристические услуги...

Кроме того, трудности при переводе туристических текстов могут возникнуть вследствие:

1. Экспрессивности языка как способа привлечения внимания читателя, выражения отношения к передаваемой информации, расстановки оценочных акцентов; наличия оценочных эпитетов; прямых обращений к читателю:

- Отдых в Греции – это **незабываемое путешествие в страну древних мифов и легенд**, в страну, в которой, несомненно, «есть все». Это **очаровательная родина античных авторов с атмосферой постоянного праздника**.
- Проведите свой отпуск с пользой и наберитесь приятных впечатлений на всю жизнь!
- **Not sure where to start?** Check out our complete list of Ireland vacation packages (<http://www.authenticireland.com/>)
- Where to go? Do you drive? Take a tour? Stay in castles or just visit them? Choosing the right vacation can be overwhelming. Let us and your fellow travelers help out. View our most popular Ireland vacation packages. (<http://www.authenticireland.com/>)

2. Широкого использования образной фразеологии и идиоматической лексики (как литературной, так и разговорной и просторечной), в том числе «деформированных» идиом, игры слов, каламбуров, пословиц и поговорок:

- Уже не первый год гости города воздают почести вкуснейшей баранине «сяря», которая готовится по стародавнему рецепту в корыте из натуральной березы.
- Уделите внимание живописному круизу по Сейме, который внесет приятную лепту в ваш «финский» отпуск.

В данном примере используется фразеологизм «внести свою лепту». Эквивалентов данного фразеологизма в английском языке достаточно много. Например, *to do one's bit*, *to offer/contribute one's mite*, *to make a contribution to smth*, *to pay one's shot*. Но не каждый вариант подойдет для правильного перевода данного предложения, при том что в примере присутствует эпитет «приятный». Возможен такой вариант перевода: «Devote your time to picturesque cruise along Seym that will certainly do a pleasant mite to your Finnish holiday».

3. Широкого использования иных стилистических средств, приемов и фигур речи – таких как гиперболы, литоты, образные сравнения, метафоры, метонимия, эвфемизмы и др. Например:

- ...so when you're traveling to **the Big Apple**, it's wise to plan out an itinerary in advance.

Словосочетание «The Big Apple» является метонимией. «Большое яблоко» – самое известное название Нью-Йорка. При переводе данной фразы придется использовать описание или сноску, так как

многим туристам данная метонимия не будет понятна. (<http://www.travelandleisure.com/travel-guide/new-york-city/activities/priscilla-alexander-new-york-city>)

- *Waterfalls in Maui are everywhere—and range from roadside «bridal veils» to hidden, rock-surrounded falls set deep in the rainforest.* (<http://www.travelandleisure.com/local-experts/maui/best-waterfalls-on-maui>)

Выражение «bridal veil» – фата – в данном предложении так же является метонимией, основанной на сравнении водопада с фатой.

- «Zicasso» represents our relentless search for the unique and the original – out of **zillions of possibilities**. «Zillions of possibilities» является гиперболой. (<http://www.zicasso.com/about#whatwedo>)
- В этом месте вы увидите **спящие головокружительные украшения**, драгоценные камни и всевозможные изделия из золота и серебра.
- Страну, **пропитанную солнцем**, с ее далекой историей и темпераментом местных жителей подарят Вам туры в Италию.

Перевод слоганов туристических фирм и заголовков, построенных, как правило, на игре слов, на каламбурах, цитатах, аллюзиях и деформированных идиомах:

- *Хорошо упакованный отдых.* (туроператор Natalie Tours)
- *Отдых, отличный от других. Бронируйте Online.* (туроператор по Кипру «Зевс Трэвел»)
- *Тропико-тур. Жизнь в розовом цвете.* (туристическое агентство Тропико-тур)
- *Luxury is in the experience.* (<http://www.ampersandtravel.com/>)
- *Your world ... our oyster.* (<http://www.four-seasons-travel.co.uk/>)
- *Ski fast, deep and steep.* (<http://www.canadianmountainholidays.com>)

Буквальный перевод заголовков и примеров, приведенных выше, невозможен, и для подбора наилучшего эквивалента переводчику помимо обычных профессиональных качеств потребуются прекрасное чувство языка, изобретательность и находчивость.

Сложность перевода текстов туристического Интернет-дискурса определяется также тонкостью языковых нюансов, которые определяют их эффективность. Прежде всего, сложность перевода таких текстов состоит в национально-культурной специфике, которая определяет мотивацию ее носителей для совершения того или иного поступка. В нашем случае – это приобретение рекламируемого товара – туристической поездки.

Текст туристического сайта ориентирован не столько на предметно-логическое, сколько на эмоциональное восприятие читателя. Данное обстоятельство вынуждает переводчика не просто дословно переводить текст, а практически писать его заново. То есть заменять явления и факты одной культуры явлениями и фактами другой. Причем важно, чтобы данные, использованные переводчиком, оказывали тот же эффект на носителей языка перевода, что и на носителей языка оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

- Визель М. Гипертексты по ту и эту стороны экрана. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/10/visel.html>
- Субботин М. М. Гипертекст как новая форма письменной коммуникации // Итоги науки и техники. Сер. Информатика. – М.: ВИНТИ. – 1994. – Т. 18. – С. 11–53.
- Чувильская Е. А. Гипертекст как явление ситуации постмодернизма. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/14_APSN_2008/Philologia/32537.doc.htm.
- Эяль Н., Хувер Р. Покупатель на крючке. Руководство по созданию продуктов, формирующих привычки – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 224 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- <http://www.canadianmountainholidays.com>
<http://www.four-seasons-travel.co.uk/>
<http://www.ampersandtravel.com/>

http://www.zicasso.com/about#_whatwedo
<http://www.travelandleisure.com/local-experts/maui/best-waterfalls-on-maui>
<http://www.authenticireland.com/>
<http://www.travelandleisure.com/travel-guide/new-york-city/activities/priscilla-alexander-new-york-city>
<http://www.laterallife.com>
<http://greavesindia.co.uk/experience-india>

УДК 81'25

Особенности перевода футбольной лексики в глобальном информационном пространстве

ЗИЯТДИНОВА А. Х.

Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань)

Аннотация. Статья посвящена особенностям перевода футбольной лексики английского языка на русский. Язык футбола наделен неоднородным вокабуляром: сокращениями, заимствованиями, синонимами и неологизмами. Актуальность исследования обусловлена постоянными изменениями спортивной лексики, растущей заинтересованностью мирового сообщества в спорте и объеме международных коммуникаций в этой области.

Ключевые слова: термин, терминология футбола, терминология спорта, перевод, заимствование, Интернет.

Specifics of Translation of Football Lexis in Global Information Space

ZIATDINOVA A. Kh.

Kazan (Volga region) Federal University

Abstract. The article is dedicated to the specifics of translation of sport lexis from English into Russian. The language of football is rich in inhomogeneous vocabulary: abbreviations, borrowings, synonyms and neologisms. The urgency of the research is caused by constant changes of sport lexis, growing interest of the world community in sport and number of international communications in this field.

Keywords: term, football terminology, sport terminology, translation, borrowing, Internet.

В настоящее время футбол объединяет людей не только на стадионах и дворовых площадках, у телевизоров, за игровыми приставками, но и в сети. Сегодня Интернет способен как рассказать, так и показать о футболе все с момента его возникновения и до сегодняшнего дня. Переводчику или терминоведу уже не приходится длительное время работать в библиотеке для поиска информации. Один поисковый запрос, например о футболе XIX века, открывает множество возможностей для исследований.

Футбольная терминология русского языка в XIX веке – в эпоху своего появления – значительно отличалась от современной. Русскоязычный глоссарий футбола претерпел огромное количество изменений и модификаций, обогащался новыми единицами. Безусловно, существуют монографии и глоссарии, в которых лингвисты, исследующие язык спорта, фиксируют изменения его лексического состава. Терминология футбола не раз становилась объектом изучения в работах отечественных исследователей. Рылов А. С. осуществляет комплексное исследование футбольной терминологии в труде «Терминологическая система «Футбол» в русском языке» (1998), в работе Истрате П. рассмотрены лингвостилистические и риторические футбольного репортажа (2006), Казеннова О. А. изучила функционирование фразеологизмов в устном дискурсе на материале спортивных репортажей (2009).

Безусловно, вышеупомянутые труды бесценны по своей значимости, но даже они теряют свою актуальность. Объяснением такому явлению выступает темп изменений языка спорта. Словари не успевают зафиксировать новое слово или словосочетание. Альтернативой в данной ситуации является Интернет, поскольку это глобальное средство массовой коммуникации за короткий период времени стало настоящей кладью информации. Каждый день публикуются миллионы статей, спортивных обзоров, которые читают в каждом уголке мира.

Целью нашего исследования является выявление специфики языка футбола в глобальном информационном пространстве и особенностей перевода единиц футбольной терминологии на русский язык. Материалом нашего исследования является лексика, употребляемая в различных изданиях футбольной тематики на английском языке, а также приемы ее перевода. Источниками материала послужили Интернет-ресурсы: сайты футбольных федераций (*FAW*, *RFEF*), международных ассоциаций футбола (*FIFA*, *UEFA*) тематические разделы, посвященные футболу сайтов Британского Посольства, Macmillan English Dictionary, Wikipedia, спортивные сайты (РосБизнесКонсалтинг, Спорт-Экспресс, Чемпионат), толковый словарь русского языка С. И. Ожегова.

Актуальность работы обусловлена как лингвистическими факторами – постоянно претерпевающая изменения спортивная лексика привлекает внимание терминоведов и переводчиков, так и экстралингвистическими факторами – растущая заинтересованность мирового сообщества в спорте и объем международных коммуникаций в этой области в связи проведением в Российской Федерации Чемпионата мира по футболу в 2018 г.

Проанализировав содержание лексикографических источников и вокабуляр специальной футбольной литературы на бумажных и электронных носителях, отметим ключевые особенности языка футбола. Первой из них является унификация терминологии, обусловленная всемирной популярностью футбола. Так, один любитель данного вида спорта с легкостью поймет другого, даже если они являются представителями разных народов и континентов. В Интернет-пространстве фанаты общаются на разговорном языке, который подразумевает применение редуцированных форм слов, упрощение предложений и использование иной соответствующей по семантике лексики нормы II уровня (профессионализмы, жаргонизмы).

В рамках настоящей работы языком-источником исследуемого материала является английский. Многие англицизмы вошли в употребление при помощи различных переводческих преобразований, сохранив свой первоначальный смысл. Приемами перевода являются транскрипция, транслитерация, калькирование, полукалька, использование эквивалентов.

Транскрипция	Транслитерация	Калька	Полукалька	Эквивалент
<i>out</i> – аут	<i>stopper</i> – стоннер	<i>diver</i> – ныряльщик	<i>semi-final</i> – полуфинал	<i>outside</i> – вне игры
<i>outside</i> – аутсайд	<i>play-off</i> – плей-офф	<i>defender</i> – защитник	<i>quarter-final</i> – четверть финал	<i>inside</i> – в игре
<i>goal</i> – гол				<i>corner</i> – угловой
<i>winger</i> – вингер				<i>penalty</i> – штрафной

Представленные единицы специальной номинации носят интернациональный характер, и интернациональная лексика важна в любой терминологической системе [Гарунова 2011: 91]. М. В. Володина в связи с этим разъясняет: «В условиях интернациональной коммуникации термины должны обладать также качеством “международной узнаваемости”. Ведь ход развития науки и техники, экономики и политики, культуры и спорта, интернациональный характер их существования <...> диктует настоятельную потребность в унификации словесно-понятийного фонда этих сфер человеческой деятельности; необходима интернациональная унификация терминообразующих средств» [Володина 1994: 52].

В коммуникации заметно употребление заимствований, которые сегодня настолько устойчиво закрепились в речи, что иноязычные единицы стали благозвучны и привычны для реципиентов. Некоторые из найденных нами терминов зафиксированы в словаре С. И. Ожегова. Например, **арбитр, атака, аут, аутсайдер, бутсы, гандикап, гол, дивизион, дисквалификация, дриблинг, инсайд, контратака, лига, лидер, линия, матч, офсайд, пас, пенальти, плеймейкер, прессинг, стадион, тайм-аут, техника, финал, фланг, фол, форвард, футбол, чемпионат, штанга** [Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, эл. рес.]. Однако выявлены единицы специальной номинации, которые на данный момент функционируют только в прессе и Интернете, например: **аутсайд, бек, бомбардир, вингер, голкипер, дубль-ве, корнер, коуч, лайсмен, овертайм, рефери, свипер, стоппер, страйкер, хавбек, хет-трик**. Очевидно, что при такой популярности футбола словарь Ожегова в скором времени пополнится неологизмами [Гарунова 2011: 91].

Отметим, что английский язык не только обогащает другие языки своими терминами, но в то же время заимствует у других. Например, испанский язык, как и каталонский, стали источниками многих интернациональных терминов и неологизмов футбола, которые активно используются в качестве синонимов, как в английском, так и в русском языках: **Мундиаль** (исп. *Mundial*); **Примера дивизион, ла Примера, ла Лига** (исп. *Liga de Fútbol Profesional, LFP*); **Блаугранас** (кат. *blaugranas* или **синегранатовые команда «Барселона»**); **Рохибланкос** (исп. *Rojiblancos* или **красно-белые команда «Атлетико Мадрид»**); **матрасники** (исп. *colchoneros*; комбинация белого и красного цветов употреблялась тогда в массовом порядке на испанских мануфактурах для производства матрасов; поскольку красно-белую полосатую материю можно было купить за бесценок, многие клубы подхватили эту идею, в том числе и баскский «Атлетик». Носителей таких футболок прозвали «матрасниками», но так как в этом начинании мадридцы были первыми, прозвище закрепилось именно за ними) [Атлетико Мадрид, эл. рес.]; **Барса** (кат. *Barça*, **Барселона команда «Барселона»**); **Галактико** (исп. *Galáctico*, футбольная суперзвезда, галактико; **Пичичи** (исп. *Pichichi*, баск. *Pitxitxi*) награда, присуждаемая испанской спортивной газетой «Марса» лучшему бомбардиру каждого сезона испанской футбольной лиги; награда названа в честь известного игрока клуба «Атлетик Бильбао» Рафаэля Морено Арансади, по прозвищу Пичичи [Трофей Пичичи, эл. рес.]; **сливочные** или **меренги** (исп. *merengue*, из-за цвета игровой формы); **кулес** (кат. *culés*) поклонники ФК «Барселона»).

В общении в сети также необходимо соблюдать как грамматические, так и стилистические нормы. Использование синонимов делает речь более яркой и выразительной. Например, умение в рамках одной коммуникационной ситуации употребить слово **нападающий**, а затем, избегая повторов, заменить его на одну из следующих единиц: **страйкер, форвард и атакующий**, высоко оценивается всеми слушателями, поскольку это доказывает осведомленность, подготовку и профессионализм говорящего.

Язык футбола в глобальном информационном пространстве отличается и широким употреблением сокращений, что является его следующей особенностью: **UEFA, FIFA, EURO**. Так, единица **FIFA** (франц. *Fédération Internationale de Football Association*) заимствована из французского, а **UEFA** (англ. *Union of European Football Associations*) и **EURO** (англ. *European Football Championship*) из английского языков и переводятся при помощи транслитерации: **ФИФА, УЕФА и ЕВРО**. В свою очередь, такие аббревиатуры, как **FAW** (англ. *Football Association of Wales* – Футбольная ассоциация Уэльса) и **RFEF** (исп. *Real Federación Española de Fútbol* – Королевская испанская футбольная федерация), например, имеют эквиваленты в русском языке. Последняя группа сокращений сначала расшифровывается, затем переводится в расшифрованном виде (**КИФФ** для **RFEF**, **ФАУ** для **FAW**).

Англицизмы настолько вошли в широкое употребление, что составляют большую часть всего футбольного глоссария. Синонимичность футбольной терминологии оказывается полезна любому футболисту или тренеру, работающему на иностранный клуб. Аналогичные лексические средства помогут наладить коммуникацию как на поле, так и вне игры.

За последнее десятилетие язык футбола заметно обогатился. В процессе развития языка развивалась и англоязычная терминология. Причиной этому является растущая популярность игры. Проиллюстрируем конкретные единицы, выступающие межъязыковыми аналогами в оригинальных контекстах английского и русского дискурсов.

1. **Squeaky Bum Time** – напряженная финальная стадия командных соревнований. В данном случае фраза **Squeaky Bum Time** имеет в русском языке аналог, образованный посредством дескриптивного приема: «**Squeaky Bum Time: It looks like the turnout for today's General Election is going to be up on the last one. We suspect that interest has been piqued by the erratic polls that suggest this might be a close one where votes matter more**» [Maxwell 2006]. «Это был очень **волнительный момент**. Если честно, то я не ожидал, что выйду на поле в этом матче» [Спорт-Экспресс, эл. рес.].
2. **Tapping up** – попытка убедить игрока, имеющего действующий контракт с одной командой, перейти в другую команду, без ведома и разрешения текущей команды игрока. При выборе семантически эквивалентной единицы в русском языке необходимо обратить внимание на выбор слова, которое должно быть близким по значению и быть уместным в контексте. «*It was a double celebration for Llewellyn who also rode the horse to victory. But he revealed that was purely by chance having **tapped up** jockeys Noel Fehily and Paul Moloney for the mount*» [Maxwell 2006]. «Мне неприятны разговоры о том, будто я пытаюсь **переманить** Месси в «Челси». Я ничего не решаю и являюсь лишь футболистом» [Чемпионат, эл. рес.].
3. **Bench player** – игрок скамейки. «*His replacement is Sanchez, once considered a **bench player**, but suddenly good enough to bat third on a daily basis*» [Maxwell 2006]. «У Клозе был непростой сезон с несколькими травмами. И в настоящий момент это **игрок скамейки**» [РосБизнесКонсалтинг, эл. рес.].

Существуют неологизмы, укрепившиеся в речи англоязычных любителей футбола, но на данный момент не имеющие эквивалентных по семантике единиц в русском языке, смысл которых можно лишь транслировать описательным методом. Например, **bouncebackability** способность вернуть утраченные после неудачи позиции, особенно в спорте, «отскакиваемость»; **Ingerland** название Англии, употребляемое болельщиками во время матча из-за благозвучия слова; **groundshare** или **ground-share** – раздел стадиона между двумя местными футбольными командами, как правило, с целью сокращения финансовых затрат на постройку нового поля или на его содержание [Maxwell 2006]; **benchwarmer** игрок, часто остающийся на скамье запасных; **daisy cutter** очень мощный низкий удар, при котором мяч летит параллельно земле, чуть задевая траву [Лукьянченко 2013: 2]; **football widow** женщина, которая в дни футбольных матчей считает своего мужчину временно умершим.

Таким образом, на основе проведенного исследования лексики футбола английского языка, можно сделать вывод, что она обладает рядом особенностей, отличных от терминосистем других видов спорта: язык футбола носит интернациональный характер, что, тем самым, облегчает коммуникацию между представителями разных стран; особенностью футбольного вокабуляра является использование заимствований, сокращений и аббревиатур, неологизмов и синонимов. Исходя из анализа глоссариев и фрагментов дискурса, можем утверждать, что для передачи терминов может использоваться уже существующий эквивалент, а также транскрипция, транслитерация и калькирование. Языком-источником многих широко употребляемых единиц футбольной лексики часто выступает не только английский язык, но и испанский и каталонский. Устоявшиеся фразы могут не иметь эквивалентов в другом языке, что создает проблемы в процессе перевода. В таких случаях необходимо прибегать к переводческим трансформациям, например, к дескриптивному приему.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлетико Мадрид. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%82%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%BE_%D0%9C%D0%B0%D0%B4%D1%80%D0%B8%D0%B4.
- Володина М. Н. О социолнгвистической обусловленности интернационализации терминологии // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. Материалы Всероссийской научной конференции. Институт языкознания РАН. – М., 1994. – С. 52–57.

- Гарунова З. А. Употребление иноязычной футбольной терминологии в русской спортивной лексике // Сборник статей и тезисов студенческой региональной НПК в филиале ДГУ в г. Избербаш – 2011. – 209 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dguizber.ru/sites/default/files/u3/2011-04_06_sb_stud_r_npk_tendencii_i_perspektivy_razvitiya_sovremennoy_nauki_v_usloviyah_globalizacii.pdf.
- Истрате П. Лингвостилистические и риторические особенности спортивного репортажа как жанра СМИ на материале футбольного репортажа: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2006. – 22 с.
- Казеннова О. А. Функционирование фразеологизмов в устном дискурсе на материале спортивных репортажей автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 136 с.
- Лукьянченко Е. А. Неологизмы в английском языке как продукт разговорного дискурса (на примере модели N+V+er) // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. Сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых, 8 февраля 2013 г. – М., 2013. – С. 48–51.
- РосБизнесКонсалтинг. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sport.rbc.ru/news/217340/>
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>
- Рылов А. С. Терминологическая система «Футбол» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 1998. – 20 с.
- Спорт-Экспресс. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://news.sport-express.ru/2011-11-12/475279>
- Трофей Пичичи. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%BE%D1%84%D0%B5%D0%B9_%D0%9F%D0%B8%D1%87%D0%B8%D1%87%D0%B8
- Чемпионат. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.championat.com/football/news-2031041-fabregas-ne-pytajus-peremanit-messi-v-chelsi.html>
- European Football Championship. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.uefa.com/uefaeuro/finals/index.html>
- Fédération Internationale de Football Association [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.fifa.com/>, (дата обращения 03.02.2015).
- Football Association of Wales [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.faw.org.uk/>
- Maxwell K. New word of the month. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.macmillandictionaries.com/MED-Magazine/June2006/39-New-Word.htm>
- Real Federación Española de Fútbol. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rfef.es/>
- Union of European Football Associations. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.uefa.com/>

УДК 81'373. 612. 4

Плеоназмы в номенклатуре переводческих ошибок

ЗЛОБИН А. Н.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

Аннотация. При наличии единого термина «переводческая ошибка» для обозначения всех недостатков перевода необходимо различать также виды, группы и категории ошибок. В настоящей статье предпринимается попытка продолжения категоризации ошибок на примере плеоназмов.

Ключевые слова: качество перевода, переводческая эрратология, типология переводческих ошибок, плеоназм, категоризация плеонастических ошибок.

Pleonasms in the Nomenclature of Translation Mistakes

ZLOBIN A. N.

N. P. Ogarev Mordovia State University

Abstract. While there is a general term “translation mistake” for all downsides of translation, it is also necessary to distinguish the types, groups and categories of translation mistakes. In this paper, the author attempts to develop categorizing mistakes through the example of pleonasms.

Keywords: quality of translation, translation erratologiya, typology of translation mistakes, pleonasm, categorizing pleonastic mistakes.

При анализе перевода, как правило, необходимо учитывать множество различных характеристик, как самого перевода, так и условий его выполнения, но именно качество перевода в стратегическом плане является самым главным. По мнению многих исследователей перевода, «...хорошее качество перевода определяет его дальнейшее использование, срок его «жизни» и убережет заказчика, переводческую организацию и переводчика от возможных юридических и финансовых неприятностей в дальнейшем... В связи с этим ... возникает проблема определения основных качественных характеристик перевода... При этом особо подчеркивается то, что практическая деятельность настоятельно требует решения таких вопросов, как переводческая ошибка, типы переводческих ошибок, сколько и какие ошибки допустимы в переводе... Без решения этих проблем невозможно объективно оценивать претензии заказчика к качеству перевода...» [Бузаджи 2009: 5].

Тема настоящей статьи находится в русле появившегося в последние годы в транслатологии направления – переводческой эрратологии, которая исследует вопросы оценки качества перевода, создание номенклатуры, т. е. типологии переводческих ошибок, классификации видов переводческих ошибок, путей их коррекции [Николаева 2011: 211–212]. Переводческая эрратология, таким образом, является надежным инструментом выявления когнитивного, лингвокультурного и языкового диссонанса при переходной компетенции начинающих переводчиков или выявления любого вида диссонанса при профессиональной компетенции переводчиков [Шевнин 2009: 38].

Объектом нашего исследования является изучение такого, распространенного, прежде всего, у начинающих переводчиков явления как плеоназм, т. е. ошибки, состоящей в употреблении лишнего слова, напр., немецкая Германия, рабочий пролетариат, в сельской деревне.

Актуальность данной работы определяется огромным вниманием к вопросам качества перевода и факторам, оказывающим на него влияние. В настоящее время на стыке лингвистики и экологии возникла новая междисциплинарная наука – лингвистическая экология (лингвоэкология, экология языка, эколингвистика), в рамках которой формируется новое современное направление теории перевода – экология языка, занимающаяся вопросами качества перевода и факторами, влияющими на него [Федюченко 2012: 97]. Одним из важных критериев оценки качества перевода является отсутствие ошибок.

Целью работы является дальнейшая разработка сферы оценки качества перевода и связанной с ней номенклатурой переводческих ошибок.

В отечественной и зарубежной лингвистике анализу ошибок посвящена довольно обширная литература и разработано множество классификаций переводческих ошибок. Все они преследуют разные цели и строятся на разных основаниях. Так, например, Е. В. Бреус в своей работе предлагает рассматривать исходный текст как «матрицу переводческих проблем» и утверждает, что начинающему переводчику следует «научиться видеть переводческие проблемы» [Бреус 2000: 56]. Вполне справедливо предлагается также считать термин «переводческая ошибка» единым для обозначения всех недостатков перевода, но при этом различать виды, группы и категории ошибок [Бузаджи 2009: 33].

Многие зарубежные исследователи различают языковые, прагматические и конвенциональные переводческие ошибки [Бретшнайдер 2008: 145]. Нам представляется, что это связано, в первую очередь, с реализацией компетентностного подхода к обучению переводчиков, с потребностью оценивать не свойства текста перевода, а степень сформированности переводческих компетенций на той или иной ступени обучения.

Анализ рассмотренных нами классификаций переводческих ошибок показал, что все они составлены с опорой на свое переводческое чутье и поэтому субъективны. Ни одна из них не может претендовать на универсальную, так как в них не в полной мере представлен характер ошибки как многоаспектного знания.

Сложность вопроса заключается еще и в том, что пока не существует четкого критерия высококачественного перевода. В научной и учебной литературе нет ни одного формального определения переводческой ошибки. Тем не менее, проблема ошибок до сих пор остается на периферии отечествен-

ных исследований. Представляется целесообразным отметить, что, являющийся объектом нашего исследования, плеоназм очень редко выделяется как самостоятельная ошибка, причем зачастую его не отделяют от такого понятия как тавтология и синтаксическое и лексическое нагромождения. Новизна данного исследования в подходе к изучению плеоназмов как многоаспектного знания с учетом их двойственного характера (украшение и избыточность), что позволяет продолжить процесс категоризации переводческих ошибок.

Как уже отмечалось выше, в рассмотренных нами классификациях переводческих ошибок плеоназмы не представлены должным образом с учетом многоаспектности понятия «переводческая ошибка» вообще и многоаспектности самих плеоназмов в частности. В классификации Л. К. Латышева они рассматриваются вместе с «неясностями» как функционально-содержательный изъян перевода, затемняющий смысл высказывания [Латышев 1988: 132]. В классификации, представленной другим исследователем, Д. М. Бузаджи, плеоназм как переводческая ошибка вообще не упоминается. Наряду с другими примерами семантической избыточности он трактует плеоназмы как «нарушения понятийной логичности» [Бузаджи 2009: 33]. Для того, чтобы локализовать плеоназм в номенклатуре переводческих ошибок, обратимся сначала к его определению.

Итак, плеоназм (от греч. *pleonasmos* – излишний, излишество) это употребление слов, излишних для смысловой полноты высказывания, но иногда усиливающих его выразительность, напр., в словосочетании «мой автопортрет» (в слове «автопортрет уже содержится понятие «мой»») [НСИСВ 2007: 636]. Сам термин «плеоназм» был известен еще в античности во времена Квинтилиана, Диомеда, Диониссия Галикарнасского и др. Уже тогда существовали различия во мнениях о роли плеоназмов в речи. Одни определяли плеоназм как перегруженность излишними словами, другие же – как обогащение речи словами на первый взгляд излишними, но в действительности придающими ей ясность силу, ритмичность, убедительность, пафос, неосуществимые в речи лаконичной [Википедия, эл. рес.].

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, плеоназм снабжен пометкой «спец. » и понимается как «оборот речи, в котором без надобности повторяются слова, частично или полностью совпадающие по значениям, или такие, в которых значение одного слова уже входит в состав другого» [Толковый словарь русского языка, эл. рес.].

«Лингвистический энциклопедический словарь» также представляет плеоназм как «избыточность выразительных средств, используемых для передачи лексического и грамматического смысла высказывания» [Лингвистический энциклопедический словарь, эл. рес.]. В работах отечественных исследователей плеоназм также часто рассматривается как одна из форм проявления избыточности. О. С. Ахманова, например, видит единственное различие между плеоназмом и избыточностью в том, что понятие избыточности появляется и исчезает на разных уровнях, в то время как плеоназм является постоянным, всегда наличествующим признаком языка [Ахманова 1969: 305]. В связи с этим представляется важным дать определение понятию «избыточность».

Большинство исследователей полагает, что избыточность – это не что иное, как повтор информации. По мнению Н. В. Глаголева избыточность выступает в форме дублирования и представляет собой дословное повторение каких-либо элементов смысла в контактирующих предложениях [Глаголев 1976: 78]. Другой автор, И. В. Кузьмина, определяет данное явление следующим образом: «Избыточность обозначает большее количество информации, чем требует простая передача сообщения. Лишние и бесполезные для передаваемой информации знаки являются избыточными» [Кузьмина 2011: 142–143].

Следует отметить, что и сам плеоназм нередко рассматривается как одна из форм проявления избыточности [см. Жукова 2006; Филиппова 2011]. Плеоназмы рассматриваются также как один их типов фразеологических модификаций. Д. Н. Давлетбаева, например, определяет плеоназм как «трансформацию фразеологизмов, в результате которых имеет место частичная демегафоризация фразеологического значения» [Давлетбаева 2012: 269].

Эр. И. Хан-Пира в статье «Плеоназм и тавтология. Разные судьбы плеоназмов» предпринял попытку разграничить эти два термина [Хан-Пира 2003]. Вслед за ним еще один автор пытался развести такие смежные понятия, как перифраз, плеоназм, синонимия и периссология [Окс 2012: 58–59].

О. А. Зайц [2011] и Л. А. Полянская [2011], рассматривая плеоназм как тавтологию утверждают, что не существует четкого определения тавтологий и плеоназмов, хотя при их сравнении мы вы видим, что различия все-таки есть, ср.: «Тавтология – повторное обозначение уже названного понятия другим словом или выражением, не уточняющим смысла выражаемого понятия» и «Плеоназм – оборот речи, содержащий однозначные, часто излишние слова» [Словарь русского языка, эл. рес.]. Нетрудно убедиться в том, что тавтология отличается от плеоназма, поскольку она не имеет оправдания не только с логической, но и с эмоциональной стороны. Плеоназм грешит только против краткости, а тавтология, в свою очередь, ничего не прибавляет, и повторяет без всякой цели [Лаврентьева 2012: 107]. Именно термин «плеоназм» используется как родовой для обозначения и риторической фигуры, в которой избыточность стилистически оправдана.

Рассмотрим виды плеоназмов и дадим им транслатологическую характеристику. Плеоназм, как правило, представляет одну из реализаций тенденций к избыточности сообщения, общей для различных систем коммуникации, к числу которых относится и естественный язык. Избыточность является средством преодоления помех, возникающих в канале передачи или на приеме и не позволяющих получателю адекватно и полностью декодировать сообщение. Помимо предотвращения потерь информации при передаче сообщения от отправителя к адресату, плеоназм может служить также средством стилистического оформления высказывания и приемом поэтической речи [Энциклопедия Кругосвет, эл. рес.].

Подчеркнем, что при характеристике плеоназмов необходимо учитывать тип текста, в котором они используются. Так, например, при переводе художественных текстов они могут возникать в тех случаях, когда автор стремится выразить свои чувства и мысли как можно более полно и четко, исключая возможное искажение смысла. В этих случаях плеоназмы применяются как стилистический прием для сохранения выразительности речи. В специальных же текстах плеоназмы нередко загромождают текст, делая перевод избыточным, размытым, нечетким и труднопонимаемым.

Плеоназмы принято подразделять на:

- 1) обязательные, т. е. обусловленные языковой системой;
- 2) факультативные, т. е. не обусловленные языковой системой;
 - 2.1) конвенциональные, т. е. закрепленные языковой нормой;
 - 2.2) неконвенциональные, т. е. создаваемые заново говорящим или пишущим [Лингвистический энциклопедический словарь, эл. рес.].

Как известно, обязательные плеоназмы присутствуют в грамматической системе многих языков:

– это повтор грамматических значений в окончаниях форм согласования: «черная резиновая смесь» (окончания прилагательного, как и существительного, выражают значение жен. рода, ед. числа и им. пад.) или «die schwarze Gummimischung» (окончания прилагательного, как и женский артикль, выражают значение жен. рода, ед. числа и им. падежа),

– дублирование грамматических значений глагольной приставки и предлога (отодвинуть от экструдера, *wegfahren vom Extruder*) и др.

К конвенциональным факультативным плеоназмам относятся разнообразные устойчивые обороты, сочетания и конструкции, характерные для разговорной и разговорно-поэтической речи: *окружен со всех сторон, слышал собственными ушами*. Сюда примыкают также такие сочетания как *тьма тьмущая, полным-полно, черным-черно, видимо-невидимо*, которые содержат редупликацию, выражающую значение интенсивности признака.

Неконвенциональные факультативные плеоназмы используется говорящим или пишущим для создания определенного семантического или стилистического эффекта и представляет собой троп, характерный, прежде всего, для поэтической речи, например, «Я буду помнить... тебя в своей голове».

В связи с изложенным выше плеоназмы в номенклатуре переводческих ошибок могут быть представлены как **плеонастические ошибки**, следствием которых является перегруженность как устного, так и письменного перевода излишними словами. Среди них:

- синтаксические плеоназмы (являются результатом избыточного употребления служебных частей речи);
- семантические плеоназмы (часто называется также речевая избыточность).
- необязательные плеоназмы (т. е. необусловленные языковой системой);
- неконвенциональные плеоназмы, напр., неконвенциональный перифраз (иносказание, описательно выражающее одно понятие с помощью нескольких);
- периссология (чрезмерное излишество слов в речи; ненужная растянутасть речи, синонимический повтор);
- тавтология (частный случай плеоназма; от гр. *tauto* – то же самое, *logos* – слово) возникает как при повторении однокоренных слов (загадать загадку, остановиться на остановке), так и при соединении иноязычного и русского слова, дублирующего его значение (юный вундеркинд, впервые дебютировал, внутренний интерьер). Второй случай нередко называют скрытой тавтологией, и зачастую это свидетельствует о том, что говорящий не понимает точного значения заимствованного слова [Речевая избыточность. Тавтология, эл. рес.].
- повторение слов (напр., «В результате оперативных мероприятий были получены сведения, близкие к сведениям, полученным накануне в ходе следственного эксперимента»);
- диттология (удвоение слога или слова, бывает при освоении заимствований);
- перегруженность речевыми штампами
- слова-паразиты и т. д.

В заключение отметим, что плеонастические ошибки возникают, в основном, из-за неспособности переводчика точно вербализовать содержание и смысл исходного текста. Предложенная категоризация плеонастических ошибок как знания концептуально-сложного формата, безусловно, носит предварительный характер, однако нам представляется крайне важным эксплицировать и локализовать их в номенклатуре переводческих ошибок.

ЛИТЕРАТУРА

- Бузаджи Д. М., Гусев В. В., Ланчиков В. К., Псурцев Д. В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / под ред. Убина И. И. – М.: Всероссийский центр переводов, 2009. – 119 с.
- Николаева Е. Ю. Эрратологический аспект письменного технического перевода // Вестник Рыбинской гос. авиационной и технологической академии им. П. А. Соловьева. – 2011. – Вып. 1. – С. 211–212.
- Шевнин А. Б. Переводческая эрратология как инструмент научного познания // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. – Вып. 5. – С. 35–39.
- Федюченко Л. Г. Экологический аспект перевода: переводческая ошибка // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – Вып. 1. – С. 97–102.
- Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 208 с.
- Бретшнайдер Д., Булах Н. А., Вальтер Ш., Лихарева В. Н., Махортова В. Ю., Мощанская Е. Ю., Скрипкина Г. В., Шеметов В. Б. Письменный перевод с немецкого языка на русский в сфере профессиональной коммуникации. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2008. – 168 с.
- Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. – М.: Просвещение, 1988. – 160 с.
- (НСИСВ) Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн.: Современ. литератор, 2007. – 976 с.
- Википедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
- Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org>.
- Лингвистический энциклопедический словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lingvistichesky-slovar.ru>.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

- Глаголев Н. В. Языковая экономия и языковая избыточность в синтаксисе разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1976. – 80 с.
- Кузьмина И. В. Феномен языковой избыточности // Вестник ИГЛУ. – 2011. – С. 142–143.
- Жукова Н. С. Языковая избыточность в синхронном и диахронном аспектах (на материале немецкого и русского языков) // Вестник ТГПУ. – 2006. – Вып. 5 (56); серия: Гуманитарные науки (филология). – С. 35–42.
- Филиппова И. Н. Классификация вербальной избыточности // Вестник МГОУ. Се.: Лингвистика. – 2011. – Вып. 1. – С. 150–155.
- Давлетбаева Д. Н. Типы фразеологических модификаций // Вестник ЧГПУ. – 2012. – Вып. 3. – С. 269.
- Хан-Пира, Эр. И. Плеоназм и тавтология : Разные судьбы плеоназмов // Рус. яз. – 2003. – № 14. – С. 5–10.
- Окс М. В. Перифраз: между синонимией и плеоназмом // Известия Южного Федерального университета. – 2012. – Вып. 3. – С. 58–59.
- Зайц О. А. Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов : дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2001. – С. 36–42.
- Полянская Л. А. Прагматическая ценность тавтологии в коммуникативном пространстве современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 38 с.
- Лаврентьева Е. Н. Тавтология как специальный прием выразительности речи // Вестник НГЛУ. Серия: Педагогика. – 2012. – Вып. 2. – С. 107.
- Энциклопедия Кругосвет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/
- Речевая избыточность. Тавтология. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litmasters.ru/pisatelskoe-masterstvo/rechevaya-izbytochnost-tavtologiya.html>.

УДК 81'25'42: 811.111

Языковые сложности при переводе усечений в англоязычном публицистическом тексте

КОННОВА А. В.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

Аннотация. Тексты современных англоязычных средств массовой информации часто содержат различного рода сокращения, что обусловлено необходимостью снизить громоздкость и неудобство сложных слов и словосочетаний, а также стремлением к экспрессии и экономии места. Однако гибкость механизма образования сокращений зачастую приводит к трудностям перевода.

Ключевые слова: апокопа, афереза, синкопа, сокращение, стяжение, усечение.

Linguistic Difficulties in Shortened Words of English Newspaper Text Translation

KONNOVA A. V.

Mordovia State University

Abstract. The texts of modern English mass media include a variety of shortened words. This may be due to an attempt of making longer words and word combination less complicated as well as making them more expressive and space-saving. However, the flexibility of their formation mechanism often leads to difficulties in translation.

Keywords: apocopa, apheresis, syncope, shortened word, syneresis.

Читая англоязычные статьи по экономике, зачастую мы можем встретиться с такими единицами, как сокращения. Сокращения просты и удобны в употреблении, позволяют экономить печатное пространство и придавать выражению экспрессию. Они охватывают различные сферы человеческой деятельности и используются как для обозначения имен собственных (названия стран, содружеств,

международных организаций, партий, вузов), так и нарицательных (предметы реальной действительности, термины, понятия). Зеркалом, служащим для отражения всех сфер человеческой деятельности, являются средства массовой информации.

Особое внимание в нашей статье отводится прессе, так как она является базовым компонентом существующих средств массовой информации. В прессе происходит формирование основных стилистических приемов и средств, используемых в медиатекстах в целом. Именно это послужило причиной нашего обращения к современной американской и британской прессе, отражающей основные языковые явления, характерные для английского языка начала XXI столетия.

История аббревиации своими корнями восходит к шумерской цивилизации – первой цивилизации на Земле. Сокращения встречаются уже в рукописях Древнего Востока, текстах эллино-романской, греческой эпох. Появление термина «аббревиатура» (от лат. *brevis* ‘краткий’) относят к средним векам, когда аббревиация получила широкое распространение.

В XV в. в Европе предпринимались первые попытки создать списки сокращений. Самым ранним таким списком был знаменитый *Modus Legendi Abbreviature* (примерно 1475), состоящий из 38 листов и содержащий 277 различного рода символов, включая графические и лексические сокращения [Баршова 2008: 2].

С каждым столетием число сокращений росло. Вторая мировая война стала не только огромным потрясением, но и послужила мощным толчком в их развитии. Но взрыв в появлении сокращений приходится на начало 1990-х годов. На процесс их развития влияет множество факторов, как экстралингвистических (научно-технический прогресс, социальные сдвиги, развитие межнациональных социокультурных связей, политические и экономические события в стране и мире и связанное с ними стремление передать новые понятия более компактно, широкое использование механических и технических средств связи), так и внутриязыковых (влияние других языков, тенденция к моносиллабизму, влияние разговорного и жаргонного языков).

В вопросе сокращений на сегодняшний день много разногласий, как в отношении терминологии, так и в отношении их классификации; не приведен строгий научный анализ особенностей отдельных структурных типов. Так, И. В. Арнольд, Е. А. Дюжикова, А. Н. Елдышев и Е. С. Кубрякова приравнивают термины «аббревиация»/«аббревиатура» к понятию «сокращение», поскольку ключевым понятием аббревиации является сокращение коррелята, а четкое различие между данными определениями можно увидеть только в этимологии: термин «аббревиатура» – заимствованный. Другие отечественные исследователи данной проблемы, такие как Ю. В. Горшунов, А. Э. Ливицкий и другие называют подобный способ словообразования аббревиацией, в рамках которой выделяются сокращенные слова как один из возможных типов аббревиации. Некоторые авторы полагают, что аббревиация представляет собой способ создания новых слов – неологизмов (Г. Д. Маслова, Е. П. Волошин) [Сергеева 2013: 9].

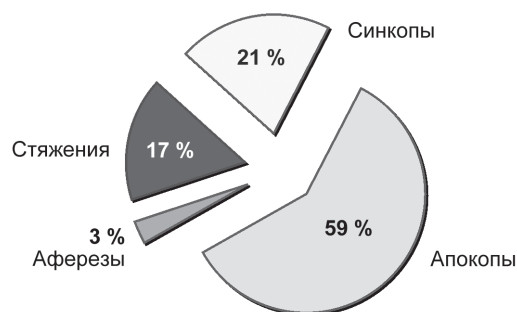
В своей работе будем опираться на следующее определение сокращенных единиц: «Сокращение представляет собой единицу как устной, так и письменной речи, состоящей из отдельных элементов звуковой или графической оболочки некоторой развернутой формы, с которой данная единица находится в определенной лексико-семантической связи [Воробьева 2013: 4].

Количество сокращений в тексте может варьировать в зависимости от характера газеты или журнала. Материалом для исследования нам послужили серьезные периодические издания, специализирующиеся на финансах (“*Barron’s*”, “*The Financial Times*”), издания, охватывающие более широкий круг экономических и деловых новостей (“*The Economist*”, “*BusinessWeek*”, “*The Independent*”, “*The Wall Street Journal*”, “*The Los Angeles Times*”, “*Los Angeles Business Journal*”).

Большая часть сокращенных слов в статьях по экономике приходится на инициализмы (89 % из общего числа проанализированных нами сокращений на 400 страницах печатного текста). Остальные 11 % приходится на усечения. Усечения представляют собой аббревиатурные номинации, образованные с помощью опущения букв или слогов основы сокращаемого слова. Именно эти одиннадцать про-

центов и вызывают зачастую значительные трудности при переводе. Это связано с тем, что аббревиатуры и акронимы, используемые в тексте, либо хорошо известны, либо расшифровываются прямо в тексте статьи. Что касается усечений, то в них отсекается грамматическая информация о слове, и порой трудно прогнозировать, какое из однокоренных слов и даже какая часть речи используется автором, что значительно усложняет перевод.

В своем исследовании хотелось бы подробнее остановиться на таких понятиях, как афереза, синкопа, апокопа, стяжение. Именно они были зафиксированы нами при анализе, как наиболее часто встречающиеся усечения в текстах деловых газет. На диаграмме представлено соотношение усечений в текстах английских деловых газет.

С конца XX века увеличилась популярность усечений, образованных при помощи синкопы. Синкопа представляет собой выпадение звука или группы звуков внутри слова: 1) *Assn.* – *Association* (ассоциация); 2) *bankcy.* – *bankruptcy* (банкротство). Однако в текстах деловых газет синкопа не так популярна. Так, в ходе анализа их было зафиксировано около 21 % от общего объема усеченных слов.

Еще реже в экономических текстах встречаются афerezы. Афереза является частным случаем синкопы и представляет собой отсечение начальной части слова (*phone* – *telephone*). Подобные усечения в научной литературе, в экономических текстах встречаются достаточно редко. В частности, ходе исследования было зафиксировано всего 3 % афerez. Это менее продуктивный тип усечения по сравнению с остальными. При этом перевод афerezы является достаточно сложным, так как отсекается важная семантическая составляющая, и, порой, трудно добиться адекватного перевода.

Наиболее продуктивным типом усечений в экономических текстах является апокопа. В анализируемых текстах их подавляющее большинство: 59 % от общего объема усечений. Однако и наибольшие трудности при переводе и вызывают именно апокопы. Апокопа представляет собой отсечение конечной части слова. Как уже было отмечено, отсутствие грамматической информации о слове затрудняет перевод и без ключевой подсказки (контекста) трудно угадать, какое слово используется автором. Взять хотя бы такую апокопу, как *av.*, которая имеет более шести значений: 1) *average* – средний; 2) *loss on average* (*average*) – убытки по аварии; 3) *availability* – соответствие требованиям; 4) *according to value* – согласно оценке; 5) *acceptance value* – приемлемое допустимое значение; 6) *ad valorem* – адвалорный и др. Данная апокопа обозначает, как существительное, прилагательное, так и наречие и не дает нам четкого представления о зашифрованном слове.

Еще один подобный пример: апокопа *ext.* имеет следующие значения: 1) *extension* – добавочный телефонный номер; 2) *external* – внешний (о торговле); 3) *extinct* – прекратившийся; 4) *extract* – выписка из документ и другие. Таким образом, подобные сокращения в отрыве от контекста перевести адекватно практически невозможно, и даже имея перед собой контекст, но, не имея знаний в экономической сфере, ошибок и ляпов в переводе избежать достаточно сложно.

Слова-стяжения представляют собой лексические единицы, образованные путем слияния двух и более слов с выпадением и возможным наложением букв в месте соединения или вложением одного

слова (части слова) в другое: *balpa* (*balance of payments*) – платежный баланс; *Bovespa* (порт. *Bolsa de Valores de São Paulo*) – Фондовая биржа Сан-Пауло. Отсекаться могут как каждый компонент словосочетания, так и один из компонентов с полным опущением второго: GLBL (*Global Industries*) – НАСДАК. В ходе анализа было зафиксировано около 17 % слов-стяжений.

Очевидно, что перевод стяжений представляет большие трудности, так как значительная доля информации опущена и остается лишь аллюзия на термин, тот семантический сгусток, который рефлексивно вызовет в памяти реципиента соответствующий термин. Случается, что при усечении первого компонента второй функционирует в полной форме, например: *E-commerce* (*electronic commerce*) – электронная торговля; *T-bill* (*Treasury Bill*) – государственные краткосрочные облигации; *T-bond* – казначейские облигации США.

Так же можно встретить словосочетания, краткая форма которых может быть образована и выпадением букв в середине слова, и отсечение конечной части слова: *Atty. Gen.* (*Attorney General*) – министр юстиции.

Таким образом, особое место в текстах прессы занимают усечения. В основной своей массе такие краткие формы слова являются прерогативой разговорной речи, сленга или жаргона. Однако в последнее время их все чаще можно встретить на страницах деловых газет, что с одной стороны, используется для экспрессии, с другой стороны, для экономии печатного пространства. И хотя доля усечений в текстах английских газет экономической направленности невелика, очевидно, что именно они и вызывают определенные трудности при переводе или приводят к переводческим ляпам и ошибкам.

В заключение хотелось бы отметить то, что в современных условиях, несомненно, переводчик оснащен различными инструментами, помогающими восполнить пробелы и выполнить качественный перевод. Однако печатные и даже электронные словари не всегда успевают подхватить происходящие изменения в языке, появление новых терминов, что представляет для переводчика определенные сложности.

ЛИТЕРАТУРА

- Баршюва С. О. История английских сокращений. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-angliyskih-sokrascheniy>.
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – Москва Международные отношения, 1980. – 341 с.
- Воробьева О. И. Сокращения в электронной деловой переписке на английском языке // Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 199–205.
- Кочарян Ю. Г. Аббревиация в английской военной лексике. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lib2.znate.ru/docs/index-334823.html?page=2>.
- Максимова Т. В. Англо-русский словарь сокращений. Экономическая терминология. – 2-е изд., испр. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 189 с.
- Максимова Т. В. Современные тенденции развития сокращения как способы словообразования в английском языке. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-sokrascheniya-kak-sposoba-slovoobrazovaniya-v-angliyskom-yazyke>
- Сергеева Т. С. Аббревиатура в системе лексических сокращений. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6 (24). С. 174 – 179.
- Травкина Е. Перевод медицинской литературы на примерах материалов клинических исследований. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://samlib.ru/t/trawkina_e_a/medtranslation.shtml
- Barron's (November 3). – 2014. – 56 p.
- Bloomberg Businessweek (April 28 – May 4). – 2014. – 100 p.
- Bloomberg Businessweek (November - November 9). – 2014. – 82 p.
- Los Angeles Business Journal (November 3-9). – 2014. – 44 p.
- Los Angeles Times (November 4). – 2014. – 42 p.
- The Financial Times (November 4). – 2014. – 28 p.
- The Independent (April 30 – May 6). – 2014. – 16 p.
- The Wall Street Journal (January, 20). – 2014. – 32 p.

Перевод Священного Писания как лингвистическая и культурологическая проблема

ЛЕБЕДЕВ А. В.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

Аннотация. В статье рассматриваются концепции перевода Священного Писания на различные языки, а также раскрывается лингвистическая и культурологическая проблематика данного вопроса.

Ключевые слова: Библия, перевод, Священное Писание, культура, динамическая эквивалентность, формальная эквивалентность.

The Translation of the Bible as Linguistic and Cultural Issue

LEBEDEV A. V.

Mordovia State University

Abstract. The article considers the various Bible translation concepts, linguistic and cultural aspect of the issue.

Keywords: Bible, translation, culture, dynamic equivalence, formal equivalence.

Изучение Библии и различных аспектов перевода текстов Священного Писания на европейские языки продолжает оставаться одной из ключевых задач современной филологии. Широкий спектр дисциплин, проявляющих интерес к Библии и различным составляющим библейской картины мира, говорит о важности и значимости переводов Ветхого и Нового Заветов. Очень точно высказал эту мысль лорд Дональд Когган, архиепископ Кентерберийский с 1974 по 1980 г.: «В переводческой работе должны объединиться в святом союзе вера и наука. Усилия этого союза становятся приношением Богу, приношением молитвы – поскольку переводчик и перевод целиком зависят от Духа истины; приношением ума – благоговением перед старым и открытостью новому – да будут точность и простота путеводной звездой на этом пути; приношением чувств – прежде всего, чувства прекрасного, чувства языка» [Когган 1996: 38].

По мысли О. В. Сушковой, особенность любого перевода состоит в том, что «он в той или иной мере следует двум совершенно разным системам переводческих норм: нормам иностранного текста (ИТ), от чего зависит его адекватность оригиналу и нормам переводного текста (ПТ), которым определяется его приемлемость для культуры, принимающей его в себя» [Сушкова 2009]. Соглашаясь с исследователем, принимающим активное участие в дискуссии по поводу современной теории библейского перевода, отметим, что культурная составляющая при переводе (культурный контекст оригинала и переводного текста, наличие или отсутствие культурных параллелей, культурно обусловленные коннотации и т. д.) столь же важна, как и лексическая. Даже идеальный, с точки зрения переводчика и переводоведа, читатель переведенного текста – не тождественен читателю текста оригинала: они отличаются друг от друга, прежде всего тем, что представляют две разные культуры. Возможны разные переводческие стратегии в отношении проблемы передачи культурных аспектов текста в процессе перевода, от сохранения «экзотизмов» до культурной трансплантации. По мнению Сушковой, переводчика подстерегают «две опасности: во-первых, навязывание культуре ПЯ (переводного языка) системы ценностей культуры ИЯ (иностранного языка); во-вторых, неверная интерпретация оригинала путем введения в него культурных идей, чуждых ему или в нем отсутствующих» [Там же].

Как и всякий текст, Священное Писание несет коммуникативную функцию, общаясь со своим читателем, к какому бы времени, культуре он ни принадлежал. Переводчик здесь выступает в роли по-

средника, поэтому нельзя не принимать во внимание читателя перевода. Баланс между этими двумя полюсами, соглашаясь с Сушковой, – «дело непростое, выбор каждый раз неочевиден и требует и смелости, и свободы, и чуткости – вопреки сложившимся нормам» [Сушкова 2009]. Передача текста Библии с одного языка на другой всегда связана с лингвистическими трудностями, что выражается в несоответствиях грамматического и лексического строя языков оригинала и перевода. Как пример можно привести существенные различия в грамматических категориях древнееврейского и русского языков, что не позволяет точно передать по-русски противопоставление определенных и неопределенных форм существительного; в то время как несовпадения в системе времен глагола вызывают затруднения при переводе с иврита на греческий язык. Сложность представляет также выработка словарных соответствий, в которых отражаются культурно-языковые различия, что привело к созданию подстрочников (пословных переводов Библии с лингвистическими комментариями).

Особую же проблему при интерпретации библейского текста в библеистике представляет значимость и сложность передачи содержательно-тематической составляющей самого текста. В частности, русский религиозный мыслитель Г. В. Флоровский в своей книге «Христианство и цивилизация: избранные труды по богословию и философии» утверждает, что «Бог встречает человека в истории, то есть в элементе человеческого, в самой гуще человеческого существования. Библия по существу своему книга историческая: это повествование о божественных действиях» [Флоровский 2005: 618]. Ту же мысль высказывает и А. Мень, подчеркивая, что «Библия, таким образом, есть одновременно и Слово Божие и слово человеческое. Откровение преломлялось в ней через призму личности ее авторов – живых людей, принадлежавших к определенным эпохам, испытавших на себе влияние окружающей среды, мышления и взглядов современников» [Мень 2002: 213]. Очевидно, что многочисленные трудности, с которыми сталкиваются исследователи, переводчики Библии и рядовые читатели, – это временная пропасть, которая лежит между современным и библейским культурным, историческим и лингвистическим фонами. Например, лишь после изучения проблемы семейного и социального положения женщин в Коринфе в I в. н. э. становится ясно, что именно хотел подчеркнуть в своем послании Павел, анализируя конфликт, связанный с головным покрытием женщин (1 Кор. 11). Знакомство с античной концепцией рабства помогает осознать, что Павел не столько поддерживает такие установки, сколько выступает против них. Интерес в этом плане представляет новозаветное послание Филимону. Понимание иудейской концепции «воскресения» дает возможность ответить на многие возражения современных скептиков относительно характера воскресения Иисуса Христа. Подобных примеров достаточно много, поэтому многие кажущиеся противоречия, трудности толкования Священного Писания можно с успехом разрешить, исследовав библейские историю, географию, народные обычаи и мировоззрение. Поверхностная же экзегеза текста Священного Писания приводит к богословским ошибкам, снижая духовную и практическую значимость Библии, ее нравственную ценность.

В настоящее время существуют как частичные, так и полные переводы Библии почти на все языки и диалекты мира. Тексты Библии начали распространяться по всему миру благодаря влиянию христианства, а Реформация способствовала переводу ее на языки народов мира. По данным интернет-портала www.ubs-translations.org, международные Библейские Общества вовлечены в более чем 600 переводов на около 500 языков. В 1996 г. на Международном съезде Библейских Обществ была принята программа, согласно которой за десятилетие Библию планируется перевести целиком на каждый язык с более чем 500 000 носителями. При этом Новый Завет должен быть доступен на любом языке с 250 000 говорящими на нем, а отдельные книги Библии, – с 100 000 носителей. Отметим, что «Британское и зарубежное библейское общество» к 60-м гг. XX в. издало полную Библию более чем на 200 языках мира, а Лондонское Библейское общество, основанное в 1804 г., опубликовало Библию на 270 языках (124 млн. экземпляров) к 1889 г. Со времен Иоганна Гутенберга Библия была переведена и издана на более чем 2370 языках, на которых существует, по крайней мере, одна книга Священного

Писания. Хотя это лишь половина из известных ныне мировых языков, данная цифра покрывает более 90 % населения планеты.

В начале XIX в. Священное Писание было доступно только на 68 языках; в настоящее время Библия переведена полностью на 438 языков, Новый Завет – на 1168. При этом частично Священное Писание переведено на 848 языков. Каждый перевод Библии на любой язык в той или иной мере подвержен влиянию религиозных, социальных и социолингвистических факторов, в связи с чем Ш. Абрамсон, израильский исследователь в сфере иудаистики, выделяет четыре основных вида библейских переводов: этнический перевод, перевод на общенародный язык, перевод на литературный язык, традиционный перевод. В краткой еврейской энциклопедии находим определения этих понятий [Электронная еврейская энциклопедия, эл. рес.]. Так, этнический перевод характерен для народов, не обладающих долгосрочной литературной и письменной традицией. Это, например, переводы на абхазский, ингушский, калмыцкий, коми-зырянский и другие языки (младописьменные языки). С одной стороны, совершенно оправданным выглядит стремление переводчиков адаптировать библейские тексты для понимания культур других народов. С другой, – такие переводы часто содержат большое количество элементов толкования, то есть библейские образы передаются через элементы культур разных этносов. Например, «хлеб и вино» могут передаваться как «рис и вода», а греческое понятие «логос» (Ин. 1 – разум, слово, познание) – как «дао» (аналогичное понятие) в восточных культурах.

Перевод на общенародный язык, по мысли Абрамсона, подразумевает сообщества людей с более высоким уровнем общественной и языковой дифференциации и наличием литературной традиции. Подобный вид перевода необходимо ориентировать на общедоступность текста для каждого представителя данной культуры. К этой группе исследователь относит такие переводы, как «Современная английская версия» Р. Братчера (1964–1966), русская «Библия» В. И. Кельсиева (1860), голландский перевод (1951), испанская «Современная версия» Х. Б. Пратта (1893), японская «Разговорная версия» (1952–1954).

Перевод на литературный язык также ориентирован на развитое общество с обширным культурным наследием, основывается на богатстве национальной литературы и более высокий образовательный уровень. Примерами являются переводы на английский язык – «Новая английская Библия» (1961), итальянский – протестантская версия Дж. Диодати (1607–1641) и католическая – А. Мартини (1769–1781), китайский – перевод на литературный язык «Вень ли» (1919), русский – Синодальное издание (1868–1875).

Традиционный перевод, основной предпосылкой которого, по Абрамсону и Либману, является сакрализация библейского текста, также весьма распространен в развитых в социокультурном плане обществах. Сюда относятся канонизированные переводы: английские – Версия короля Иакова или Авторизованная версия (1611), Исправленная Стандартная версия (1946–1952); немецкий – переработанная Лютеровская Библия (1870–1892); церковнославянский – Елизаветинская Библия (1751). Каждый из этих переводов сыграл свою роль в создании, развитии и укреплении той или иной христианской церкви, способствовал формированию богословской и литургической традиций.

В настоящее время в распоряжении ученых нет подлинных рукописей (оригиналов), написанных пророками, апостолами и евангелистами, хотя исследователи считают, что некоторые из этих манускриптов хранились в столице Египта, знаменитой библиотеке г. Александрии, но, наряду с другими ценнейшими документами (700 000 рукописных книг (свитков) погибли во время пожара при вторжении арабских войск Магомета (646 г.). Так, Л. Канфора в своей книге «Исчезнувшая библиотека», интерпретируя свидетельства древних авторов, указывает, что разрушена была не сама библиотека, а погибли хранившиеся на складе манускрипты, которые ожидали погрузки [Канфора 1993: 44–45].

Сегодня все больше внимания уделяется соотношению многочисленных подходов к эквивалентности и библейской герменевтике, перевода и толкования. В связи с этим, особый интерес представляет

концепция динамической эквивалентности (ДЭ). Ю. А. Найда, по мнению которого задачей герменевтики является выявление связи между библейскими истинами и современными событиями, а ее целью – выявление библейских истин и правильное отношение к ним. Данную теорию необходимо рассматривать с трех сторон: лингвистической, нравственно-этической и практической. Следует признать, что теория ДЭ представляет собой герменевтическую систему и является толкованием текста оригинала, но разграничить толкование и перевод необходимо. Методика перевода с использованием формальных эквивалентов сохраняет формальные структуры языка оригинала и сводит к минимуму толкование переводчика. Перевод текстов Библии сталкивается с большим количеством текстологических, культурологических и богословских проблем, и выбор той или иной переводческой методики зависит от области применения – религиозной, бытовой и научной. Сопоставительный анализ переводов Библии на разные языки с точки зрения различных семантических и грамматических аспектов показал, что формально-эквивалентный подход более точно отражает синтаксическую и лексическую структуру, в то время как ДЭ перевод уделяет особое внимание именно семантической составляющей, не оставляя места для внутреннего смысла, заложенного в оригинале.

Перевод текстов Священного Писания становится объектом изучения многих научных дисциплин и сталкивается с большим количеством текстологических, культурологических и богословских проблем. В последнее время в нашей стране все чаще обсуждаются вопросы нового перевода Священного Писания на русский язык, а, следовательно, и использования либо формально-эквивалентных методов, либо ДЭ подхода. Выбор в пользу той или иной переводческой парадигмы неоднозначен и, безусловно, не сможет осуществить свою прагматическую функцию во всех областях применения – религиозной, бытовой и научной.

ЛИТЕРАТУРА

- Канфора Л. Исчезнувшая библиотека. – М.: Возрождение, 1993. – 189 с.
 Когган Д. Перевод Библии со времен ранней церкви до наших дней // Перевод Библии: лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты. – М.: Ин-т перевода Библии, 1996. – С. 37–42
 Мень А. Библиологический словарь: в 3 т. – Т. 1. – М.: Фонд им. Александра Меня, 2002. – 555 с.
 Сушкова, О. В. Установка на читателя: дискуссия в современной теории библейского перевода. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sfi.ru/rubrs.asp?rubr_id=945&art_id=8493&page=2&print=1
 Флоровский Г. В. Христианство и цивилизация: избранные труды по богословию и философии. – СПб.: РХГА, 2005. – 862 с.
 Электронная еврейская энциклопедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=13178&query=%CF%C5%D0%C5%C2%CE%C4>

УДК 81'1.001

История и перспективы машинного перевода

МАРГАРЯН Т. Д.

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (г. Москва)

КАРЦЕВА Е. Ю.

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Аннотация. *Сегодня трудно переоценить важность и значение машинного перевода в межкультурной коммуникации. В статье представлены основные этапы развития данного вида перевода, анализируются его достоинства и недостатки, обсуждается перспектива данной технологии.*

Ключевые слова: *машинный перевод, автоматический период, криптоанализ, языковой барьер.*

The History and Opportunities of Machine-Aided Translation

MARGARYAN T. D.

Bauman Moscow State Technical University

KARTSEVA E. Yu.

Peoples' Friendship University of Russia

Abstract. *Today it is impossible to overestimate the significance of machine-aided translation for cross-cultural communication. The paper describes the main stages of its development, evaluates its advantages and disadvantages and its future opportunities.*

Keywords: *machine-aided translation, interactive translation, cryptanalysis.*

Перевод имеет долгую историю – своими корнями он восходит к тем далеким временам, когда несколько языков могли выступать в роли посредников при общении представителей разных языковых общин. Круг деятельности, охватываемой понятием «перевод», очень широк. Переводятся с одного языка на другой стихи, художественная проза, научные и научно-популярные книги из самых разных областей знания, дипломатические документы, деловые бумаги, статьи политических деятелей и речи ораторов, газетные материалы, беседы лиц, разговаривающих на разных языках и вынужденных прибегать к помощи посредника – «толмача», дублируются кинофильмы.

Так что же такое перевод? Переводом называется процесс и результат создания на основе исходного текста на одном языке равноценного ему в коммуникативном отношении текста на другом языке. При этом коммуникативная равноценность, или эквивалентность, понимается как такое качество текста перевода, которое позволяет ему выступать в процессе общения носителей разных языков в качестве полноценной замены исходного текста (оригинала) в сфере действия языка перевода [Аристов 1959: 22].

В последнее время многим стало очевидно, что знание иностранных языков может понадобиться не только в путешествии или на приеме гостей из-за рубежа, но и в собственном доме, например, при просмотре популярных голливудских кинолент, при чтении инструкций по использованию техники или Web-страниц. Оказывается, что, даже не покидая родных стен, мы нуждаемся в услугах переводчика. Однако необходимую помощь нам вполне может оказать домашний компьютер. Системы машинного перевода давно перестали быть диковинкой, вместо бессвязного текста они начинают изъясняться на вполне понятном, «человеческом» языке. До последнего времени такие программы были не только очень дорогостоящими, но и весьма сложными и капризными в применении. И вот появились первые переводчики, пригодные для использования на домашнем компьютере (ПК).

Возможность механизации такого казавшегося рутинным умственного труда, как перевод, давно привлекала внимание. По свидетельству биографов, еще выдающийся математик XIX века Чарльз Бэббидж пытался убедить британское правительство в необходимости финансировать его исследования по разработке «вычислительной машины». В числе прочих благ он обещал, что когда-нибудь эта машина сможет автоматически переводить разговорную речь [Моуд 1998]. Но, хотя сегодня Бэббидж и считается признанным автором множества идей, лежащих в основе работы компьютера, он так и не сумел ни построить свою машину, ни выполнить обещания по поводу машинного перевода [Федоров 1968].

Развитие машинного перевода (МП) и его современную картину можно представить как диалектическое взаимодействие, борьбу двух основных направлений, двух подходов к проблеме. Эти подходы определяются тем, что берется в основу системы описания входного языка для конечной цели перехода к выходному естественному языку в условиях сохранения содержания, смысла переводимого текста.

Первый подход характеризуется использованием максимально универсального мощного языка смысла. К этому подходу можно отнести метод «семантических множителей, тезаурусный метод, метод фильтров, анализ через синтез, модель «смысл-текст» и прочие.

Второй подход, который хронологически возник раньше первого, был создан математиками и инженерами; теперь, когда мы оцениваем высказанные в то время соображения, следует признать, что интуиция и здравый смысл дали возможность уже в то время сформулировать важные индуктивные концепции. Этот подход базируется на таком представлении о промежуточном языке, которое близко подходит к идее переводных соответствий на чисто языковом уровне. Методическая суть этого подхода: изучение индивидуального поведения языковых единиц, особенно в языковом контексте; моделирование человеческого владения языком, особенно в процессе межъязыкового перевода; переход от простого, легко формализуемого, находящегося на поверхности, к более сложному, формализация которого достигается постепенно, последовательным движением от простого [Ванников 1988: 12–13].

История машинного перевода как научно – прикладного направления началась в середине прошлого века. В 1933 г. было запатентовано механизированное переводное устройство П. П. Смирнова-Троянского, своего рода лингвистический арифмометр. В марте 1947 г. Уоррен Уивер, директор отделения естественных наук Рокфеллеровского фонда, в переписке с Эдрю Бутом и Норбертом Винером впервые сформулировал концепцию машинного перевода, которую несколько позже (в 1949 г.) развил в своем меморандуме, адресованном Фонду [Weaver 1949].

Собственно МП начинается с применения электронных вычислительных машин (ЭВМ) к обработке текстов на естественных языках. Эта идея основывалась на успехах, достигнутых в применении ЭВМ к криптографическим задачам. В дискуссии между У. Уивером и А. Д. Бутом в 1946 г. было высказано предположение, что «основные элементы языка могут быть обнаружены с помощью устройств, разработанных во время второй мировой войны и предназначенных для расшифровки секретных кодов противника».

После публикации работ К. Шеннона по математической теории связи [Shannon 1948; Weaver, Shannon 1963], оказавших большое влияние на развитие математической теории информации, были сделаны попытки применить к анализу языка инструментарий средств, пригодных для обнаружения общих свойств кодов, и машинный перевод рассматривался, как еще одна область применения техники дешифрования. При этом важно, что предполагалось осуществить обнаружение на первых порах самых общих свойств «кода». В меморандуме У. Уивера – одном из исходных документов, от которых началось развитие машинного перевода, – приводится пример дешифрования и отмечается важное качество языковых сообщений, а именно инвариантность языковых характеристик на разных уровнях, позволяющая найти хотя бы самые общие свойства кода. «... Можно было догадаться, что при расшифровке использовалась частотность букв и комбинаций букв, которые почти не зависят от того, каким языком написан зашифрованный текст. Сразу же возникает предположение, что на том этапе, когда человек изобретал и развивал языки, возникли некоторые их инвариантные свойства, которые опять-таки неточно, но до некоторой статистически полезной степени присущи всем языкам». Порядок установления иерархии языковых уровней в общем случае переустройства системы знаков может быть иной – не от низших уровней к высшим, а от общих уровней к частным [Weaver 1949]. Можно считать, что на становление и развитие машинного перевода оказал влияние криптоанализ.

Процесс криптоанализа подразумевает совместную работу человека и ЭВМ; работа аналитика состоит из рутинной обработки больших массивов текста в непрерывной связи с тонкими умственными догадками, требующими лингвистической интуиции.

Датой рождения МП (как области исследований) принято считать 1947 год: А. Д. Бут и Д. Г. В. Бриттен разработали подробный «код» для пословного машинного перевода. Через год Р. Г. Риченс предложил правила разбиения словоформ на основу и окончание.

В 1952 г. состоялась первая конференция, организованная знаменитым математиком Бар-Хиллелом, на которой исследователи обменялись мыслями относительно организации множества синтаксических

правил языка, способов описания семантики, морфологических структур, структуры словарей для систем перевода. Достижения в академических исследованиях стимулировали коммерческий интерес к проблеме МП, и фирма IBM совместно с Джорджтаунским университетом в США в 1954 в Нью-Йорке представили первую систему МП – IBM Mark II (это событие вошло в историю как Джорджтаунский эксперимент). Представленная программа была очень ограничена в своих возможностях (она имела словарь в 250 единиц и 6 грамматических правил). Тем не менее, был осуществлен первый публичный эксперимент по машинному переводу – были переведены сорок девять специально подготовленных и отобранных русских предложений на английский язык. Этот эксперимент положил начало исследовательскому буму: в следующие 10 лет правительство и военные ведомства США затратили на исследования в области МП около 40 млн. долларов. Казалось, что создание систем качественного автоматического перевода вполне достижимо в пределах нескольких лет (при этом акцент делался на развитии полностью автоматических систем, обеспечивающих высококачественные переводы; участие человека на этапе постредактирования расценивалось как временный компромисс).

Таким образом, историю машинного перевода можно разделить на три периода: 1946–1957 гг., 1957–1967 гг., 1967 – настоящее время. Эти периоды можно охарактеризовать следующим образом.

Первый период включает появление идеи и связанный с этим энтузиазм. Особое внимание отводилось построению машинных словарей, хотя уже складывались представления об алгоритмах морфологического, синтаксического, лексического анализа для МП. Если кратко подвести основные итоги этого периода, то они выглядели бы следующим образом:

- выдвинута концепция языка как кода;
- созданы первые машинные словари для МП экспериментального характера;
- разработано общее представление об МП, включающее машинный словарь, алгоритмы анализа и синтеза, программное обеспечение;
- созданы и опробованы первые экспериментальные системы МП, которые, хотя и носили рекламный характер, обладали рядом существенных черт для систем МП.

Наиболее плодотворный второй период в истории развития МП закончился в некотором смысле декларированным отходом от МП как проблемы. В 1967 г. специально созданная Комиссия Национальной Академии Наук США признала машинный перевод нерентабельным, что существенно затормозило исследования в этой области. Однако в СССР исследования в области машинного перевода продолжались. После демонстрации системы IBM Mark II группа ученых ВИНТИ начала разработку системы машинного перевода для машины БЭСМ. Как уже упоминалось выше, первый образец перевода с английского на русский язык был получен к концу 1955 года.

Другое направление работ возникло в Отделении прикладной математики Математического института АН СССР (ныне ИПМ им. М. В. Келдыша РАН) по инициативе А. А. Ляпунова. Первые программы машинного перевода, разработанные этим коллективом, были реализованы на машине «Стрела». Благодаря работе над созданием систем МП оформилось такое направление, как прикладная лингвистика [Тараскин, эл. рес.].

Более пристальное внимание к разработке компонентов систем МП показало, что слишком многие аспекты языковой деятельности чрезвычайно далеки от формализации и тем более алгоритмизации. Особенно следует отметить возникновение и разработку идеи языка-посредника. Возникли и получили развитие такие лингвистические идеи, как гипотеза глубины, представление о проектировании синтаксических структур, были разработаны алгоритмы синтаксического анализа, способы изображения, представления и обнаружения синтаксических структур. Ряд действующих систем МП был внедрен в информационную практику именно в этот период: результаты работы этих систем позволили по-новому взглянуть на возможности и перспективу развития МП. Параллельно с развитием МП появилась идея создания автоматического словаря в помощь переводчику.

Третий период, начавшийся после 1967 г., характеризуется возникновением нового социального статуса МП – в это время сформировалась наука о научно-технической информации (информатика). Если во втором периоде развитие научной мысли в МП шло в некотором отрыве и без учета новых возможностей вычислительной техники, то третий период, как можно считать, соединил новые достижения технической кибернетики с новыми результатами теории и практики лингвистических исследований в автоматической обработке текстов. Это соединение произошло на базе осознания социальных потребностей в области МП – преодоления языковых барьеров. В научном аспекте этот период характерен возвратом к построению цельных систем МП. Однако этот возврат происходил достаточно медленно, и только к 1977 г. активизировалась работа в этом направлении. Однако в последнее время благодаря появлению Интернет как платформы глобальной связи она вновь начала привлекать широкое внимание.

И только с начала 1980-х гг., когда ПК уверенно и мощно начали завоевывать мир, время их работы, естественно, подешевело и доступ к ним можно было получить в любую минуту. А значит, МП наконец-то стал экономически выгодным, он вновь стал привлекательной областью вложения капиталов, как для частных инвесторов, так и для государственных структур. Появились системы перевода, которые используются и по ныне – это Power Translator (компания Globalink) и Language Assistant (компания MicroTac) и Transend (компания Intergraph). К тому же в эти и последующие годы совершенствование программ позволило достаточно точно переводить многие виды текстов, однако некоторые проблемы МП остались нерешенными и по сей день.

1990-е годы можно считать подлинной эпохой возрождения в развитии МП, что связано не только с высоким уровнем возможностей персональных компьютеров, появлением сканеров и программ OCR, но и с распространением Интернет/интранет (Internet/intranet), обусловивших реальный спрос на МП. Наиболее популярными стали такие программы, как Stylus и PROMT. При разработке систем PROMT впервые был применен фактически революционный подход, который и позволил получить впечатляющие результаты. Системы перевода семейства PROMT – это системы, спроектированные на основе не лингвистических, а кибернетических методов. Первая система машинного перевода, выпущенная компанией PROMT в 1991 г., переводила с английского языка на русский специализированные тексты по программному обеспечению. Она использовала небольшой словарь – около 17 тыс. слов и выражений, работала в среде ДОС и не имела средств настройки для пользователя. Но уже эта первая система была правильно устроена, и нынешняя технология разработки алгоритмов машинного перевода, применяемая в компании PROMT, не претерпела значительных изменений. Напротив, найденный тогда подход оказался очень плодотворным для самых разных языков.

Но наиболее популярными в последнее время стали он-лайн переводчики, среди них пальму первенства завоевал Google – переводчик. Но Google Переводчик, как и другие инструменты автоматического перевода, имеет свои ограничения. Этот инструмент может помочь пользователю понять общий смысл содержания текста на иностранном языке, он не предоставляет точных переводов. Из-за того, что выдача вариантов контролируется статистическим алгоритмом, при переводе обычных общеупотребительных слов Google Переводчик может предлагать в числе возможных вариантов нецензурные слова. На результат выдачи также можно повлиять, массово предлагая некий, в том числе, заведомо неверный вариант перевода. Постоянно ведётся работа над качеством перевода, разрабатываются переводы на другие языки.

Наряду с этим появился целый ряд профессиональных словарей, созданных на основе лингвистических корпусов. Наиболее популярными являются он-лайн словари ABBY Lingvo, Multitran. В МГТУ им. Н. Э. Баумана был проведен опрос среди студентов 1-3 курсов, магистров и аспирантов. И как показало исследование, на младших курсах студенты почти 100 % используют он-лайн переводчики, а именно – Google Переводчик при работе с текстами общетехнического содержания. На старших

курсах, работая с научно-технической литературой, они все чаще обращаются к специализированным словарям, используют он-лайн словари ABBY Lingvo, Multitran. Более успешные студенты, магистры и аспиранты предпочитают работать с он-лайн словарями, а не с переводчиками в 80 % случаев.

Что же касается специалистов-переводчиков, они все чаще обращаются к CONCORDANCE – программе, разработанной для контент-анализа. Появляются новые технологии в этой области. В частности, это технологии так называемой «памяти переводов» (Translation Memory). Эта технология позволяет создавать глоссарии корпоративной терминологии, а также автоматически отслеживать единство используемой терминологии. Исследователи в области МП уделяют все больше внимания основной проблеме выбора лексики (уязвимое место для МП), в частности – использование большого объема доступных сейчас лексических и текстовых ресурсов (например Интернета). Эти разработки обещают быструю работу систем и более широкий и глубокий языковой охват.

И хотя технологии МП по-прежнему страдают множеством недостатков, многие специалисты вновь стали серьезно относиться к обещанию Бэббиджа. «Машинный перевод все еще далек от совершенства, но любой желающий с его помощью сможет, по крайней мере, понять основной смысл документа», – считает Луи Монье, технологический директор Alta Vista, крупного поискового Web-узла, который работает с МП в онлайн-режиме [Моуд 1998]. Несомненно, средства машинного перевода никогда не смогут улавливать все смысловые нюансы оригинального текста. Различия в синтаксисе и семантике, особенно между западными и восточными языками, – скажем английским и китайским – слишком велики для этого.

Проанализировав современное состояние МП, можно заключить, что со временем «чистых» систем машинного перевода (коммерческих, онлайн или иных) будет становиться все меньше. Напротив, больше будет компьютерных инструментов и приложений, где автоматический перевод является лишь одним из компонентов – это относится в частности к специализированным системам для конкретных пользователей и конкретных областей. Комплексное программное обеспечение для автоматического перевода будет нормой, доступной для всех, кто имеет компьютер а также другое оборудование, подключенное к сети (телевизоры, мобильные телефоны, портативные устройства и т.д.). Скорее всего, программное обеспечение больше не будет приобретаться для автономных компьютеров, но будет доступно в Интернете в случае необходимости. Автоматический перевод станет повседневной и существенной частью глобального информационного общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристов Н. В. Основы перевода. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 262 с.
Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 237 с.
Ванников Ю. В. Языковая сложность текста как фактор трудности перевода. Методическое пособие. – М.: Всесоюзный центр переводов, 1988. – 43 с.
Васильев А. Компьютер на месте переводчика // Подводная лодка. – 1998. – № 6. – С. 12–20.
Винокуров А. А., Чуканов В. О. Новый метод оценки машинного перевода // Вестник гуманитарной науки. – Центр, 1998. – С. 23–32.
Гвишиани Н. Б. Язык научного общения (вопросы методологии). – М.: Высш. шк., 1986. – 187 с.
Моуд Дж. Машинный перевод: новое поколение технологий. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pcweek.ru/business/article/detail.php?ID=47418>
Тараскин А. А. Машинный перевод. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study-english.info/article065.php>
Федоров А. В. Основы общей теории перевода. – М.: Высш. шк., 1968. – 247 с.
Weaver W. Memorandum. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mt-archive.info/Weaver-1949.pdf>
Shannon C. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. – 27, July and October, 1948. – pp. 379–423, 623–656.
Weaver W., Shannon C. E. The Mathematical Theory of Communication. – Univ. of Illinois Press, 1963.

Информатизация и оптимизация работы современного переводчика

НОВОЖИЛОВА А. А.

Волгоградский государственный университет (г. Волгоград)

Аннотация. В статье анализируются электронные средства и интернет-ресурсы, с которыми должны уметь работать современные переводчики для повышения скорости, эффективности и качества выполняемых переводов. Автор описывает возможности использования таких информационных технологий как электронные словари, программы машинного перевода, программы переводческой памяти и т. д.

Ключевые слова: информационные технологии, перевод, электронные словари, поисковые системы, ТМ-программы, автоматизация перевода, профессиональные компетенции.

Informatization and Optimization of Modern Translator's Work

NOVOZHILOVA A. A.

Volgograd State University

Abstract. The article deals with electronic means and internet-resources, used by modern translators to increase speed, efficiency and quality of translations to be done. The author considers possibilities of information technologies such as electronic dictionaries, automatic translators, Translation Memory systems etc.

Keywords: information technologies, translation, electronic dictionaries, search engines, translation memory, computerized translation, professional competence.

В современном мире, охваченном процессами всеобщей глобализации и интеграции, наблюдается стремительное расширение международных контактов и быстрое увеличение потоков информации. Это оказывает огромное влияние на деятельность переводчиков XXI века и ставит перед ними новые вызовы. В последние десятилетия требования, предъявляемые к переводчикам и качеству их работы постоянно меняются и возрастают. Для того, чтобы быть конкурентоспособными на рынке труда, современные переводчики должны не только хорошо знать иностранный и родной языки, не только обладать профессиональными компетенциями, но и уметь работать с техническими средствами и переводческими электронными ресурсами. Несколько лет назад владение компьютерными технологиями значительно повышало востребованность переводчика на биржах переводческих услуг по сравнению с теми, кто плохо разбирался в технических средствах. В настоящее же время переводчик, который не умеет работать хотя бы с минимальным набором электронных средств будет не просто мало востребован на рынке труда, а вообще не сможет там «выжить» в профессиональном смысле, не смотря даже на великолепные знания иностранного языка. В наибольшей степени это касается письменных переводчиков, но также и устные переводчики не могут в своей деятельности обходиться без различных технических средств.

К основным инструментам, которыми пользуются современные переводчики, относятся, несомненно, электронные переводные словари. Функционал данных технических средств достаточно подробно анализировался в работах ученых-переводоведов [Шевчук 2013: 32–50; 2010: 19–30; Семенов 2008: 95–120], поэтому мы ограничимся кратким обзором самых интересных функций и сосредоточим внимание на содержательной стороне. По принципу доступа электронные словари подразделяются на онлайн-овские и оффлайн-овские. Оффлайн-овские версии удобны тем, что им не нужно постоянное подключение к интернету и они не зависят от бесперебойной работы сервера. В отличие от своих онлайн-овских собратьев оффлайн-овские словари, как правило, являются платными программами, но и в то же время скрупулезно выверенными и тщательно верифицированными в отношении лексики, морфологии, при-

меров сочетаемости, отнесенности к тематической области и т. д. Для повышения конкурентоспособности разработчики оффлайновских словарей постоянно стараются совершенствовать свой продукт и добавлять всё новые функции, которые отсутствуют в онлайн-версиях. Например, к таким функциям относится у популярных многоязычных словарей Lingvo «подсветка» перевода при наведении курсора на слово непосредственно в тексте документа. Эта функция совместима с текстовыми редакторами и многими форматами интернет-сайтов. К сожалению, она не активна для документов графических форматов, например, PDF или DjView. Также во многие оффлайновские версии разработчики добавляют транскрипцию, озвучку слова и иногда его дефиницию.

Спектр онлайн-словарей чрезвычайно широк. В среде российских переводчиков работающих с европейскими языками наиболее популярными являются многоязычные словари Мультилекс и Мультитран, хотя последний часто подвергается критике и именуется «свалкой словесного материала», поскольку он был собран из разных отраслевых словарей и предусматривает возможность дополнения словарных статей любым зарегистрированным пользователем [Ермолович 2009: 40]. Будучи практикующими переводчиками, мы считаем это не совсем справедливым эпитетом, применимым к данному весьма обширному лексикографическому источнику. Мультитран очень удобен тем, что в нем содержится большое количество готовых переводов терминов-словосочетаний. Но как и при работе с любым словарем, здесь нужно уметь найти необходимый эквивалент.

Продemonстрируем процесс поиска на следующем примере: при переводе с русского на немецкий язык текста заключения ультразвукового исследования встречается медицинский термин «*дорсальное затухание звука*». В этом случае переводчику следует попытаться найти сначала всё словосочетание целиком. Словарь предлагает результат с пометкой «найжены отдельные слова» и членит запрос на «*дорсальное*» и «*затухание звука*». Тем самым работа переводчика уже во многом ускоряется и облегчается, так как ему нет необходимости собирать из частей словосочетание «*затухание звука*» и он может воспользоваться эквивалентом, предложенным словарем с пометкой мед. (медицина), *Schallabschwächung*. При поиске отдельных частей этого словосочетания система выдает более 30 значений для слова «*затухание*» и более 10 для термина «*звук*».

Для переводчика, особенно начинающего работать в данной тематической области, правильно сориентироваться в таком разнообразии зачастую непросто. Для сравнения – онлайн-версия Abby Lingvo не предлагает перевод данного словосочетания целиком, а лишь его отдельных сегментов. Далее после выбора термина *Schallabschwächung* переводчику остается подобрать правильный эквивалент для прилагательного «*дорсальное*», согласовав его грамматически с немецким существительным *Schallabschwächung*. Для этого прилагательного Мультитран предлагает в словарной статье три варианта: *анат.* «*dorsal*», *геол., палеонт.* «*rückenständig*», *лингв.* «*Hinterzungen*» и примеры употребления в четырех тематических областях, одна из которых медицинская, к которой и следует обратиться в данном случае переводчику. В примерах есть несколько терминологических словосочетаний «прилагательное + существительное», где в качестве прилагательного используется «*dorsal*». Одно из терминологических словосочетаний «*дорсальная акустическая тень*» сопровождается пометкой «*при проведении УЗИ*» и для него предлагается вариант «*dorsales Schallphänomen*». Исходя из этого можно предположить, что прилагательное подойдет и для искомого терминологического словосочетания, которое также относится к специальной тематике «ультразвуковое исследование». Таким образом, составляется перевод «*dorsale Schallabschwächung*». Но простого предположения и сложения терминологического словосочетания из найденных компонентов недостаточно. Поэтому после обращения к словарю следует воспользоваться другими переводческими технологиями, а именно верификации терминологии посредством поисковых систем.

Поисковые системы являются, пожалуй, вторым после словарей по значимости электронным инструментом, с которым современные переводчики должны уметь работать. Выверка терминологических единиц необходима как при переводе с родного языка на иностранный, так и при переводе

с иностранного языка на родной, поскольку переводчикам зачастую приходится работать с текстами малознакомых научных областей и нужно проверять возможность употребления найденных в словарях эквивалентов в контексте именно этой предметной сферы. Самой популярной поисковой системой, используемой российскими переводчиками для поиска и верификации терминов является многоязычная система Google. Проведем верификацию на примере переведенного при помощи Мультитрана термина «*dorsale Schallabschwächung*». Задав в поисковой строке данный термин, находим достаточное количество употреблений данного словосочетания в документах медицинской тематики, размещенных, по нашему мнению, на достаточно надежных немецкоязычных сайтах. И, что немаловажно, находим также документы, содержащие похожие контексты с описанием результатов ультразвуковых исследований. Вот, например, выдержка из анамнеза, размещенного на сайте Института диагностической радиологии г. Пассай, Германия (Institut für Diagnostische Radiologie):

Scharf begrenzter, homogener, hyporeflexiver Herdbefund, geringe dorsale Schallabschwächung, Durchmesser 0,6 cm (<http://www.gynrad.idr.med.uni-erlangen.de/94/94.htm>)

После того как поиски показали, что терминологическое словосочетание употребляется в аналоговых документах в языке перевода и выражает именно такое же значение, что и в русском языке, можно с уверенностью вносить его в выполняемый перевод.

Помимо верификации переведенных при помощи словаря терминов, поисковые системы предлагают переводчикам множество других возможностей повышения качества их работы. Например, при переводе шаблонных документов (договоров, инструкций по эксплуатации бытовых приборов, медицинских анамнезов, коммерческих писем и т. п.) переводчик при помощи поисковых систем может найти аналоговые тексты на языке перевода и подобрать соответствующие эквиваленты для отдельных лексических единиц, клишированные выражения, употребляемые в документах такого типа и зачастую даже целые отрывки, не обращаясь к словарям. Благодаря аналоговым текстам переводчик может помимо поиска эквивалентов ознакомиться со структурой, которую принято соблюдать при оформлении того или иного документа в языке перевода, и выполнять свой перевод, ориентируясь на нее.

Поисковые системы помогают переводчику также в поиске вариантов перевода для лексических единиц, отсутствующих в словарях. Здесь переводчик сталкивается с трудоемкой задачей поиска слов в аналоговых текстах или поиска путем собственных предположений и проверки их. Иногда на поиски одной единицы у переводчика может уйти ни один час, но, чаще всего, при проявлении настойчивости и упорства они завершаются успехом. В качестве одной из рекомендаций при поиске вариантов перевода отсутствующих в словарях терминов можно упомянуть становящееся в последнее время всё более популярным обращение к многоязычным энциклопедиям, в частности к Википедии. Переводчик находит описание термина на исходном языке в Википедии и переходит на его описание на языке перевода, если таковое имеется. Однако в таких случаях не стоит также забывать об открытости данного ресурса и возможности дополнения и редактирования любым (даже незарегистрированным) пользователем. Данный прием может служить отправной точкой для дальнейших поисков и верификации терминологических единиц.

Кроме описанных выше содержательных составляющих переводческого процесса современный переводчик должен уметь также работать с программами, ускоряющими и оптимизирующими его работу. К самым простым, но иногда крайне необходимым средствам относятся программы транслитерации текста, например, Транслит. При их помощи за считанные секунды можно произвести транслитерацию длинных списков имен и фамилий, адресов, названий и т. п. В настоящее время, например, при публикации научных статей редакторы и рецензенты часто требуют транслитерацию списков использованной литературы. В этом случае также стоит обратиться к таким программам. Но всегда следует помнить, что после использования любой автоматической системы, переводчик должен проверить и, если необходимо, внести корректуру в полученный текст.

В последнее время профессиональные переводчики всё чаще обращаются к системам машинного перевода, особенно при переводе больших объемов определенных типов текстов. Разработчики этих систем постоянно совершенствуют и устраняют недочеты в их работе, в результате чего они уже не подвергаются столь жесткой критике, как это было, например, несколько лет назад. Проведенный ранее анализ переводов, выполненных машинными переводчиками, на примере систем Промт и Google Translate [Новожилова 2014] показывает, что они непригодны для переводов текстов, изобилующих сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями, распространенными определениями, метафорическими сравнениями, сложными синтаксическими конструкциями и т. п. Однако машинные системы можно использовать для перевода текстов, которые достаточно формализованы в стилистическом плане (техническая документация, потребительские инструкции, контракты и т. п.). Они выполняют вполне адекватные варианты переводов отдельных предложений или отрывков текста, которые можно оставить без изменений. В других предложениях бывает нужна лишь минимальная корректура, которая занимает у опытного переводчика несколько секунд. Таким образом, данные системы не только имеют право на существование, помогая осуществить межкультурную коммуникацию широким массам пользователей интернета, но и также способствуют ускорению процесса перевода и оптимизации труда профессиональных переводчиков.

Для современных переводчиков незаменимыми помощниками являются также программы накопления переводческой памяти – Translation Memory. Данные программы запоминают выполненные с их помощью переводы и впоследствии при работе с похожими текстами автоматически подставляют варианты перевода, которые сам переводчик внес в базу ранее. Эти программы наиболее полезны при работе с однотипными текстами или тестами одной научно-технической отрасли. Кроме собственных переводческих баз, переводчики могут воспользоваться любыми другими, загрузив их в систему. Такие базы, например, часто предоставляют бюро переводов своим сотрудникам. Поэтому большинство переводческих бюро сотрудничает только с переводчиками, умеющими работать с данными программами. Это позволяет в разы ускорять их работу и экономить деньги. В России наиболее известными ТМ-системами являются Déjà Vu и TRADOS. Эти программы коммерческие и достаточно дорогостоящие, но многие переводчики-фрилансеры приобретают их, оправдывая свои затраты за короткое время. Осенью 2014 г. российская компания Abby Lingvo запустила инновационный проект – облачную онлайн-платформу SmartCAT. Данная система сочетает в себе одновременно несколько переводческих ресурсов – словари, глоссарии, ТМ-программу и другие более мелкие функции, как, например, проверка орфографии, сохранение стилей форматирования и т. п. SmartCAT работает с разными типами файлов и помимо текстовых форматов распознает также графические документы, что очень ценно для переводчика. Эта система существует в двух версиях: бесплатная для переводчиков-фрилансеров и коммерческая, для корпоративных клиентов. Версия для фрилансеров обладает меньшим набором функций и у нее существуют ограничения по переводимым объемам, но, тем не менее, за короткое время своего существования она была по достоинству высоко оценена многими профессиональными переводчиками.

Помимо описанных существует еще множество других программ обработки текста, которые могут помочь переводчику облегчить его работу. Например, программы автоматического аннотирования и реферирования текста, программы анализа и синтеза речи, программы автоматического редактирования и т. д. Мы рассмотрели наиболее релевантные электронные ресурсы и информационные технологии, применение которых позволяет современным переводчикам оптимизировать и ускорить свою работу и тем самым всегда быть востребованными и конкурентоспособными на рынке переводческих услуг.

ЛИТЕРАТУРА

- Ермолович Д. И. О «Лонгмане» бедном замолвите слово // Мосты. – № 2/22. – 2009. – С. 39-45.
Новожилова А. А. Машинные системы перевода: качество и возможности использования (на примере переводчиков «ПРОМТ» и «Google Translate») // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. – № 3 (22). – С. 67–73.

Семенов А. Л. Современные информационные технологии и перевод: учеб. пособие для студ. перевод. фак-тов высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2008. – 224 с.

Шевчук В. Н. Информационные технологии в переводе. Электронные ресурсы переводчика. – М.: Зебра Е; 2013. – 384 с.

Шевчук В. Н. Электронные ресурсы переводчика. – М.: Либрайт, 2010. – 136 с.

УДК 81'25: 801.631.5

Специфика передачи синтаксической структуры сложного предложения при переводе научного текста

ПЕРЕВЕРЗЕВА И. В.

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к передаче синтаксической структуры сложного предложения при переводе англоязычного научного текста.

Ключевые слова: научный текст, научный перевод, научный стиль, сложное предложение, перевод сложного предложения, смысловая структура предложения.

The Specifics of Translation of Syntactic Structures of Complex Sentences in the Scientific Text

PEREVERZEVA I. V.

North-Caucasian Federal University

Abstract. The article considers modern approaches to the translation of syntactic structures of complex sentences in the English scientific text.

Keywords: scientific text, scientific translation, scientific style, compound sentence, translation of complex sentences, the semantic structure of sentence.

В настоящее время исследованиям в области научного текста уделяется особое внимание в связи с активным внедрением научной информации практически во все уровни повседневной жизни, что обуславливает возрастание социальной значимости науки. Исследования в области научного перевода – важная и актуальная задача, направленная на достижение адекватных переводов, способствующая решению многих прикладных задач и ускорению обмена информацией в области новейших достижений науки среди специалистов и ученых разных стран. Научный стиль речи является средством общения в области науки и научно-учебной деятельности.

Основная задача переводчика научной литературы в качестве языкового посредника в межкультурной коммуникации заключается в коммуникативно-равноценной передаче информации с одного языка на другой. Язык научно-учебной литературы имеет свои грамматические, лексические и фразеологические особенности. При переводе научного текста необходимо верно передавать смысл текста, отступления должны быть оправданы особенностями языка, требованиями стиля.

В последние десятилетия вопросы синтаксиса сложного предложения в английском языке привлекают особое внимание многих исследователей, но некоторые аспекты данной проблематики все же требуют дальнейшей научной разработки. Важное место занимает вопрос о связи между компонентами сложного предложения.

Научный стиль объединяет в себе тексты, относящиеся к определенной специальной области и служащие для закрепления процесса познания [Арнольд 2002: 336]. Научный текст представляет собой

особую разновидность текстов, в которых заключается совокупность признаков, характеризующих научные тексты как тексты определенного функционально-стилистического стиля. Совокупность научных текстов многовариантного содержания образуют научную прозу, для которой в целом характерен лингвистический и в частности переводческий статус. В данном случае, мы считаем важным подчеркнуть, что научной прозе как совокупности текстов свойственны черты всех важнейших категорий языка и стиля. Научная проза и научный текст в частности достаточно полно воплощает в себе общий литературный язык. Вместе с тем в научных текстах содержатся все категории функционального стиля. Научный функциональный стиль может включать в себя индивидуальный авторский стиль, который проявляется в текстах оригинального научного содержания, где автор сквозь призму формально-научных концепций и утверждений излагает свою позицию, ведет полемику, используя определенный набор лингвостилистических средств. Обосновывая свою точку зрения в текстах научной прозы (собственно в научных текстах), автор текста сам организует синтаксическую упорядоченность сложных предложений, в которых заключается определенный набор лексических средств, заключающих в себе научную информацию [Александрова 2000: 42].

Как известно, традиционно основной единицей синтаксиса является предложение. Потребности мышления и общения создали в языке особые синтаксические образования, состоящие из объединения нескольких предложений. Эти синтаксические образования называются сложными предложениями. Для уяснения понятия «сложное предложение» необходимо учесть, что структура сложного целого не является механической суммой составляющих это целое простых единиц. Внутренние связи элементов сложного предложения очень многообразны и не укладываются в вышеуказанную схему.

«Сложное предложение представляет собой объединение нескольких предложений при помощи тех или иных синтаксических средств в грамматическое целое, служащее выражением законченной мысли. Как и всякое предложение, сложное предложение в целом характеризуется интонацией законченности. Входящие в состав сложного предложения отдельные синтаксические единицы не обладают самостоятельностью и законченностью и представляют собой взаимосвязанные и дополняющие друг друга элементы целого сложного предложения» [Гвоздев 1998: 24].

Таким образом, в настоящей работе мы будем основываться на определении сложного предложения как «коммуникативной, полупредикативной, целостной по строению и интонационному оформлению единицы, обозначающей, как правило, две ситуации и более» [Кустова 2005: 180]. Данное определение дает нам основания для выделения параметров, отличающих сложное предложение от простого: 1) его составляющие – предикативные единицы, т. е. простые предложения; 2) связь между предикативными единицами осуществляется посредством особых языковых средств; 3) эти особые языковые средства служат для выражения грамматического значения в рамках сложного предложения. Причем, следует заметить, что под грамматическим значением в сложном предложении понимается определенная схема объединения простых синтаксических единиц в сложное единство, на основании которой становится возможным определение степени зависимости одной части от другой [Там же: 181].

За последние 70-80 лет целым рядом исследователей высказывалась мысль о целесообразности сохранения в науке традиционной схемы деления связей между частями сложного предложения на сочинительные и подчинительные: «Мы считаем, что сочинение и подчинение объективно существуют в языке и представляют собой смысловые категории, которые находят определенное формальное выражение в языке. Смысловое различие сочинения и подчинения состоит, по нашему мнению, в том, что при сочинении части сложного предложения, соединенные союзом, равноправны, в то время как при подчинении одна часть находится в зависимости от другой, тем или иным способом обслуживает ее. И в том и в другом случае части предложения очень тесно связаны друг с другом» [Жельвис 1958: 254].

Следует отметить, что интерес к проблеме перевода сложных предложений со стороны переводоведов стал уже традиционным. Данной проблематике посвящены работы таких лингвистов, как В. Н. Комиссарова, Л. С. Бархударова, Л. К. Латышева, Р. К. Миньяр-Белоручева, Я. И. Рецкера и многих других.

При переводе сложного предложения больше всего проблем возникает в связи с обработкой переводчиком с английского языка на русский грамматических конструкций, не имеющих аналогов в русском языке, или в связи с обработкой лексических единиц, словарные соответствия которых на ПЯ обладают иными парадигматическими и синтагматическими особенностями. В данном случае первоочередной задачей переводчика является способность извлечь смысл из элементов сложного предложения на ИЯ и адекватно передать его в тексте на ПЯ [Влахов 1980: 327].

Л. К. Латышев выделял два переводческих приема: подстановку (когда сложное предложение переводится «слово в слово») и трансформацию (это когда перевод сложного предложения с ИЯ более или менее не является полностью тождественным переводу на ПЯ). В этом случае при переводе сложного предложения с английского на русский язык происходят заметные синтаксические трансформации и в сложном предложении на языке перевода могут появляться дополнительные члены. Подразделение переводческих операций на два основных класса – подстановки и трансформации – основывается на наличии между английским и русским языками черт семантического и структурного сходства [Латышев 2008: 47].

При переводе предложения с английского на русский язык Я. И. Рецкер выделяет грамматические трансформации, которые выражаются как преобразование структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами ПЯ. Он не предлагает сколько-нибудь подробной классификации таких преобразований, а указывает лишь, что при переводе предложения могут подлежать замене и члены предложения, и части речи. Далее в переводческом учении Я. И. Рецкера перечисляются факторы, которые могут влиять на применении грамматических трансформаций, такие как синтаксическая функция предложения, его лексическое наполнение, смысловая структура, контекст предложения и его экспрессивная, стилистическая функция, так как в большинстве случаев сложное предложение не может быть переведено с английского на русский язык изолированно без опоры на смысловые и грамматические структуры содержания текста. Я. И. Рецкер также отмечает необходимость трансформации, когда подлежащим английского предложения является абстрактное понятие, регулирующее замены английских существительных русскими глаголами. Также он рассматривает трудности перевода английских компаративных и абсолютных конструкций, которые часто вызывают ошибки даже у опытных переводчиков [Рецкер 1974: 56].

В учении о переводе А. В. Федорова особо отмечалось, что случаи грамматического совпадения в подлиннике и переводе носят исключительный характер, и поэтому в любом случае при переводе предложения с английского на русский язык необходимы преобразования на уровне грамматики и синтаксиса. Он выделяет три случая расхождений при переводе: например, в языке подлинника в рамках сложного предложения имеются элементы, которому нет формального грамматического соответствия в языке перевода. Во-вторых, в языке, на котором делается перевод, существуют элементы, не имеющие формального соответствия в языке подлинника, а между тем неизбежно применяемые при переводе (например, деепричастия в русском предложении и его отсутствию в английском, что компенсируется соответствующими причастными оборотами в английском языке). В-третьих, в языке перевода есть грамматические элементы, формально соответствующие элементам языка подлинника, но отличающиеся от них по выполняемым функциям [Федоров, 2002: 108].

При переводе сложного предложения с английского на русский язык В. Г. Гак выделяет группу преобразований, которая включает в себя изменение синтаксической функции слова с сохранением его принадлежности к той части речи (актантные замены). Он выделяет четыре основных случая подобных замен при переводе предложения, в том числе и сложного: а) подлежащее в оригинале по своему лексическому значению соответствует какому-либо второстепенному члену предложения в переводе: прямому дополнению, обстоятельству образа действия, причины, места. Возможны также замена подлежащего: подлежащее может подсказываться контекстом; либо второстепенному члену предложения в оригинале соответствует другой второстепенный член в переводе предложения [Гак 1997: 37].

А. Д. Швейцер также отмечал, что на синтаксическом уровне происходят субституции одних структур предложения другими с сохранением инвариантным смыслового компонента, вложенного в синтаксическую структуру сложного предложения [Швейцер 1988: 78].

Таким образом, понимание научного текста прямо зависит от правильности перевода сложного предложения в тексте, что будет невозможным без соответствующих синтаксических преобразований. Специфика перевода сложных предложений заключается в существующем несоответствии между синтаксическими и грамматическими структурами исходного и переводящего языков и, следовательно, в необходимости применения различных трансформаций для преодоления этого несоответствия и достижения высокого уровня эквивалентности.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова Л. В. Языковая выразительность научной прозы // Вестник Московского ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – № 3 – С. 46–52.
- Арнольд Г. Б. Стилистика. Современный английский язык. – изд. 5-е, доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 341 с.
- Гак В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода М.: Изд-во МГУ, 1997. – 500 с.
- Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. – Ч. 2: Синтаксис. – М.: Просвещение, 1998. – 301 с.
- Жельвис В. И. К вопросу о видах синтаксической связи между частями сложного союзного предложения (На материале английского языка) // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. Кафедра английского языка. – 1958. – Т. 181, вып. 3. – 344 с.
- Кустова Г. И., Мишина К. И., Федосеев В. А. Синтаксис современного русского языка. – М.: Академия, 2005. – 256 с.
- Латышев Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания: М.: Академия, 2008. – 192 с.
- Рецкер Я. И. Теория перевода и переводоведческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. – СПб.: СПбГУ; М.: Филология, 2002. – 416 с.
- Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Научное сообщество, 1988. – 340 с.

УДК 81'25:06.053.56

Медийная составляющая переводческой компетентности

ПУЗАКОВ А. В.

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (г. Саранск)

Аннотация. В статье рассматривается информационно-технологическая составляющая переводческой компетентности (медиакомпетентность), которая включает в себя умение найти информацию и обработать ее, навыки работы с компьютером, в частности с сетью Интернет.

Ключевые слова: компетентность, компетенция, переводчик, медиа, медиакомпетентность, информация.

Media Component of Translation Competence

PUZAKOV A. V

Mordovia State University

Abstract. The paper discusses the information and technology component of translation competence (media competence), which includes the ability to find information and process it, as well as skills of computer work, particularly using the Internet.

Keywords: competence, competency, translator, media, media competence, information.

Проблемой выявления компонентного состава профессиональной компетентности переводчика занимались как отечественные ученые (И. С. Алексеева, В. Н. Комиссаров, Д. К. Латышев, Р. К. Миньяр-Белоручев, Е. Р. Поршнева), так и зарубежные (Р. Белл, В. Вилсс, Д. Каирали, А. Ним, Х. Рису, Г. Хансен). Всеми исследователями признается многокомпонентность состава переводческой компетентности, хотя их представления о наборе компонентов существенно различаются.

Как отмечают А. С. Мещеряков и А. К. Косникова, в научном мире не существует единого мнения по поводу компонентного состава как переводческой, так и других компетенций, собственно как и четкого разделения понятий «компетенция» и «компетентность». На основе определений, приведенных в педагогических словарях, под компетенцией исследователи понимают заранее заданное требование к подготовке учащегося, совокупность профессиональных полномочий, необходимых для выполнения определенного вида деятельности, а компетентность понимается как субъективное качество личности, отражающее его способность к выполнению той или иной деятельности [Мещеряков 2011: 5].

Важнейшим компонентом переводческой компетентности остается лингвистическая составляющая, которая подразумевает под собой знания в области грамматической, лексической, стилистической и фонетической стороны языка, а также умение применять их на практике в различных профессиональных коммуникативных ситуациях.

Компенсаторная составляющая переводческой компетентности – это умение использовать все возможные средства общения (вербальные и невербальные) с целью компенсации возможных пробелов в знании иностранного языка, а также в знании ситуации общения или особенностей поступков собеседника.

Важной частью переводческой компетентности является культурная составляющая в единстве социокультурного и социолингвистического подкомпонентов, так как взаимодействие с представителями другой культуры невозможно без знаний об языковых, общественных и культурных особенностях своей собственной страны и страны изучаемого языка, без овладения определенными фоновыми знаниями [Мещеряков 2011: 7].

Как отмечает И. Г. Игнатьева, причинами неудачных переводов могут оказаться: отсутствие фоновых знаний, не очень хорошее знание политической жизни (англоязычных) стран, узкий кругозор, незнание общественно-политических реалий, недостаточное знание современной ситуации в мире. Профессионально компетентному переводчику необходимо обладать фоновыми экстралингвистическими знаниями, в первую очередь, относительно реальной действительности (персоналий, принципов функционирования политических партий и институтов общества, движений, общественно-политических течений, последних событий, происшедших в мире, и т. п. [Игнатьева, эл. рес.].

Собственно переводческая составляющая – способность учитывать особенности реципиента, избирать оптимальную стратегию перевода, уметь создавать тексты на языке перевода в соответствии с переводческой концепцией, стилями и жанрами текста.

Информационно-технологическая составляющая переводческой компетентности (медиакомпетентность), включает в себя умение найти информацию и обработать ее, навыки работы с компьютером, в частности с сетью Интернет.

В структуре переводческой компетентности особую роль играют личные качества переводчика, его навыки и умения: переводчик обязан соблюдать определенную этику, включающую в себя моральные принципы, нормы профессионального поведения, требования профессиональной пригодности [Мещеряков 2011: 8].

Главный редактор журнала «Медиаобразование» д. п. н. профессор, А. В. Федоров предлагает свое определение медиакомпетентности: медиакомпетентность личности – это совокупность ее мотивов, знаний, умений, способностей (показатели: мотивационный, контактный, информационный, перцептивный, интерпретационный/оценочный, практико-операционный/деятельностный, креативный), способствующих выбору, использованию, критическому анализу, оценке, созданию и передаче медиа-

текстов в различных видах, формах и жанрах, анализу сложных процессов функционирования медиа в социуме [Федоров, эл. рес.].

А. В. Федоров приводит следующие трактовки понятий «медиа», «медiateкст», «медиакультура» и «медиатворчество»:

Media (media, mass media) – средства (массовой) коммуникации – технические средства создания, записи, копирования, тиражирования, хранения, распространения, восприятия информации и обмена ее между субъектом (автором медiateкста) и объектом (массовой аудиторией). [Федоров, Словарь].

Медiateкст (media text, media construct) – сообщение, изложенное в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телепередача, видеоклип, фильм и проч.).

Медиакультура (media culture) – совокупность материальных и интеллектуальных ценностей в области медиа, а также исторически определенная система их воспроизводства и функционирования в социуме; по отношению к аудитории «медиакультура» может выступать системой уровней развития личности человека, способного воспринимать, анализировать, оценивать медiateкст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания в области медиа. Близкие понятия: информационная культура, (information culture), видеокультура (video culture), аудиовизуальная культура (audiovisual culture).

Медиатворчество (media creation) – процесс созидательной деятельности в медийной сфере и его предметные результаты; взаимосвязанные процессы проективной деятельности и производства медiateкстов [Федоров, эл. рес.].

Как отмечает А. В. Федоров, для личности, обладающей высоким уровнем медиакомпетентности присущи следующие показатели:

1) мотивационный: широкий комплекс жанровых, тематических, эмоциональных и проч. мотивов с медиа и медiateкстами, включающих:

- выбор разнообразного жанрового и тематического спектра медiateкстов при обязательном включении неразвлекательных жанров;
- стремление получить новую информацию;
- стремление к рекреации, развлечению (в умеренных дозах);
- стремление к идентификации, сопереживанию;
- стремление к подтверждению собственной компетентности в различных сферах жизни и медиакультуры;
- стремление к поиску материалов для учебных, научных, исследовательских целей;
- стремление к художественным впечатлениям;
- стремление к философскому/интеллектуальному, этическому, эстетическому спору/диалогу с создателями медiateкста, к критике их позиции;
- стремление научиться создавать медiateксты самому, изучая конкретные примеры творчества профессионалов;

2) контактный: частые контакты с различными видами медиа и медiateкстов;

3) информационный: знание большинства базовых терминов, теорий, основных фактов истории развития медиакультуры, творчества деятелей медиакультуры, ясное понимание процесса массовой коммуникации и медийных воздействий в контексте реального мира;

4) перцептивный: отождествление с автором медiateкста, способность соотнесения с авторской позицией, которая позволяет предугадать ход событий медiateкста на основе эмоционально-смыслового соотнесения элементов сюжета, восприятия авторской мысли;

5) интерпретационный/оценочный: умение критически анализировать процесс функционирования медиа в социуме с учетом разнообразных факторов на основе высокоразвитого критического мышления. Понимание, интерпретация, предполагающая критическую оценку авторской концепции в контексте структуры произведения, историческом и культурном контекстах. При этом выражается аргументированное согласие или несогласие с авторской позицией создателей медiateкста;

6) практико-операционный: практические умения самостоятельного выбора, создания (лично или в составе группы людей) / распространения медиатекстов различных видов и жанров, умения активного самообразования в медийной сфере;

7) креативный: ярко выраженный уровень творческого начала в различных видах деятельности (перцептивной, игровой, художественной, исследовательской и др.), связанной с медиа.

Таким образом, исходя из определений А. В. Федорова, можно сделать вывод, что человек, обладающий высоким уровнем медийной компетентности, 1) имеет мотивацию для обращения к медиатекстам, 2) часто к ним обращается, 3) понимает суть процесса массовой коммуникации, 4) может воспринимать авторский замысел, основываясь на своих знаниях, предугадывать ход событий медиатекста, 5) умеет критически рассматривать медиатексты, логически обосновывать собственную точку зрения, 6) способен самостоятельно выбрать тот или иной медиатекст, исходя из своих целей, 7) способен творчески подходить к чужому медиатексту и заниматься собственным медиаторством.

В силу более высокой степени развития медиа проблемы медиаобразования и медиакомпетентности изначально более подробно рассматривались западными исследователями. Анализируя работы теоретика массовых коммуникаций М. Маклюэна (М. McLuhan), учредившего в 1953 г. журнал «Эксплорейшнз» (Explorations), разъяснявшего роль печати и медиаграмотности в формировании общественного сознания, В. Л. Колесниченко [2009: 43, 45] отмечает, что исследователь был убежден в том, что одной из задач образования должно быть не только формирование основных навыков восприятия информации, но также и развитие суждения и установления различий между истинной и мнимой информацией. Маклюэн говорил и о том, что средства массовой коммуникации располагают неограниченными возможностями манипулирования сознанием аудитории. Исследователь полагал, что с помощью медиа под контролем можно держать «эмоциональный климат» целых культур.

Маклюэн считал просвещение и знакомство с основами медиаграмотности идеальными средствами гражданской защиты от побочных последствий медиа. Он отмечал способность телевидения пропагандировать определённые типы социальных отношений, моделировать соответствующие поведение и оказывать большое психологическое давление. По мнению исследователя, изучение медиа может сформировать у аудитории умения осмысливать большой объём получаемой информации [Там же: 46].

В период интенсивного развития телевидения (1962) ученый разработал теорию «глобальной информационной деревни», отмечая, что глобализация коммуникаций, связывая людей во всём мире, приведёт к созданию единого коммуникационного пространства и превратит нашу планету в одну «глобальную деревню». По образному выражению Маклюэна, «глобальная информационная деревня» объединит всех жителей планеты «неотрайбалистским» погружением в мифы телевизионной сверхреальности [Там же: 44].

Образованный человек должен критически подходить к воспринимаемой в медиа среде информации, поскольку медиатексты могут содержать ложные данные, вводить в заблуждение, как намеренно, с ведома их автора (пропаганда), так и случайно, по ошибке. Также важно видеть различие между фактами и мнениями («солнце светит» – факт, «хорошая погода» – мнение). Вопрос доверия к источнику информации особенно актуален, когда речь идет о сети Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

- Мещеряков А. С. Косникова А. К. О выявлении компонентного состава переводческой компетентности // Среднее профессиональное образование. – № 12. – 2011. – С. 5–8.
- Игнатъева И. Г. Фоновые знания как составляющая компетенции переводчика медиатекстов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru>
- Федоров А. В. Медиакомпетентность современной молодежи: проблемы и тенденции. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sorokinfond.ru/index.php?id=642>
- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://narod.ru/text23/0013.htm>

Колесниченко В. Л. Медийная концепция М. Маклюэна – методологическая основа канадского медиаобразования // Медиаобразование и медиакомпетентность: слово экспертам / Под ред. А. В. Федорова. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2009. – С. 43–68.

УДК 81'25:519.768

Матрица как интегрированная реальность переводческого процесса

РЕМХЕ И. Н.

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск)

Аннотация. Моделирование в переводоведении продолжает занимать важную часть современных исследований при учете междисциплинарности при рассмотрении переводческих понятий и эвристическом характере переводческого процесса. Интеграция смежных научных дисциплин и многоаспектность переводческой деятельности создают основу для разработки матричной модели перевода, как системы упорядочивающей знания о переводе и его процессе.

Ключевые слова: модель, эвристический, переводческий процесс, матрица, интеграция.

Matrix as Integrated Reality of the Translation Process

REMKHE I. N.

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Abstract. The issue of modelling is seen as an important aspect by many researches taking into account the importance of an interdisciplinary character of the translation studies terminology and heuristic features of the translation process. The integration of complementary studies and the multiple-aspect translation process provide the grounds for considering a matrix model as a system that can systematize the knowledge about translation both theoretical and practical.

Keywords: model, heuristic, translation process, matrix, integration.

За последние десятилетия характер переводческой деятельности и методологии перевода претерпели существенные изменения, определившие характер дальнейших научных исследований. Переход от семантического компонентного анализа в переводе к его рассмотрению как особого вида речевой деятельности и повышение интереса исследователей к когнитивной сущности переводческого процесса выражается в поиске новых методов и приемов исследования тех процессов, которые долгое время казались недоступными для изучения по причине того, что связаны с глубинными системами переводческого мышления. В результате, переводоведение получает новый вектор развития в рамках междисциплинарности, где основными постулатами становятся интеграция, эвристичность и эпимистический характер переводческого процесса.

Переводческий процесс не поддается схематизации и должен рассматриваться как динамическая, эвристическая система, предполагающая набор определенных элементов когнитивно-эпистемического характера, где под эпистемическим понимается форма хранения знаний, рассматриваемая в форме фрейма и его активации в рамках ментального пространства, а когнитивный элемент относится к мыслительным процессам переводчика, осуществляющим сбор и обработку поступающей информации, что доказывает динамичности и эвристичность всей системы [Ремхе 2014: 94].

Неоспоримым остается тот факт, что с развитием вычислительной техники и созданием новых технологий деятельность человека, в том числе переводчика, естественным образом переходит в ре-

жим выполнения автоматизированных операций. Однако чем больше было стремление исследователей адаптировать перевод к системам искусственного интеллекта и автоматическому поиску эквивалентов, тем сильнее становилось разочарование в способности заменить переводчика «разумной» машиной. Это привело к признанию эвристического характера переводческой деятельности и стремлению раскрыть когнитивные ее основания посредством моделирования, в том числе с помощью ряда нейронаучных дисциплин.

Помимо ярких представителей нейролингвистической психологии, таких как Р. Дилтс [2000] и Дж. Серл [2002], задающих определенное понимание модели как динамичной и индивидуальной системы, потенциал модели как гипотетического конструкта рассматривается учеными различных смежных областей, отмечая, в частности, ее прагматический аспект, позволяющий выделить две природы: объяснительную и предсказывающую.

Так, объяснительная природа модели предполагает, что моделирование может быть использовано для упорядочивания и логического выстраивания научной теории, что приводит к формированию модели как научно-теоретического конструкта, созданного на основе собранного практического и экспериментального материала для выработки стройной, логически непротиворечивой теории. Здесь модель несет в себе объяснительную силу, указывая на последовательность и закономерность сбора материала и его внутренней классификации. Предсказывающая природа модели говорит в пользу ее функционального смысла, когда мы получаем «рабочую модель» в действии, что позволяет использовать ее как «скелет», который наполняется содержимым в зависимости от рассматриваемой области. В данном случае модель является своеобразным руководством к действию, раскрывая некоторые схемы внутренних процессов и стратегий в действии.

Безусловно, многие исследования, проводимые представителями нейронаучных дисциплин в области искусственного интеллекта позволили освободиться от дескриптивизма, царившего на протяжении долгого времени, в частности, среди приверженцев ученой группы «Translation Studies» [Holmes 1988], и обратиться к когнитивным аспектам языка и перевода, а также убедиться в разумности междисциплинарного подхода в изучении языковых явлений. Однако именно Дж. Холмс дал развитие мысли о том, что переводоведение как дисциплина должно подкреплять структуру, методы и цели смежных наук, в том числе естествознания. При этом переводоведение должно заниматься описанием и прогнозированием процессов в переводе.

Согласно теории Дж. Холмса, модель переводоведения состоит из 16 блоков, включая три направления исследования: 1. Дискриптивное переводоведение, 2. Теоретическое переводоведение 3. Прикладное переводоведение. У каждого направления есть по две «области» (Историческая и Методологическая), а также 11 подразделов (два – в Теоретическом переводоведении, три в Дискриптивном и шесть в Прикладном переводоведении) (рис. 1).

Подобная многоаспектность перевода и интеграционных характер переводческих исследований обуславливает необходимость поиска способов систематизации знаний в переводоведении и уточнения логики построения модели, что представляется возможным в рамках матричной модели. Вопрос о рассмотрении перевода сквозь призму матричной модели остается открытым и малоизученным по причине его относительной отдаленности от непосредственного изучения языка и перевода как дисциплины, а также многоаспектности с точки зрения затрагиваемых концептов. Матричная модель в переводе была в использована, например, в исследовании Л. Тарви, которая, следуя за концепцией Дж. Холмса, выдвигает идею блочного рассмотрения комплексной модели теоретического переводоведения (рис. 2).

Так, подразделами Дискриптивного переводоведения являются три направления в исследовании в зависимости от расстановки акцента: исследования, ориентированные на 1) «продукт» (product-oriented), 2) «функцию» (function-oriented) и 3) «процесс» (process-oriented). Теоретическое направление подразделяется на «общетеоретическое» (General Theoretical) и «частично теоретическое» (Partial

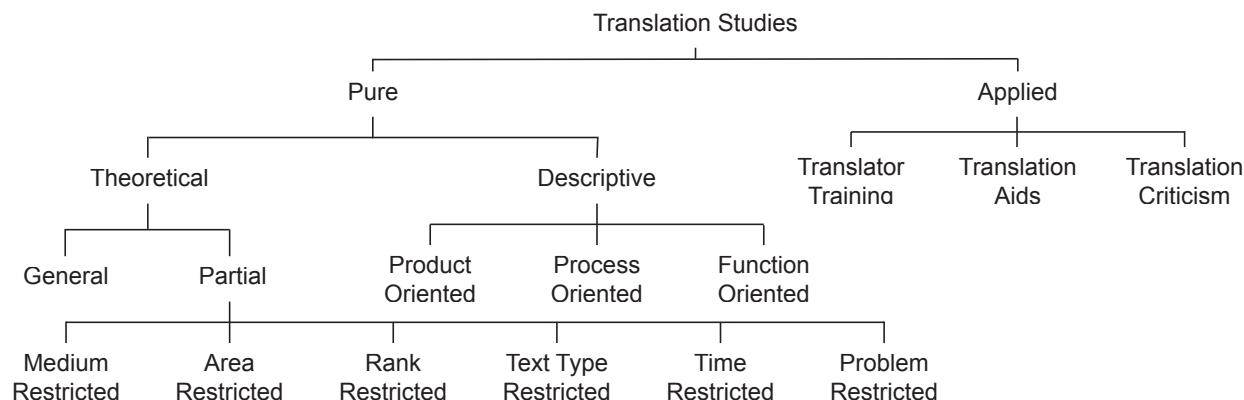

Рис. 1. Модель переводедения Дж. Холмса

$\text{ThTS} \leftrightarrow \text{DTS} \leftrightarrow \text{ATS}$ $\downarrow \quad \quad \quad \downarrow \quad \quad \quad \downarrow$ $\text{GThTS (PThTS)} \quad \text{PS FN PT} \quad \text{TA TP}_1\text{ TG TC}$	$\text{ThTS} \leftrightarrow \text{DTS} \leftrightarrow \text{ATS}$ $\downarrow \quad \quad \quad \downarrow \quad \quad \quad \downarrow$ $\text{GThTS (PThTS)} \quad \text{PS FN PT} \quad \text{TA TP}_1\text{ TG TC}$	$\text{ThTS} \leftrightarrow \text{DTS} \leftrightarrow \text{ATS}$ $\downarrow \quad \quad \quad \downarrow \quad \quad \quad \downarrow$ $\text{GThTS (PThTS)} \quad \text{PS FN PT} \quad \text{TA TP}_1\text{ TG TC}$
$\text{ThTS} \leftrightarrow \text{DTS} \leftrightarrow \text{ATS}$ $\downarrow \quad \quad \quad \downarrow \quad \quad \quad \downarrow$ $\text{GThTS (PThTS)} \quad \text{PS FN PT} \quad \text{TA TP}_1\text{ TG TC}$	$\text{ThTS} \leftrightarrow \text{DTS} \leftrightarrow \text{ATS}$ $\downarrow \quad \quad \quad \downarrow \quad \quad \quad \downarrow$ $\text{GThTS (PThTS)} \quad \text{PS FN PT} \quad \text{TA TP}_1\text{ TG TC}$	$\text{ThTS} \leftrightarrow \text{DTS} \leftrightarrow \text{ATS}$ $\downarrow \quad \quad \quad \downarrow \quad \quad \quad \downarrow$ $\text{GThTS (PThTS)} \quad \text{PS FN PT} \quad \text{TA TP}_1\text{ TG TC}$
$\text{ThTS} \leftrightarrow \text{DTS} \leftrightarrow \text{ATS}$ $\downarrow \quad \quad \quad \downarrow \quad \quad \quad \downarrow$ $\text{GThTS (PThTS)} \quad \text{PS FN PT} \quad \text{TA TP}_1\text{ TG TC}$	$\text{ThTS} \leftrightarrow \text{DTS} \leftrightarrow \text{ATS}$ $\downarrow \quad \quad \quad \downarrow \quad \quad \quad \downarrow$ $\text{GThTS (PThTS)} \quad \text{PS FN PT} \quad \text{TA TP}_1\text{ TG TC}$	$\text{ThTS} \leftrightarrow \text{DTS} \leftrightarrow \text{ATS}$ $\downarrow \quad \quad \quad \downarrow \quad \quad \quad \downarrow$ $\text{GThTS (PThTS)} \quad \text{PS FN PT} \quad \text{TA TP}_1\text{ TG TC}$

Рис. 2. Графическое представление карты Дж. Холмса [Tarvi 2008: 4]

Theoretical). Разделами прикладного переводедения являются: 1. Обучение переводу (перевод как техника в обучении иностранным языкам, обучение переводчиков); 2. Переводческие ресурсы; 3. Критика перевода; 4. Нормы перевода [Tarvi 2008: 5].

Как известно, матричные модели, которые используются в экономике и математике содержат элементы, обладающие определенным смыслом и значение, которое вычисляется по установленным в теории матриц правилам. Если абстрагироваться от экономической составляющей и отталкиваться от внутренних элементов и свойств матричной модели, то рассмотрение переводческого процесса через призму матрицы и матричных элементов представляется вполне оправданным и обладает несомненной практической ценностью. В данном случае делается не только акцент на человеческом мышлении и работе языкового сознания, но и упорядочивания процессов обработки данных и накопления информации, что имеет практическое приложение в работе переводчика.

Наше мышление шаблонно и напоминает матрицу, состоящую из фреймов, которые наполняются содержанием подконтрольно и извне в течении нашей жизни и профессиональной деятельности. Мы

взаимодействуем с миром не напрямую, а посредством фреймов, которые складываются в трехуровневую систему ментальных пространств: Ментальное пространство нейрологического уровня (neurological mapping), Ментальное пространство репрезентационного уровня (representational mapping), Ментальное пространство концептуального уровня (conceptual mapping).

Отталкиваясь от выделенных ментальных пространств, приведенных выше, наряду с когнитивными составляющими переводческого процесса, матричная модель перевода представляет собой следующую мета-структуру:

1	НМП Нейрологическое ментальное пространство	4	Идентификация	7	Симультанное или сукцессивное восприятие
2	РМП Репрезентационное ментальное пространство	5	Рефрейминг	8	Адекватный перевод
3	КМП Концептуальное ментальное пространство	6	Концептуальное соответствие	9	Коммуникация

Рис 3. Матричная модель перевода

Таким образом матричная модель перевода представлена в виде таблицы взаимозависимостей, упорядоченных особым образом. Считывание информации для презентации совокупности элементов переводческого процесса происходит слева-направо и сверху вниз, согласно ячейкам под номерами 1–9.

В ячейках 1, 2, 3 представлены уровни ментальных пространств, посредством которых происходит наше взаимодействие с миром, в том числе комплексное восприятие текста оригинала переводчиком. Далее двигаясь вдоль линии первого уровня вправо к ячейке 4 мы продолжаем следовать мысли психолингвистов, с точки зрения которых завершением восприятия является образ стимула-объекта и его опознание, которое мы обозначили как идентификация. В зависимости от скорости узнавания длительность восприятия (ячейка 7) оказывается различной, то есть если объект восприятия идентифицируется мгновенно, то его называют симультанным, если же длительность восприятия увеличивается по причине необходимости детального сенсорного анализа и перепроверке нескольких гипотез относительно стимула, то итоговое решение затягивается и восприятие становится сукцессивным (successive).

На следующем уровне ментального пространства (2, 5, 8) важно учесть вид перевода. Текст или сообщение может быть предоставлено в письменном виде и восприниматься через визуальную репрезентацию или в устном виде для восприятия через аудиальную репрезентацию в случае синхронного или последовательного перевода. Здесь же учитывается лингвистическая и экстралингвистическая составляющая текста оригинала, которая передается посредством лексико-грамматической структуры и/или иллюстративного материала. На промежуточном этапе переводческого процесса (ячейка 5) происходит рефрейминг или преобразование полученной информации сообразно фреймового представления ментального пространства переводчика [Ремхе 2014: 803]. Далее, результатом преобразования выступает когерентный текст на языке перевода при учете всех необходимых норм переводческих соответствий и выстраивания лексико-грамматической структуры текста.

Наконец, уровень концептуального ментального пространства указывает на необходимость восприятия и учета мета-факторов, влияющих на качество перевода, таких как коммуникационная задача, прагматика высказывания, контекстуальные особенности оригинала и интертекст. Поиск соответствия происходит на промежуточном этапе в соответствии с уровнем компетенции переводчика и опытом анализа.

Таким образом, обращение к матричной модели для представления теоретического переводоведения или непосредственного процесса перевода позволяет особым образом упорядочить входящие в нее элементы и производить учет всех составляющих для создания общей картины переводческого знания и переводческого мышления. Графическое отображение интеграционных внутренних компонентов создает необходимые условия для выделения главного и частного, при учете эвристического характера перевода и увидеть возможные сочетания компонентов как теоретического, так и прикладного характера.

ЛИТЕРАТУРА

- Holmes J Translated! – Amsterdam: Rodopi, 1988.
Tarvi L. Translation Studies in Tertiary Education: The Map-Matrix Meta-Model of the Field // Electronic proceedings of the Kätu Symposium on Translation and Interpreting Studies 2. – 2008. – pp. 1–10.
Дилтс Р. Фокусы языка: изменение убеждений с помощью НЛП. – СПб.: Питер, 2000. – 320 с.
Ремхе И. Н. Ментальное пространство как когнитивно-эпистемическая структура мышления технического переводчика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 3. – С. 91–94.
Серл Дж. Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 240 с.

УДК 81'253:070

Специфика перевода метафорической номинации энергоносителей (на материале немецкоязычных онлайн-СМИ)

РЯБОВА М. Э., ШУКШИНА А. Н.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

Аннотация. В статье актуализируется переводческая рефлексия метафорических номинаций энергоносителей в связи с возросшим научным интересом к отраслевой терминологии. На основе экономических текстов, фигурирующих в современных немецкоязычных онлайн СМИ, выявлены доминантные стратегии перевода метафорических номинаций с немецкого языка на русский. Сделан вывод о разных уровнях эквивалентности перевода метафорических единиц.

Ключевые слова: метафорическая единица, стратегии перевода, метафорическая номинация энергоносителей, виды энергии, экономическая сфера, уровни эквивалентности.

The Specifics of Interpreting of Metaphors That Correspond of Energy Carriers (Based on German News Media Online)

RYABOVA M. E., SHUKSHINA A. N.

Mordovia State University

Abstract. The article updated translation reflection of metaphors that correspond of energy carriers due to the increased scientific interest in industry terminology. We identified the dominant strategy of translation of metaphorical nominations from German into Russian on the basis of economic texts, appearing in contemporary German-language online media. It was concluded that there are the different levels of equivalence in translation of metaphorical units.

Keywords: metaphorical units, translation strategies, metaphors that correspond of energy carriers, types of energy, economic sphere, the levels of equivalence.

В классические теории перевода не особо вписывается метафора как феномен языка, поскольку ее специфическая концептуальная структура и подвижное ментальное содержание фиксируется конвенционально. Согласно традиционному взгляду на метафору, она интерпретируется как «стянутое сравнение и что вызванная ею мысль касается сходств и аналогий» [Миллер 1990: 236]. Перевод метафоры вызывает трудности в связи с необходимостью воссоздания не только переносного содержания, но и замысловатого рисунка коннотативных смыслов языка оригинала, еще более осложненного контекстом. «Метафора рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле она является одним из способов репрезентации знания в языковой форме» [Барышников 2008: 196]. Тем самым, специфика метафорической номинации заключается в наличии культурно-этнических черт, влекущих за собой особые переводческие трудности с точки зрения достижения эквивалентности при их передаче.

Задачей настоящей статьи является переводческая рефлексия единиц метафорических номинаций, занимающих одну из центральных позиций в сфере обозначения энергоносителей в немецком языке. В качестве источника материала выступают современные немецкоязычные электронные СМИ. Выбор терминополья энергетики в качестве объекта исследования обусловлен возрастающим научным интересом к отраслевой терминологической лексике.

Взяв за основу классификацию Т. А. Казаковой, выделившую шесть основных стратегий перевода метафоры, мы проанализировали экономические онлайн статьи из немецкоязычных СМИ и определили в качестве доминирующих следующие стратегии: полный перевод, добавление/опущение, структурное преобразование [Казакова 2001: 237].

Приведем некоторые наиболее интересные варианты переводческих решений, структурированные по основным стратегиям перевода метафор.

1. Полный перевод применяется для метафорических единиц в том случае, если в исходном и переводящем языке совпадают как правила сочетаемости, так и традиции выражения эмоционально-оценочной информации, употребленные в данной метафоре.

*Mit einem Anteil von gut einem Drittel ist das **Mineralöl** der wichtigste **Primärenergieträger**, gefolgt von **Erdgas**, **Braunkohle**, **Steinkohle** und **Kernenergie**.*

***Нефть**, доля которой составляет свыше одной трети, – важнейший **первичный энергоноситель**, затем идут **природный газ**, **бурый уголь**, **каменный уголь** и **атомная энергия**.*

Метафорический рисунок приведенного примера связан с видом энергии, полученной на основе нефти, путем переработки природного материала с добавлением минерального сырья.

*Aus Deutschland stammen 2010 jede fünfte **Solarzelle** und jedes siebte **Windrad**. Eines der **Windräder** aus den 1980er-Jahren dreht sich noch heute – im Garten seines Einfamilienhauses am Rande von Aurich.*

*Один из **ветряков** образца 80-х годов крутится и поныне – в саду его дома на окраине Ауриха.*

Ветряная энергия как альтернативный вид энергии представлена в энергетической отрасли страны изучаемого языка. В литературе уже указывалось [Рябова 2012: 88], что основной сложностью перевода такого рода метафорических номинаций является их контекстуальная вплетённость. Для того, чтобы понять метафоры, нужно опираться на контекст, подсказывающий направление интерпретации.

*Mit diesem Ziel ist die Deutsche Energie-Agentur (dena) im Jahr 2000 gestartet und hat sich zum Kompetenzzentrum für Energieeffizienz, **Erneuerbare Energien** und **intelligente Energiesysteme** entwickelt.*

*Поставив перед собой такую цель, Германское энергетическое агентство (dena) приступило к своей деятельности в 2000 году и превратилось сегодня в центр передового опыта по вопросам энергоэффективности, **возобновляемых энергий** и **умных энергетических систем**.*

Атрибутивное словосочетание «**intelligente Energiesysteme**» имеет метафорический характер. Прилагательное «intelligente = умный» использовано в данном случае в метафоричном смысле, в значении новейшие, интеллектуальные системы. Прилагательное указывает на то, что такого рода энергосисте-

мы являются новшеством XXI века, которое обеспечит потребителям выгодное для них регулирование нагрузок и реакцию сети на любые аварийные ситуации в режиме реального времени.

*Dr. Andreas Bett vom Fraunhofer-Institut für **Solare Energiesysteme** in Freiburg und Hansjörg Lerchenmüller vom Freiburger Unternehmen Soitec gelang eine besondere Leistung bei der Entwicklung und Markteinführung **innovativer Solartechnik**.*

*Доктору Андреасу Бетту из Института **солярных энергосистем** Общества Фраунгофера во Фрайбурге и Хансйоргу Лерхенмюллеру из фрайбургского предприятия Soitec удалось разработать и вывести на рынок **инновационные солярные технологии**.*

Прилагательное «солярный» указывает на то, что такие энергосистемы питаются солнечной энергией.

*Ol wird immer knapper und die Menschheit sucht verzweifelt nach neuen Quellen, um die Gier nach **dem schwarzen Gold** zu stillen.*

*Потребность в нефтяных ресурсах увеличивается с каждым годом, и теперь человечество находится в поисках новых источников энергии, чтобы утолить, так называемую, жажду к **«черному золоту»**.*

Данное словосочетание переводится как «черное золото» (об угле). Цветовой признак позволяет нам идентифицировать данную метафору с нефтью.

2. Добавление/опущение используется в тех случаях, когда мера подразумеваемости подобия в исходном и переводящем языках различна, и требуется либо экспликация подразумеваемого в исходном тексте смысла (прием добавления), либо, напротив, импликация словесно выраженного в исходном тексте (прием опущения).

*Der Schutz von Umwelt und KLIMA zählt zu den globalen Herausforderungen des 21. Jahrhunderts und genießt in der deutschen Politik, in Publizistik und ZIVILGESELLSCHAFT einen hohen Stellenwert. Deutschland gilt international als eine der Vorreiternationen beim KLIMASCHUTZ und als Pionier beim Ausbau **erneuerbarer Energien**.*

*Охрана окружающей среды и климата – один из глобальных вызовов XXI века, которому придается большое значение в германской политике, в сфере публицистики и в рамках гражданского общества. На международном уровне Германия считается одним из образцовых государств в сфере защиты климата и пионером в деле расширенного использования **возобновляемых источников энергии (ВИЭ)**.*

В данном случае перевод эксплицирован, добавлено слово «источников». Определительное прилагательное «возобновляемый» включает в себе следующий смысл: возобновляемую энергию получают из природных ресурсов, таких как: солнечный свет, водные потоки, ветер, приливы и геотермальная теплота, которые являются возобновляемыми, т. е. пополняются естественным путем.

*Schon vor der „Energiewende“ erlebte der **„grüne Strom“** in Deutschland einen Boom.*

*Еще до революционных преобразований в области энергетики производство **«зеленого топлива»** переживало настоящий бум.*

Существительное «Strom» переводится как «электроэнергия», а не просто «энергия». Перевод эксплицирован. Прилагательное «зеленый» означает, что такого рода топливо не причиняет вред окружающей среде, так как топливо создаётся путём этерификации (химической реакции) жиров животного, растительного и микробного происхождения. Оно подвергается практически полному биологическому распаду, при попадании в воду не причиняет вреда растениям и животным.

*Wind, Wasser, Sonne, Biomasse und **Erdwärme** sind unbegrenzt verfügbar und erzeugen keine klimaschädigenden Emissionen.*

*Ветер, вода, солнце, биомасса и **геотермальная энергия** имеются в неограниченном количестве и не дают выбросов, наносящих ущерб климату.*

Произошло добавление элемента «энергия» в русском языке. Слово «Erdwärme» перешло из разряда существительных в разряд прилагательных, в качестве определяемого слова к существительному «энергия». Метафорический смысл заключается в следующем: геотермальная энергия основана на производстве электрической энергии за счёт энергии, содержащейся в недрах земли, на геотермальных станциях. Существительное «die Erde – земля» означает место добычи энергии.

Следующий пример наглядно показывает применение стратегии опущения, где был опущен компонент «Zelle» и представлен имплицитно:

*Ihre Konzentrator-Technologie auf der Basis hocheffizienter Mehrfachsolarzellen verdoppelt die Energieausbeute gegenüber herkömmlichen **Siliziumzellenmodulen** und sorgt somit für eine nachhaltige Energieversorgung.*

*Их технология концентраторов на основе высокоэффективных многослойных соляных элементов позволяет удвоить выход энергии в сравнении с обычными **кремниевыми модулями**, а тем самым обеспечивает и устойчивое энергоснабжение.*

Метафорический смысл заключается в том, что компонент в немецком сложном существительном «Silizium» означает материал, из которого состоит модуль.

3. Третий тип стратегий – это структурное преобразование, которое применяется при различии традиций грамматического оформления метафоры в исходном и переводящем языках.

*2011 beschloss Deutschland als erste Industrienation den Ausstieg aus **der Atomenergie**.*

*В 2011 году Германия стала первой индустриальной страной, принявшей решение отказаться от использования **атомной энергии**.*

Компоненты слова «die Atomenergie» находятся в метафорических отношениях: «Atom» – это место образования энергии, содержащейся в атомных ядрах и выделяемая при ядерных реакциях и радиоактивном распаде.

При переводе метафорического названия ресурса произошло структурное преобразование. Оно заключается в том, что в немецком, что характерно для этого языка, слово является сложным, композитом, в языке перевода слово передаётся атрибутивным словосочетанием по схеме «прилагательное + существительное».

Ausstieg aus der Atomenergie – Постепенный отказ от атомной энергии.

*Die Schwefeldioxid-Emissionen **der Stein- und Braunkohlekraftwerke** konnten durch die gesetzlich vorgeschriebene Rauchgasentschwefelung um 90 Prozent gemindert werden.*

*Выбросы двуокиси серы, производимые **электростанциями**, работающими на **каменном и буром угле**, удалось сократить на 90 проц. благодаря предписанной законом очистке дымового газа от сернистых соединений.*

Существительное «электростанции» переместилось в другое место предложения, тем самым изменив структуру метафоры и предложения. Это объясняется тем, что сложные существительные не характерны для русского языка (das Braunkohlekraftwerk - электростанция, работающая на буром угле). Немецкий композит передаётся в русском тексте при помощи причастного оборота, что типично для грамматических конструкций в русском языке.

*Mit rund 14 Prozent an der globalen Windleistung liegt Deutschland hinter China und den USA auf Platz 3 bei **der Windenergieproduktion**.*

*На долю Германии приходится около 14 проц. мощностей ветроэнергетических установок, имеющих в мире, в сфере **производства электроэнергии с помощью ветра** она занимает 3-е место после Китая и США.*

В вышеприведённом примере применяется сразу несколько способов перевода метафоры. Во-первых, трансформируется структура предложения, меняя его синтаксический рисунок. Существительное

«производство» перемещается вперёд, требуя после себя управления родительного падежа. Во-вторых, происходит добавление двух элементов со структурой «предлог + существительное». В данном примере можно говорить о переводе метафоры при помощи описательного перевода.

Сказанное выше подводит к следующим выводам. Онлайн СМИ насыщены метафорическими номинациями энергоносителей, среди которых можно выделить традиционные (нефть, атомная энергия, уголь) и современные (солнечная, ветряная, геотермальная) источники энергии. Следует также отметить тесную связь метафорических названий энергоносителей с социокультурными реалиями общественной жизни, о чем свидетельствует появление современных названий энергоресурсов.

Эмпирический материал метафорических номинаций энергоносителей достаточно однозначно можно разделить на две группы: 1) номинации, отражающие собственные свойства энергоносителей и 2) номинации, отражающие взаимосвязь энергоносителя с какой-либо сферой общественной жизни. Такое подразделение обусловлено национальной картиной мира, состав которой определяется системой национального языка и несет тем самым отпечаток специфики менталитета носителя языка.

В плане перевода используемые в тексте метафоры достаточно легко передаются на русский язык, однако уровень эквивалентности их перевода достигается разный. Большинство метафор воспроизводится полным переводом, реже – через добавление и опущение. Выбирая ту или иную стратегию перевода, переводчик должен помнить о необходимости передачи коммуникативного эффекта, т. е. не забывать о том, что, порождая новый текст, он реализует, прежде всего, не собственную внутреннюю программу, а ту, которая уже была ранее сформирована автором исходного текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Барышников П. Н. Миф и метафора: опыт межпарадигмального анализа: дисс. ... канд. филос. н. – М., 2008. – 196 с.
Газета «Deutschland». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.deutschland.de/>
Казакова Т. А. Практические основы перевода. – СПб: Союз, 2001. – 237 с.
Миллер Дж. А. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 236–283.
Рябова М. Э. Формирование профессиональной компетенции у будущих переводчиков // Перевод как фактор развития науки, техники и спорта в современном мире (5-6 сентября 2012): сборник материалов международной молодежной конференции. – Киров: РАДУГА-ПРЕСС, 2012. – С. 87–89.

УДК 81'253:94

Теоретико-методологические основания и исторические корни исследования перевода

САВУШКИНА Л. В., МАЛЬКИНА А. П.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения такого древнего вида человеческой деятельности как перевод, который может рассматриваться как акт коммуникации путём передачи информации от отправителя к реципиенту, исследуется содержание этого понятия и исторические корни его изучения.

Ключевые слова: перевод, теория перевода, переводческая деятельность, продукт переводческой деятельности, межъязыковая и межкультурная коммуникация.

Theoretical and Methodological Foundations and Historical Background of the Translation Studies

SAVUSHKINA L. V., MALKINA A. P.

Mordovia State University

Abstract. *The article is devoted to the study of such ancient form of a human activity as translation, which can be considered as an act of communication through the transfer of information from sender to recipient. The authors examine the contents of this concept and the historical roots of its study.*

Keywords: *translation, translation theory, translation activity, the product of the translation activity, interlingual and intercultural communication.*

Проблема декодирования речи для осуществления коммуникации появилась в тот момент, когда в истории цивилизации начал происходить процесс разделения людей на группы, пользующиеся разными языками ввиду географических, исторических и культурных предпосылок. Разные народы вступали и вступают в торговые, военные, политические, экономические, культурные, научные отношения друг с другом на протяжении всей истории человечества, поэтому перевод является одним из важнейших видов человеческой деятельности. С древнейших времен перевод выполняет функцию механизма межъязыкового и межкультурного общения людей, как между государствами, так и на территории многонациональных государств. Примерами могут служить Древний Карфаген, Древний Египет, государства Древней Греции, Римская империя, государства Средней Азии, Индии, Ирана, включавшие в себя разноязычные племена и народности. Чем более многонациональным было государство, тем более почетное место в нем занимали переводчики. Одной из важных вех в развитии перевода стало возникновение письменности. Во-первых, это дало мощный толчок для межкультурного обмена ценностями и достижениями в различных сферах деятельности человека, во-вторых, образовался новый вид переводческой практики, а именно, письменный перевод, функционирующий с этого момента наряду с устным переводом. Переводиться стали не только устные высказывания, но и письменные тексты. Различие языков побудило людей к этому нелёгкому, но столь необходимому труду, который служил и служит целям общения и обмена духовными ценностями между народами.

Современная теория перевода как научное направление возникло в середине XX в. Толчком к ее возникновению и развитию послужили резкое расширение переводческой практики для удовлетворения насущных потребностей. Вторая мировая война и прямо или косвенно связанные с ней последующие политические события и изменения – Нюрнбергский процесс, распад колониальной системы, возникновение международных организаций ООН, ЮНЕСКО и военных блоков НАТО, Варшавский договор – вовлекают в сферу международного общения все новые и новые народы, новые национальные языки. Как следствие растет армия переводчиков, количество языков, с которых переводят и на которые переводят. Начинается бум сопоставительных, контрастивных исследований, осуществляемых методом перевода и для перевода, которые по сути своей представляют частные теории перевода для конкретных пар языков. Теоретические изыскания приводят к формированию понятийного аппарата теории перевода и разработке ее основных вопросов.

Центральным понятием теории перевода является само понятие «перевод». Содержание этого понятия изменялось на протяжении столетий и в наши дни трактуется неоднозначно. Во-первых, данное понятие обозначает перевод как некую интеллектуальную деятельность, то есть процесс. Во-вторых, перевод как результат этого процесса – продукт переводческой деятельности, иначе говоря, речевое произведение (текст перевода), созданное переводчиком. Служа средством общения людей различных национальностей, перевод является средством межъязыковой и межкультурной коммуникации. По мнению А. Д. Швейцера, «перевод может быть определен как однонаправленный и двухфазный

процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному (“переводческому”) анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде... Процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [Швейцер 1988: 75].

Следует отметить, что дефиниции термина «перевод» зависят от исследовательских целей и взглядов ученого и его принадлежности к той или иной научной школе. Так, один из основателей отечественного переводоведения А. В. Федоров, для которого материалом анализа «служат только тексты как речевые произведения» [Федоров 1968: 10], считает, что перевод означает умение «выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Федоров 1968: 75]. Сторонница структурных методов исследования Л. А. Черняховская определяет перевод как «преобразование структуры речевого произведения, в результате которого, при сохранении неизменным плана содержания, меняется план выражения, один язык заменяется другим» [Черняховская 1976: 3].

Таким образом, перевод можно представить себе как процесс передачи мыслей, высказанных на одном языке, средствами другого языка. Это означает, что перевод может рассматриваться как акт коммуникации путём передачи информации от отправителя к реципиенту.

С самого начала перевод выполнял важнейшую социальную функцию, делая возможным межъязыковое общение людей. Распространение письменных переводов открыло людям широкий доступ к культурным достижениям других народов, сделало возможным взаимодействие и взаимообогащение литератур и культур. Знание иностранных языков позволяет читать в подлиннике книги на этих языках, но изучить даже один иностранный язык удаётся далеко не каждому, и ни один человек не может читать книги на всех или хотя бы на большинстве литературных языков. Только переводы сделали доступными для всего человечества гениальные творения Гомера и В. Шекспира, Данте и И. В. Гете, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

Переводы сыграли важную роль в становлении и развитии многих национальных языков и культур. Нередко переводные произведения предшествовали появлению оригинальных, разрабатывали новые языковые и литературные формы, воспитывали широкие круги читателей. Бесспорно, языки и литература западноевропейских стран многим обязаны переводам с классических языков. Переводы занимали значительное место в древнерусской литературе, играли важную роль в становлении армянской, грузинской и многих других литератур с многовековой историей. Менее изучен, но не менее значителен вклад переводчиков в культуру арабского Востока, Индии, Китая и других стран Азии.

Что касается перевода как вида интеллектуальной деятельности, то обнаруживается, что в России именно перевод давал нам основную массу позитивных знаний из многих наук. Особо это проявилось в XVIII веке, который принято считать золотым веком российской истории, когда вопросами перевода занимались в той или иной степени Петр I, Екатерина Великая, М. В. Ломоносов и другие выдающиеся общественные деятели, писатели и представители науки и искусства. Именно многочисленные реформы Петра Великого значительно расширили как экономические, так и культурные контакты столицы российского государства с европейскими странами, создав потребность в многочисленных переводах научно-технических текстов, равно как и произведений художественной литературы. Специальный указ царя Петра, требующий внятной передачи переводимого содержания, свидетельствует о том, что к переводам стали предъявлять более высокие требования.

Общественную значимость переводческой деятельности подчёркивали В. А. Жуковский, активно занимавшийся переводами западноевропейской литературы, и А. С. Пушкин, называвший переводчиков «почтовыми лошадьми просвещения», важное место уделяли переводу в своих работах В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов.

В начале XX века были переведены и изданы книги таких выдающихся писателей и поэтов, как Бальзак, Анатоль Франс, Стендаль, Гейне, Шиллер, Байрон, Диккенс, Бернард Шоу, Марк Твен и многие другие. К работе над переводом были привлечены лучшие филологические и литературные силы страны. Культура перевода поднимается на весьма высокий уровень, появилась целая плеяда блестящих переводчиков, создавших славу советской переводческой школы. Широкое признание получили достижения таких мастеров перевода, как Н. Л. Дарузес, Е. Д. Калашникова, М. Л. Лозинский, Н. М. Любимов, С. Я. Маршак, Т. Л. Щепкина-Куперник, О. П. Холмская и многие другие, в более поздний период стали известны переводческие заслуги таких выдающихся мастеров, как Л. В. Гинзбург, Б. Л. Пастернак, Л. С. Соболев, Н. С. Тихонов.

Большая общественная значимость и всё увеличивающиеся масштабы переводческой деятельности не могли не привлечь внимания исследователей. На протяжении многовековой истории перевода неоднократно делались попытки теоретически осмыслить и объяснить деятельность переводчиков, сформулировать критерии оценки качества переводов, определить факторы, оказывающие влияние на ход и результат процесса перевода. Однако, как это часто бывает в других видах человеческой деятельности, переводческая практика значительно опередила теорию перевода. Отсутствие теоретических работ в области перевода и самой науки, в рамках которой подобные работы могли появиться, не означало, конечно, что никто не пытался размышлять о сущности, цели и способах осуществления переводческой деятельности. В своей работе переводчик постоянно сталкивался с необходимостью выбирать между различными вариантами перевода, решать, что в переводимом тексте является наиболее важным и должно быть обязательно передано, отдавать предпочтение тому или иному способу преодоления возникающих трудностей. Хотя в большинстве случаев такой выбор делался интуитивно, всё же порой переводчик пытался осмыслить и объяснить свои предпочтения. Нередко такие предпочтения формировались в виде «принципов перевода», которые переводчик излагал в предисловии к своей работе, либо отстаивал позднее, часто в ответ на критические замечания в свой адрес.

Позднее отдельные переводчики пытались сформулировать ряд требований, которыми должен был отвечать «хороший» перевод и «хороший» переводчик. Размышляя над данной проблемой в своей работе «Теория перевода (лингвистические аспекты)», В. Н. Комиссаров отмечает, что французский гуманист, поэт и переводчик Этьенн Доле (1509–1546) считал, что переводчик должен соблюдать пять основных принципов перевода: 1) в совершенстве понимать содержание переводимого и намерение автора, которого он переводит; 2) в совершенстве владеть языком, с которого он переводит, и столь же превосходно знать язык, на который переводит; 3) избегать тенденции переводить слово в слово, ибо это исказило бы содержание оригинала и погубило бы красоту его формы; 4) использовать в переводе общеупотребительные формы речи; 5) правильно выбирая и располагая слова, воспроизводить общее впечатление, производимое оригиналом в соответствующей «тональности» [Комиссаров 1990: 13].

Продолжая исследование этого вопроса, В. Н. Комиссаров сообщает, что в 1790 г. в книге англичанина А. Тайлера «Принципы перевода» основные требования к переводу были сформулированы следующим образом: 1) перевод должен полностью передавать идеи оригинала; 2) стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале; 3) перевод должен читаться так же легко, как и оригинальные произведения [Комиссаров 1990: 14].

Споры между сторонниками буквального и вольного перевода не миновали и Россию. Если П. А. Вяземский и особенно А. А. Фет настаивали на необходимости максимального подобия оригиналу, даже в ущерб его стилю и смыслу, красоте слова и общего очарования, то такие известные литераторы и переводчики как А. В. Дружинин, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский и др., считали, что переводчик имеет полное право на создание собственного, самостоятельного произведения, вовсе не соблюдающего все детали оригинала, хотя и верного его духу.

Эти две противоположные концепции перевода продолжали разделять переводчиков и в XX веке. Одни переводчики ратовали за творческий, свободный перевод, уходя порой очень далеко от оригинала, и подвергаясь критике за его искажение и «переводческий произвол», другие превыше всего ставили точность и навлекали на себя обвинения в нарушении норм языка перевода и буквализме.

Первые попытки обосновать необходимость научного осмысления переводческой деятельности вызвали резкие возражения со стороны самих же переводчиков. Они усмотрели в них стремление подавить свободу их творчества, выработать какие-то жёсткие нормы, принципы и правила перевода, которым переводчик вынужден будет подчиняться. Они указывали, что никакие исследования переводческой деятельности невозможны, ибо перевод – это искусство, недоступное для научного анализа.

Основы научной теории перевода стали разрабатываться лишь к середине XX в., когда переводческая проблема привлекла внимание лингвистов. Сами переводчики полагали, что лингвистические аспекты перевода играют в «искусстве перевода» весьма незначительную, чисто техническую роль. Со своей стороны, сами лингвисты не видели оснований включать переводческую деятельность в объект лингвистического исследования, коль скоро она не определялась лингвистическими факторами. В центре внимания лингвистов было изучение специфики языка, раскрытие его уникальной структуры, особенностей словарного запаса и грамматического строя каждого отдельного языка, отличающих его от других языков. Всё это составляло своеобразие языка, его национальную специфику и колорит и предполагало принципиальную невозможность аналогичности двух текстов, написанных на разных языках. Многие лингвисты и даже сами переводчики придерживались взглядов, которые впоследствии получили название «теории непереводаемости», о том, что адекватный перевод невозможен по чисто лингвистическим причинам, и ещё более нереальная задача – передача своеобразия творческой манеры автора и его стиля. «Теория непереводаемости» не мешала переводчикам в их работе, но была одним из препятствий на пути анализа переводческой деятельности.

В середине XX в. все более четким становилось осознание того, что основные трудности перевода и весь характер переводческого процесса обуславливаются расхождениями в структурах и правилах функционирования языков, участвующих в этом процессе. Возрастали и требования к точности перевода, перевод должен был обеспечить передачу информации во всех деталях, вплоть до значений отдельных слов, а для этого нужно было раскрыть сущность переводческого процесса, уметь выделить лингвистические, психологические, социальные и культурные факторы, влияющие на его ход и результаты. Как показала дальнейшая практика, для осуществления успешной переводческой деятельности оказалось недостаточным иметь знание лишь двух языков – языка оригинала и языка перевода, что подготовило почву к серьезному изучению перевода в ракурсе самых различных дисциплин.

Когда развитие переводческой деятельности в послевоенном мире потребовало от лингвистов покончить с традиционным отрицательным отношением к переводу, сами лингвисты были уже готовы к серьезному изучению переводческой проблематики. Само развитие лингвистики подготовило почву для возникновения лингвистики перевода. Именно в этот период в центре внимания лингвистов оказались вопросы синхронного описания современных языков. Получило всеобщее распространение признание двустороннего характера языковых единиц, наличия у них плана выражения и плана содержания. Были достигнуты значительные успехи в описании структуры плана выражения языка, и лингвисты приступили к изучению плана содержания языковых единиц, разрабатывая теории семантического поля, семантических множителей, глубинных семантических структур и т. п. Несколько позднее были заложены основы лингвистики текста, началось изучение функционирования языковых единиц в составе крупных речевых единиц, их взаимодействия с различными видами контекста, разновидностей смысла и коммуникативных функций высказывания. Изучение содержательной стороны языка и особенностей функционирования языковых единиц в процессе речевого общения позволило по-новому подойти к выявлению и описанию лингвистических аспектов перевода.

Начало серьёзному изучению лингвистического аспекта перевода положил Я. И. Рецкер, который в 1950 г. опубликовал статью [Рецкер 1950], в которой высказал убеждение, что выбор переводчиком того или иного варианта перевода часто отнюдь не произволен, а закономерен и определяется соотношением единиц двух языков, участвующих в процессе перевода. Для многих единиц языка оригинала существуют более или менее регулярные способы перевода на язык перевода, Я. И. Рецкер назвал эти способы «закономерными соответствиями» и предложил различать три типа соответствий: эквиваленты, аналоги и адекватные замены. Хотя эта классификация оказалась не вполне последовательной, само понятие «соответствие» прочно вошло в исследовательскую практику.

В последующие десятилетия к проблеме переводческих соответствий обращались многие авторы, в частности Л. С. Бархударов в своей книге «Язык и перевод» [Бархударов 1975]. В 1953 г. вышла книга А. В. Фёдорова «Введение в теорию перевода» [Федоров 1953], в которой впервые была провозглашена необходимость и возможность создания лингвистической теории перевода. В этой работе значительное место отводилось литературоведческим аспектам перевода, но, в то же время, подчёркивалась важность языковедческого анализа переводческой деятельности. Книга Фёдорова ценна тем, что он указал на необходимость изучать особенности перевода текстов различных функциональных стилей и жанров, обосновал классификацию соответствий на лексические, грамматические и стилистические, наметил общие принципы оценки качества перевода. Именно данная работа сыграла важную роль в развитии лингвистической теории перевода и положила начало широкому обсуждению проблем переводческой деятельности в лингвистической литературе.

За рубежом первая книга, посвящённая лингвистическим аспектам перевода, появилась в 1958 г. Её авторы – Ж. П. Вине и Ж. Дарбельне – назвали свою работу «Сопоставительная стилистика французского и английского языков» [Vinai, Darbelnet 1958]. Важной заслугой Ж. П. Вине и Ж. Дарбельне является попытка систематизировать различные способы перевода, что было позднее использовано при описании переводческих трансформаций, с помощью которых осуществляется процесс перевода.

В привлечении внимания языковедов к переводческой проблематике большую роль сыграла статья Р. Якобсона «О лингвистических аспектах перевода» [Jakobson 1959: 37–55], в которой автор высказал убеждение, что «процесс перевода должен находиться под неусыпным наблюдением языкознания». Р. Якобсон первым указал на большую теоретическую значимость перевода для других областей языкознания. Он отметил, что практически любое преобразование высказываний при сохранении инвариантного смысла является своего рода переводом, и предложил различать внутриязыковой перевод, межъязыковой перевод и межсемиотический перевод, где преобразуется одна знаковая система в другую.

Серьёзную попытку показать важность использования достижений современного языкознания для изучения перевода предпринял в 1963 г. Ж. Мунэн. В своей работе «Теоретические проблемы перевода» [Mounin 1963] видный французский лингвист впервые обратил внимание на отражение в языке оригинала и перевода особенностей культуры и истории говорящего коллектива. Автор убедительно показал, что перевод – это не простая подстановка слов одного языка вместо слов другого языка, что он всегда связан с определёнными преобразованиями, зависящими от соотношения языков.

В 1964 г. появились две работы, заслуживающие особого внимания, ибо они значительно способствовали развитию общей теории перевода. Это книга американского лингвиста Ю. Найды «К науке переводить» [Nida 1964] (следует отметить, что некоторые положения книги были изложены автором значительно раньше в статье «Лингвистика и этнология в проблемах перевода» [Nida 1945: 57]), а также работа И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга «Основы общего и машинного перевода» [Ревзин, Розенцвейг 1964] (в свою очередь, некоторые положения этой работы были ранее изложены авторами в статье «К обоснованию лингвистической теории перевода» [Ревзин, Розенцвейг 1962: 51–59]). Найде принадлежит заслуга введения понятия «модель перевода», с помощью которого процесс перевода

представляется в виде ряда преобразований единиц оригинала в единицы перевода, а также понятия «динамическая эквивалентность», для достижения которой переводчик должен ориентироваться не на формальные особенности оригинала, а на реакцию рецепторов перевода, добиваясь максимальной понятности и естественности. В свою очередь, в своей работе «Основы общего и машинного перевода», Ревзин и Розенцвейг рассматривают переводческий процесс как преобразование текста оригинала в текст перевода.

Значительный вклад в развитие лингвистической теории перевода внесли лингвисты Германской Демократической Республики. В 1968 г. были опубликованы материалы научной конференции по теоретическим проблемам перевода, состоявшейся в Лейпциге в октябре 1965 г. Они отразили результаты широкого круга исследований в области частной теории перевода с различных языков на немецкий язык и с немецкого языка на другие языки, а также в области теории синхронного и технического перевода. Высоким теоретическим уровнем были отмечены работы О. Каде и А. Нойберта, которые рассматривали ряд важных вопросов, связанных с коммуникативными функциями перевода. По этим работам можно судить о постепенной эволюции понятия «общая теория перевода». Становилось ясно, что она является «общей» не только потому, что охватывает любые комбинации языков, но прежде всего потому, что занимается фундаментальными проблемами лингвистики перевода, раскрывает внутренний механизм перевода как средства и условия межъязыковой коммуникации. Особое внимание привлекла сформулированная Нойбертом концепция прагматики перевода, постулировавшая необходимость эксплицирования при переводе информации, которая подразумевается в оригинале, но может быть упущена рецептором перевода. Нойберт предложил интересную, хотя и не бесспорную, прагматическую классификацию переводимых текстов, которая стимулировала дальнейшую разработку проблемы переводческой классификации текстов.

Многочисленные работы немецкого лингвиста Каде также сыграли важную роль в становлении современной общей теории перевода. Для этого талантливого языковеда и лингвиста было характерно стремление охватить различные аспекты межъязыковой коммуникации, рассматривать перевод как один из видов языкового посредничества, раскрыть большую общественную значимость разносторонней деятельности переводчиков [Kade, Neubert 1968].

Весьма плодотворными для исследования проблем переводческой деятельности оказались 70-е и 80-е гг. XX столетия. Именно в это время было опубликовано больше книг на данную тему, чем за все прошедшие годы. Лингвисты продолжали уделять особое внимание изучению процесса перевода, построению его гипотетических моделей, сопоставлению текстов оригинала и перевода с целью установления лексических, грамматических, и текстовых соответствий и на определении переводческих закономерностей, описании переводческих приёмов при передаче содержания оригинала, а также на поисках критериев эквивалентности (адекватности) перевода. В свою очередь, литературоведы основное внимание уделяли аксиологическим аспектам перевода. Обычно они изучали художественные тексты, стремясь оценить перевод с точки зрения его эстетической эквивалентности оригиналу, роли языка перевода в развитии духовной культуры, его соответствия нравственным потребностям эпохи. Огромный вклад в данную исследовательскую деятельность внесли как отечественные учёные, так и их зарубежные коллеги.

В большинстве работ, посвященных разработке лингвистической теории перевода, общетеоретические проблемы перевода рассматриваются на основе более или менее подробного описания переводческих соответствий, преобразований и тому подобных явлений, относящихся к определенной паре языков. В результате этих исследований оказалось возможным сформулировать основные положения не только общей, но и частных теорий перевода. В последние десятилетия значительное развитие получили и специальные теории перевода, посвященные изучению отдельных видов переводческой деятельности. Такие исследования также способствовали более глубокому пониманию сущности пе-

ревода вообще и конкретизации ряда положений общей теории перевода. Особенно успешно развивается изучение различных видов устного перевода и перевода научно-технической литературы. Особо внимания заслуживает тот факт, что проблема переводческой деятельности перестала быть лишь лингвистической, очень важны сейчас психологические, политические, социальные, национальные и культурологические аспекты перевода [Хайруллин 1999: 38–45].

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что одним из отличительных качеств перевода является его многоаспектность. Перевод – это такой вид коммуникации, который осуществляется с помощью языка (точнее, двух языков и более), но этим процесс перевода далеко не исчерпывается. Для его эффективного осуществления следует учитывать особенности общения, связанные с культурой взаимодействующих людей или народов, что и выводит нас на различные проблемы психофизиологического, социологического, этического, и, конечно же, культурологического порядка.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов, Л. С. Язык и перевод. – М., 1975. – 240 с.
 Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
 Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. К обоснованию лингвистической теории перевода // ВЯ. – 1962. – № 1. – С. 51–59.
 Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. – М., 1964. – 243 с.
 Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода: Сб. ст. / Под ред. К. А. Ганшиной и И. В. Карпова. – М., 1950. – С. 156–183.
 Федоров А. В. Введение в теорию перевода. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. – 336 с.
 Федоров А. В. Основы общей теории перевода. – М., «Высшая школа», 1968. – 396 с.
 Хайруллин, В. И. Культура в парадигме переводчика // Тетради переводчика. Вып. 24. – М.: МГПУ, 1999. – С. 38–45.
 Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. – М., 1976. – 298 с.
 Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М, 1988. – 215 с.
 Grundfragen der Übersetzungswissenschaft : Materialien der Wissenschaftlichen Konferenz. – Leipzig, 1968. – 189 s.
 Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation // On Translation / Ed. ItA. Brower. – Cambridge (Mass.), 1959. – pp. 37–55.
 Nida E. Linguistics and Ethnology in Translation Problems // Word. – N. Y., 1945. – No. 2. – P. 57.
 Nida E. Toward a Science of Translating. – Leiden, 1964. – 298 p.
 Mounin G. Les problèmes théorétiques de la traduction. – Paris, 1963. – 287 p.
 Vinai J. P. et Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. – Paris, 1958. – 255 p.

УДК 81'25=111:659.125.29

Туристическая реклама в функциональном и переводческих аспектах: англо-русские параллели

САФИНА Э. Г.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

Аннотация. В статье актуализируется проблема языкового соответствия перевода рекламных текстов в английском и русском языках. Выявлено, что перевод рекламы в сфере туризма не предполагает создания равного оригиналу текста, однако, это не мешает параллельному тексту выполнять те же коммуникативные функции. Сделан вывод, что для достижения перлокутивного эффекта при переводе рекламного текста следует учитывать культурные традиции страны языка перевода в сочетании с доминантными в рекламном дискурсе лексическими пластами гибридного типа.

Ключевые слова: туризм, туристическая реклама, перевод рекламных текстов, языковые средства, терминология.

Tourist Advertising in Functional and Translational Aspects: English-Russian Parallels

SAFINA E. G.

Mordovia State University

Abstract. *The article considers the problems of adequacy in translating advertising English and Russian texts. It is detected that translating tourist advertising doesn't assume creating equality to the original text. However, it doesn't prevent performing communicative functions of parallel texts. It is concluded that in order to get perlocutionary effect in translating advertising texts cultural traditions in combination with dominant lexical layers should be achieved.*

Keywords: *tourism, tourist advertising, advertising text translation, language means, terminology.*

Практически невозможно назвать сферу деятельности, которая в той или иной мере не затрагивается рекламой. Реклама необходима для донесения до потребителя информации о товаре или услуге с целью привлечения новых клиентов. В настоящее время перевод туристических рекламных текстов крайне востребован, поскольку ежегодно миллионы людей путешествуют по всему миру. Поэтому подавляющее большинство пользуется услугами туристических агентств, которым нужно выделиться, чтобы достигнуть цель в рекламной сфере. Для наиболее эффективного воздействия на потребителя необходим качественный перевод туристической рекламы, который убедит туриста в том, что конкретная компания – его выбор. Такой перевод невозможен без грамотной передачи соответствующих лингвистических средств.

Для достижения целей в рекламной сфере используются различные приемы и средства речевого воздействия на потребителя: эксплуатация мотивов и потребностей, значимых для адресата; рациональные и эмоциональные приемы и манипуляции в рекламе. В большинстве случаев воздействие рекламы на потребителя происходит через операции со знаниями, нацеленными на изменение нашего восприятия картины мира, а также введение аргументов, благодаря которым меняются решения в пользу рекламодателя.

Перспективы использования рекламы в туристической сфере огромны. Туристические агентства могут предлагать огромное количество необходимой в работе информации – от адресов гостиниц и расписаний авиарейсов до визовых и таможенных правил и предложений российских и зарубежных туроператоров. Важно, что информация доступна клиентам 24 часа в сутки и 7 дней в неделю.

Туризм и информация неразделимы: решение о поездке принимается на основе информации; сам тур в момент покупки – тоже только информация; информацией обмениваются сотни раз в день все участники туристического рынка. Поэтому развитие информационных технологий в туризме должно быть одним из главных. Туристические порталы сотрудничают с огромным количеством туристических компаний. А также предоставляют пользователям достаточно много информации туристической тематики: страноведческую информацию, расписания авиарейсов, информацию о визах, паспортах и т. д.

Можно привести пример из двух сайтов: одного российского туристического агентства «Тур Мастер» (<http://www.1-tur.ru>) и американского travel agency «Liberty Travel» (<http://www.libertytravel.com>). На их веб-сайтах довольно красочно и подробно представлены разнообразные туры, пути следования в различные страны, но разница между этими веб-сайтами очевидна. В российском – воздействие на клиента носит немного личный характер, чем следовало быть, т. к. много статей и анализа; отсутствия счета в таких порталах как Facebook, Twitter, Youtube, которые могли бы привлечь внимание клиентов и тем самым способствовали бы к их увлечению.

Особенность перевода рекламных текстов выражается в содержательном соотношении между оригиналом и переводом, а также в передаче социолингвистических аспектов переводимого текста. Для наиболее эффективного перевода рекламного текста нужно уметь гармонично сочетать экстралингви-

стические компоненты, после чего перевод будет восприниматься адекватно. При переводе рекламных текстов необходимо учитывать цель рекламного сообщения, характер потребителя, языковые качества текста оригинала, культурные и индивидуальные возможности языка в культурном аспекте потребителя и многое другое. Перевод текстов должен быть близкий по значению, и потребует хорошего знания переводимого предмета, в данном случае сферы рекламной деятельности, переводчик должен понять намерение автора и перевести не текст, а его «семантический эквивалент», т. е. создать параллельный текст. Перевод рекламного текста при изменении словесной формы должен быть, вместе с тем, точно передан по смыслу.

В зависимости от переводимого текста и аудитории потребителя рекламной продукции, а также психологии самого переводчика, зависит выбор того или иного способа перевода. Переводимый текст пишется на язык потребителя с учетом традиционных, национальных и социальных особенностей аудитории, на которую направлена продукция, обозначенная в рекламном тексте. Применяется общепотребительная лексика, если аудитория для которой предназначен текст, рекламируемого продукта разнообразна. Ну а если аудитория однородна, то приветствуется даже использование жаргонных слов.

При переводе рекламных текстов возникают языковые проблемы, обусловленные различиями семантической структуры и использования двух языков в процессе коммуникации. По мнению Е. В. Гиниятовой, «существует целый ряд факторов, затрудняющий перевод рекламы», в том числе это и «максимальное количество информации при минимальном объеме текста», а также «языковые сложности, обусловленные различным грамматическим и лексическим строем языка оригинала и языка перевода» [Гиниятова 2009: 74].

Для привлечения внимания и интереса к рекламному тексту переводчику следует быть лаконичным. Желательно использовать различные лингвистические и стилистические приемы, такие как: аллегория, метафора, сравнение, параллелизм, различные виды повторов, аллитерация, конечно, соотнося их с оригиналом.

Важную роль при переводе играет сочетание наречий и прилагательных, которые являются ключевыми словами рекламного текста, т. к. они помогают передать качества и достоинства рекламируемого предмета. В нашем случае это города, достопримечательности, отели, авиаперелеты и т. д., а также характеристики самой фирмы, причем эти слова носят только положительный смысл: *enrich life's most luxurious hotel: насладитесь самым роскошным отелем*.

Также следует отметить, что при переводе структура предложений в русском и английском тексте будет не совпадать. Иногда переводчику приходится использовать описательный прием, что влечет за собой многословность, тем самым увеличивая объем переведенного текста.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что нужно использовать все знания теоретических основ перевода, учитывать этические характеристики потребителя для получения адекватного перевода. Согласимся с М. Э. Рябовой, утверждающей, что «разные сферы специализации перевода предполагают различные переводческие функции» [Рябова 2014: 131].

Любой текст переводим, и хотя он не может быть с абсолютной полнотой воссоздан на другом языке, то перевод не предполагает создания равного текста, поэтому отсутствие равенства не может служить доказательством невозможности перевода. Отсутствие равенства не мешает переводу выполнять те же коммуникативные функции, для выполнения которых был создан текст оригинала.

При переводе рекламного текста лучше не употреблять описательный прием, а быть лаконичным, использовать грамматические замены, рифмы, игру слов. Поэтому, при переводе туристической рекламы целесообразно использовать простые предложения, характерные для любого рекламного текста, а также уменьшить количество слов до минимума, при этом сохранив информационную достоверность. Например: *Sheraton promotional brochure: рекламная брошюра отеля Шератон; International airport Sheremetievo: Международный аэропорт Шереметьево*.

Подробнее рассмотрим особенности перевода терминологической лексики в рекламных слоганах на примере англо-русских параллелей. Одной из важных проблем в соотношении двух или более языков является наличие единой понятийной базы и соответствующей ей специальной предметной терминологии. Правильное и единообразное толкование терминов и фразеологических сочетаний составляет основу теории. Вопрос о составлении отраслевых терминологических словарей является одним из актуальнейших в современном прикладном языкознании. На протяжении уже нескольких лет данный вопрос обсуждается в работах ведущих отечественных специалистов (Л. Л. Нелюбин, В. З. Демьянков и др.), и зарубежных ученых (У. Чейф, Н. Хомский и др.). Составление терминологических словарей тесно связан с такими проблемами, как статус термина и его место в системе языка, системность терминологий принадлежащих разным языкам.

Сфера оказания туристических услуг в России в значительной степени ориентирована на использование обширной словарной базы, заимствованной из других языков. В силу исторических и социальных причин в профессиональной сфере туризма наиболее употребительным признается английский язык: *transit* – *транзит*, *tour operator* – *тур. оператор*, *visa* – *виза*, *terrace* – *терраса*.

Результатом развития цивилизации стало формирование специальной лексики, которая является совокупностью лексических единиц (терминов) специальных областей знаний. Термины образуют особый пласт словарного состава, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению. Именно в специальной лексике наиболее наглядно обнаруживается связь развития языка с историей материальной и духовной культуры народа. Бурный рост научно-технических знаний в наши дни отразился в том, что более 90 % новых слов, появляющихся в современных языках, составляет специальная лексика [Гринев-Гриневич 2008: 5]. Терминология – это совокупность терминов определенной области. В настоящее время все больше терминов проникает в общеупотребительный язык. Практически каждый день мы можем сталкиваться все с новыми речевыми оборотами, перенесенные из английского языка.

На протяжении многих лет туризм и оказание туристических услуг развивался с огромной скоростью, причем как и туристическая реклама, размещенная в сети путем создания рекламных веб-сайтов. Благодаря чему поток желающих отдохнуть за рубежом ежегодно увеличивается, но сама терминология является мало изученной с лингвистической и переводческой точек зрения. Сфера туризма так и будет расти, поэтому необходимо упорядочение туристической терминологии. Терминологическая лексика, которая сейчас составляет большую часть лексики любого языка, в будущем будет играть все более заметную роль в жизни человека.

Развитие туризма повлекло за собой создание большого количества терминологических словарей, а также энциклопедий и разговорников, посвященных помощи, как переводчикам, так и туристам в частности. Все эти материалы являются источниками специальной лексики. Часто даже поверхностное ознакомление с толковым специальным словарем дает возможность установить степень разработки научного знания на различных этапах его развития. Количество специальных туристических словарей английского языка превосходит число русских терминологических словарей. Хорошим источником английской лексики международного туризма может служить: Большой Глоссарий терминов международного туризма / The Great Glossary of Terms for the International Tourism.

История развития, менталитета, формирования национального мировоззрения российского и западного повлияло на расхождения туристической терминологии. Возможно, поэтому появилась проблема многозначности. Просмотрев английскую и русскую терминологию туризма можно сделать вывод о том, что английская терминология независима, т. е. развивается и формируется локально. Русская терминология зависима от английской и находится в стадии развития. Мы можем наблюдать обилие заимствований, наличие синонимии.

Учитывая, что русская терминология в сфере туристического бизнеса заимствована и построена на базе английского, данный факт помогает переводчику в возможности сопоставления разноязычных

терминов и поиска адекватных вариантов перевода туристической терминологии, тем самым обогащая лексикон современного общества. Причиной языковых заимствований является глобализация, которая способствует развитию международного туризма.

В заключении отметим, что ядерная зона туристического дискурса отличается высокой плотностью сочетания разнотипных лексических единиц гибридного типа. Это и специальная и высокая лексика, историзмы, экзотизмы и неологизмы, которые сочетаются с невербальными средствами ради достижения желаемого эффекта и несут в себе потенциальные трудности их передачи.

ЛИТЕРАТУРА

- Гиниятова Е. В. Реклама в коммуникационном процессе. – М.: Изд-во Томского политехнического университета, 2009. – С. 74–79.
- Головлева Е. Л. Основы рекламы. – М.: 2002. – 312 с.
- Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение. – М.: 2008 – 304 с.
- Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. – М.: 2003. – 119 с.
- Пирогова Ю. К., Паршин П. Б. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М.: Издательский дом Гребенникова, 2000. – 245 с.
- Рябова М. Э. Интегративные процессы как основа повышения качества подготовки переводчиков // Интеграция образования. – 2014. – № 2. – С. 130–135.
- Сердобинцева Е. Н. Структура и язык рекламных текстов. – М.: Флинта Наука, 2010. – 36 с.

УДК 81'373=511.1

Использование безэквивалентной лексики в заголовках и аннотациях статей финно-угорской тематики

САФОНКИНА О. С.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

Аннотация. Статья посвящена разбору и анализу безэквивалентной лексики в заголовках и аннотациях статей финно-угорской тематики. Автор анализирует способы переводческих трансформаций относительно правомочности использования такой лексики.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, финно-угорская тематика, аннотация, ключевые слова, переводческие трансформации.

Use of Non-Equivalent Vocabulary in the Titles and Abstracts of Articles on Finno-Ugric Topics

SAFONKINA O. S.

Mordovia State University

Abstract. Article analyses of non-equivalent vocabulary used in the titles and abstracts of articles on Finno-Ugric Studies. The author discusses the methods of translation transformations regarding the eligibility of the use of such language.

Keywords: non-equivalent vocabulary, Finno-Ugric Studies, abstract, key words, translation transformations.

Язык каждого народа представляет собой живой организм, неразрывно связанный с историей, культурой и социальной жизнью этого народа. Носители разных языков, общаясь, взаимодействуя друг с другом, передают культуру своего народа посредством языка, и ключевым звеном межазы-

кового общения выступает переводчик. В связи с этим, статьи и научно-исследовательские работы, посвященные финно-угорской тематике, представляют особый интерес для начинающих переводчиков и молодых ученых Мордовского государственного университета с точки зрения перевода различных мордовских культурно-исторических реалий, терминов и слов на эрзянском и/или мокшанском языке.

Неоспоримым является тот факт, что научные работы и статьи по финно-угорской тематике не могут быть написаны без референции к релевантным явлениям жизни общества и, как следствие, зачастую содержат различные термины, которые с трудом или вообще не переводятся на английский язык. Именно это обуславливает формирование культурно-обусловленных явлений или реалий, характерных именно для языка и такого рода явления проявляются в различных сферах деятельности человека-носителя ИЯ. В связи с этим, переводчику, в свою очередь, для успешной работы необходимы не только отличные знания грамматики, фонетики, стилистики, лексики ИЯ, но фоновые знания о культуре и истории ИЯ.

Различия между языками, обусловленные различием культур, заметнее всего в лексике и фразеологии, поскольку номинативные средства языка наиболее прямо связаны с внеязыковой действительностью. В любом языке и диалекте есть слова, не имеющие однословного перевода в других языках. Это так называемая безэквивалентная лексика, в основном – обозначения специфических явлений местной культуры [Мечковская 2006: 52].

Многие исследователи занимались проблемой безэквивалентной лексики, например, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, Л. С. Бархударов, А. Д. Швейцер, Ю. Найда. Из работ Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова можно следующим образом определить понятие безэквивалентной лексики. Безэквивалентная лексика – это слова, которые нельзя семантизировать с помощью перевода (они не имеют устойчивых соответствий в других языках, не имеют смысловых соответствий в системе содержания, свойственных другому языку), то есть «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями». Поэтому понятие «безэквивалентная лексика» включает в себя не только отсутствие эквивалента, но и причину такого отсутствия – «отражение словом специфической материальной и духовной культуры» [Верещагин, Костомаров 2000: 67].

Однако, с точки зрения перевода, безэквивалентная лексика не всегда означает ее абсолютную непереводимость. Вопрос сводится к тому, как передать данную лексику на другой язык.

Более стройному определению понятия «реалия», наряду с не очень четкими границами самого предметного значения, препятствуют и заметные расхождения в терминологии. Известный поэт-переводчик Пеньковский упоминает, что Гейне заполнял свои стихи огромным количеством собственных имен, географических названий и многих других реалий, то есть того, что ничем заменено быть не может, что при всех условиях должно сохраниться в переводе [Пеньковский 1970: 522–523]. Таким образом, он приравнивал реалии к «безэквивалентной лексике» в трактовке Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова и даже расширяя его границы. В своем последнем издании Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров указали лишь то, что слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями, называются безэквивалентными. Такие слова в строгом смысле непереводимы [Верещагин, Костомаров 2000: 56], а А. Д. Швейцер определяет реалии как безэквивалентную лексику [Швейцер 1988: 250].

Чаще всего в литературе встречаются термины «безэквивалентная лексика» и «экзотическая лексика» или «экзотизмы» и наряду с ними, нередко в том же или близком значении – «варваризмы», «локализмы», «этнографизмы», «этнолексемы», «этнокультурная лексика» или «этнокультуроведческая лексика», «слова с нулевым эквивалентом» и другие. Эти понятия роднит национальная, историческая, местная, бытовая окраска, отсутствие соответствий (эквивалентов) в переводящем языке, а в отношении некоторых – и иноязычное происхождение [Влахов, Флорин 2009: 44].

Таким образом, термин «безэквивалентная лексика» встречается у многих авторов, которые, однако, трактуют его по-разному: как синоним «реалии» или несколько шире – как слова, отсутствующие «в иной культуре и в ином языке», несколько уже – как слова, характерные для советской действительности, и, наконец, просто как неперебиваемые на другой язык слова [Иванов 2006: 80].

Так, например, в журнале Финно-угорский мир регулярно появляются аннотации, содержащие безэквивалентную лексику.

Например, в перечислении ключевых слов в статье о декоративно-прикладном искусстве в геокультурном образе Мордовии содержатся такие термины как «пальмат», «пари», «покай», «панар» и «руци». Принимая во внимание, что в статье рассматривается декоративно-прикладное искусство, то можно предположить, что данные термины относятся к этой области.

В другом номере, статья, затрагивающая вопросы сохранения традиционной культуры мордовского народа, основывается на примере вокально-хореографической сюиты Г. Г. Вдовина «Тейтерень пия кудо», т. е. название данной сюиты приводится именно на мордовском языке, без уточнения перевода на русский язык.

Также, например, рассматривая вещевой комплекс, рожденный коллективным трудом мордовского народа, автор приводит мордовский термин – «эрямо парь», снабдив его только комментарием о том, что это «памятник народной культуры, обладающий художественными достоинствами» и «носитель информации о важнейших духовных ориентирах мордвы».

Можно предположить, что использование данной лексики в статьях, предназначенных для широкого сектора читателей, является обоснованным и необходимым, т. к. данная лексика описывает предмет и объект исследования. В связи с этим, можно предположить, что данная безэквивалентная лексика – это единицы, не имеющие по тем или иным причинам лексических соответствий в переводящем языке и, подобно терминам, они лишены коннотации [Влахов, Флорин 2009: 51–52]. Либо, как указывает Я. И. Рецкер, они представляют собой прежде всего обозначение реалий, характерных для страны исходного языка и чуждых другому языку и иной действительности [Рецкер 2006: 58].

Поэтому, основываясь на том, что под безэквивалентностью лексической единицы исходного языка можно понять лишь то, что она не имеет аналога в лексической системе переводящего языка, т. е. «готового» слова или устойчивого словосочетания, которые можно подставить вместо нее в контексте конкретного перевода [Латышев, Семенов 2003: 128]. В связи с этим, хотелось бы обратиться к А. О. Иванову, который классифицирует типы безэквивалентности как:

- отсутствие предмета, явления в жизни народа переводящего языка (вещественная безэквивалентность);
- отсутствие в переводящем языке тождественного понятия (лексико-семантическая безэквивалентность);
- различие лексико-семантических характеристик (стилистическая безэквивалентность).

По мнению Иванова различие между вещественным и лексико-семантическим видами безэквивалентности нельзя считать существенным. С точки зрения перевода абсолютно не важно, отсутствует ли тождественное понятие в переводящем языке, потому что нет самой вещи, либо оно отсутствует потому, что в силу различий в языковом мышлении и являющегося его следствием различного членения объективного мира, сравниваемые понятия в переводящем и исходном языках не совпадают. Кроме того, с точки зрения перевода, гораздо более актуальным признаком эквивалентности является совпадение не понятий, а значений, поскольку при переводе, нас интересует не столько понятие, стоящее за словом, сколько его значение в данном, конкретном контексте. Хотя бы потому, что значение очень многих слов, при всей его близости к понятию, нельзя целиком отождествлять с понятием [Иванов 2006: 82].

Л. К. Латышев считает, что первая причина лексической безэквивалентности возникает тогда, когда лексическая единица исходного языка обозначает явление, достаточно хорошо известное его носите-

лям и устойчиво вошедшее в лексическую систему исходного языка, однако оно не известно или очень мало известно носителям переводящего языка и поэтому, естественно, не отражено в их лексической системе. Обычно это так называемые реалии – явления, характерные для материальной и духовной жизни только данного народа и отсутствующие у других.

Вторая причина лексической безэквивалентности, по мнению Латышева, обусловлена несколькими видением мира разными культурными и этническими сообществами. Это проявляется, в частности, в том, что переводящий язык не всегда фиксирует в понятиях и значениях своих лексических единиц то, что уже зафиксировано в исходном языке. То, что для последнего уже стало ограниченным определенными признаками фактом, выделенным из массы подобных словом-названием, для первых таковым еще не является и его выделение происходит по мере необходимости с помощью каких-либо речевых средств. Например, английское слово «tea» образует многочисленные словосочетания, которым из-за разницы национальных традиций достаточно трудно найти удобные эквиваленты в русском языке. Например, *afternoon tea*, *high tea*, *meat tea* обычно переводятся описательно: плотный ужин с чаем, хотя между этими тремя английскими словосочетаниями есть существенные различия, отражающие социальные пристрастия [Латышев, Семенов 2003: 128–129].

Также, Латышев, в своем пособии по технологии перевода, отмечает, что причинами безэквивалентности, и как следствие, причинами переводческих трансформаций являются существенные расхождения коммуникативных компетенций носителей исходного и носителей переводящего языков в тех или иных компонентах и необходимость «сгладить» их ради достижения равноценности регулятивного воздействия исходящего и переводящего текстов. Автор поясняет, что отнюдь не всегда трансформации являются необходимостью. Нередко имеется возможность перевести «слово в слово» и этим, конечно, надо пользоваться [Латышев, Семенов 2003: с. 38].

Термины невозможно отнести ни к полностью переводимым единицам, ни к совершенно непередаваемым; сложность их перевода зависит от их происхождения, а также от компетентности переводчика.

В этом случае для передачи смысла переводчик может прибегнуть к переводческим трансформациям.

Адаптированный перевод или свободный перевод – это перевод, при котором общественные или культурные реалии в исходном тексте заменяются соответствующими реалиями в переводном тексте; при этом реалии в переводном тексте будут нацелены на аудиторию языка перевода.

Заимствование – это прием перевода, при котором переводчик использует в переводном тексте слово или выражение из исходного текста, не изменяя его. В русском и английском языке заимствования, еще не достаточно прочно укрепившиеся в речи, обычно выделяются курсивом.

Калькирование – это прием перевода, при котором слово или выражение разбивается на составляющие, и каждый элемент переводится отдельно. Например, немецкое слово «*Alleinvertretungsanspruch*» может быть переведено с помощью калькирования как «единственная заявка на представительство», хотя на самом деле слово переводится как именной мандат. Пословный перевод обычно дает довольно комичный результат, однако он необходим для максимально точной передачи стиля исходного текста, особенно если исходный текст двусмысленный или не вполне понятен переводчику.

Переводческая компенсация – прием, с помощью которого производится перевод единиц исходного языка, которые не могут быть выражены теми же средствами в переводном языке. В данном случае переводчик заменяет их в переводном тексте другими языковыми средствами. Например, во многих языках присутствует две формы личного местоимения во втором лице, то есть две формы обращения (формальная/неформальная). Так, во французском языке это местоимения *tu* и *vous*, в испанском – *tú* и *usted*, в русском – *ты* и *Вы*, в немецком – *du* и *Sie*, а в современном английском языке такого разделения не существует. Поэтому, при переводе текста с одного из этих языков на английский, переводчику приходится использовать другие средства для передачи стилистической окраски текста. Например, вы-

бирать в зависимости от ситуации имя или прозвище, использовать менее формальные выражения, или использовать определенные слова, свойственные конкретному стилю.

Парафраз – это прием перевода, при котором переводчик заменяет одно слово исходного текста группой слов или выражением на языке перевода. Яркий пример непереводимости – нидерландское слово «gezellig», которому нет эквивалента в английском языке. Дословно оно означает «уютный, причудливый, милый», но также может означать время, проведенное с любимыми людьми, встречу с другом после долгой разлуки, или духовную близость.

Переводческий комментарий, обычно приводимый в виде сносок или замечаний, представляет дополнительную информацию, которую невозможно интегрировать в общий текст перевода. Обычно это описание особенностей культуры, необходимых для понимания текста, либо другие объяснения.

Однако вопрос о правильном переводе мордовской лексики на английский язык через использование русского языка остается открытым. Поэтому, можно сделать вывод о том, что использование безэквивалентной лексики в статье может и должно быть сопровождено комментариями автора, которые бы позволили переводчику правильно выбрать необходимый инструментарий. К сожалению, использование такой лексики в заголовке статьи и более того, в ключевых словах, нам представляется не совсем обоснованным, т. к. данный формат не предусматривает возможности выбора какого-либо подходящего инструмента переводческой трансформации, кроме транслитерации, которая хоть и зачастую правомерна, но малопонятна читателю и не раскрывает коммуникативную и смысловую задачу, которую ставил автор статьи, используя безэквивалентную лексику.

ЛИТЕРАТУРА

- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 2000. – 387 с.
 Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 2009. – 360 с.
 Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. – СПб.: Типография издательства СПбГУ, 2006. – 200 с.
 Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. – М.: АCADEMA, 2003. – 190 с.
 Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 206 с.
 Пеньковский Л. М. В саду души. Стихи. – Харьков: Печатник, 1970. – 81 с.
 Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 2004. – 216 с.
 Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 214 с.

УДК 81'25:159.9-037.75

Алгоритм и особенности перевода психодиагностических тестов

СВИРИДЕНКО Э. О.

Казанский федеральный университет (г. Казань)

Аннотация. Применение зарубежных психологических тестов предполагает соблюдение ряда предварительных процедур, в числе которых языковая и культурная адаптация опросника. Качество перевода иностранных тестов зависит от соблюдения стандартного алгоритма. В российской практике психодиагностики многие из необходимых этапов адаптации зарубежных методик пропускаются, что приводит к неизбежным ошибкам, низкой эффективности тестирования.

Ключевые слова: алгоритм перевода психологических тестов, качество перевода, перевод зарубежных тестов, переводчик, эквивалентность перевода, языковая адаптация зарубежных тестов.

Algorithm and Features of the Translation of Psychodiagnostic Tests

SVIRIDENKO E. O.

Kazan Federal University

Abstract. *Application of foreign psychological tests requires compliance with a series of preliminary procedures, including linguistic and cultural adaptation of the questionnaire. The quality of translation of foreign tests depends on the compliance with the standard algorithm. In the current Russian practice of psychodiagnosis many of the necessary stages of adaptation of foreign methods are skipped, which leads to inevitable errors, poor testing efficiency.*

Keywords: *algorithm of the translation of psychological tests, translation quality, translation of foreign tests, translator, translation equivalence, linguistic adaptation of foreign tests.*

Российская психодиагностика имеет весьма скудный набор стандартизированных тестов, большая часть которых является адаптированными вариантами либо вообще простым переводом иностранных опросников. Как отмечает Н. А. Батулин, у отечественных психологов неоправданно высокое доверие к любым зарубежным методикам, особенно брендовым. Почти все известные западные тесты попали в нашу страну более 40-60 лет тому назад, переведены не всегда хорошо, с ошибками, иногда неизвестно кем. Полученные с помощью таких опросников результаты всегда не только сомнительные, но и искаженные неадекватными нормами [Батулин 2008: 5].

Под адаптацией теста психологи понимают комплекс мероприятий, обеспечивающих адекватность теста новым условиям его применения [Бурлачук 2007: 8]. При адаптации зарубежных тестов основные препятствия связаны с языковыми и социокультурными различиями между народами разных стран.

Культурная и языковая адаптация зарубежных опросников – это многоступенчатый процесс создания эквивалентного оригиналу инструмента на русском языке с учетом этнолингвистических особенностей популяции. Она должна осуществляться в строгом соответствии с международным стандартом. Качество проведения культурной и языковой адаптации в конечном итоге определяет психометрические свойства инструмента [Новик 2007: 41].

Стандартный алгоритм, применяемый в практике международных исследований для адаптации опросных методик включает в себя следующие процедуры: 1) подготовку предварительного перевода опросника на язык пользователя (например, русский); 2) редактирование полученного предварительного варианта и экспертную оценку его эквивалентности с обязательным привлечением лингвистов и профессиональных психологов, владеющих языком оригинала и имеющих опыт практической работы с личностными опросниками; 3) обратный перевод на язык оригинала предварительного варианта; 4) предъявление предварительного варианта перевода на язык пользователя и обратного перевода автору оригинальной методики для экспертной оценки их эквивалентности; 5) оценку исправленного варианта и вторичную экспериментальную проверку его эквивалентности оригиналу; 6) проверку устойчивости итоговых показателей теста и выявление его валидности; 7) сбор предварительных норм на соответствующей выборке [Ханин 1977: 130].

Таким образом, действия и мероприятия, осуществляемые с целью создания языковой версии опросника сводятся к трем направлениям:

- последовательный перевод;
- экспертиза перевода;
- совершенствование перевода.

Как подчеркивают А. А. Новик и Т. И. Ионова, языковая версия психодиагностического опросника получает право на использование в международных исследованиях только при условии выполнения процедуры адаптации в соответствии с международными стандартами. Версия опросника признается легитимной только после представления результатов адаптации и валидации [Новик 2007: 58]. При

этом перевод и адаптация должны быть проведены так, чтобы психодиагностический инструмент соответствовал оригиналу по функциональной, структурной и операционной эквивалентности.

По мнению В.В. Сдобникова и О.В. Петровой, качество перевода любого текста складывается из двух составляющих: адекватности, означающей воспроизведение в переводе функции исходного сообщения, и эквивалентности, предполагающей применительно к каждому конкретному случаю максимально возможную лингвистическую близость обоих текстов – оригинала и перевода [Сдобников 2007: 209].

Немецкий лингвист Герт Егер (*Gert Jäger*) в своей работе «Перевод и лингвистика перевода» подчеркивает, что перевод должен быть коммуникативно эквивалентен оригиналу, то есть оба текста должны обладать одинаковой коммуникативной значимостью (*kommunikative Wert*) в сознании коммуникантов. Достижению эквивалентности, по мнению ученого, могут препятствовать два ряда факторов: соотношение систем и правил функционирования языка оригинала и перевода, а также знания и умения переводчика, условия его работы и т. п. [Jäger 1975]. В дальнейших исследованиях Г. Егер уточняет понятие коммуникативной эквивалентности, связывая его со способностью адресата сообщения извлекать из него передаваемую информацию [Комиссаров 2011: 247].

Однако психодиагностический опросник – не просто текст, не случайный набор утверждений. Так, если в оригинальной версии какой-то вопрос предназначен для оценки личностной тревожности, то в процессе адаптации он не должен терять данное значение. Функциональная эквивалентность, таким образом, означает соответствие значения вопросов в исходном и переводном вариантах. Под структурной эквивалентностью опросника подразумевается соответствие структуры шкал и способа ответа на вопросы. Операционная эквивалентность теста предусматривает соответствие способа получения информации от респондента. К примеру, если вопросы в оригинальном тесте версии формулируются по типу диагностического интервью («Можешь ли ты защитить слабого?»), то при переводе они не должны заменяться утверждениями от первого лица («Я могу защитить слабого»).

Рассмотрим более подробно этапы языковой адаптации психодиагностических зарубежных тестов. Первый этап заключается в прямом переводе опросника с языка-оригинала. При этом осуществляется два независимых перевода оригинальной версии, а к переводчикам предъявляются следующие требования:

- они являются носителями языка, на который переводится опросник;
- ранее не были знакомы с данным опросником;
- имеют знания в области психологии либо работают совместно с психологами.

На втором этапе на основании двух прямых переводов создается предварительная версия опросника, устраняются все расхождения, при необходимости осуществляется альтернативный перевод.

На третьем этапе выполняется обратный перевод предварительной версии опросника. В идеале это также два независимых перевода. Требования к переводчикам на третьем этапе, по мнению А. А. Новика и Т. И. Ионовой, следующие:

- переводчики являются носителями языка оригинала (например, английского), бегло говорящие на языке перевода;
- не участвовали в предыдущих этапах;
- не знакомы с переводимым опросником;
- имеют знания в области психологии [Новик 2007: 60]. Авторы рекомендуют переводчикам использовать простой язык, стремиться к передаче смысла вопроса, перечислять все значения вопроса.

Четвертый этап – экспертиза, для проведения которой необходимо не менее трех независимых экспертов, владеющих языком оригинала и языком перевода, например, лингвист, специалист в области психологии, координатор от группы разработчиков теста. При необходимости вновь осуществляется альтернативный перевод. На данном этапе также выполняется орфографическое и грамматическое ре-

дактирование. В результате создается тест-версия для проведения пилотного (предварительного) исследования, по итогам которого могут быть внесены какие-то корректировки в переводной вариант опросника с тем, чтобы максимально приблизить его к культурным и языковым традициям и особенностям контингентов населения, планируемых для обследований с помощью данного психодиагностического инструментария.

Такая кропотливая работа по переводу психодиагностического теста требует больших затрат времени, сил, других ресурсов. Но даже при полном соблюдении стандартного алгоритма перевода часть проблем может остаться нерешенной. К примеру, в течение 1968–1984 годов отечественными учеными была проделана большая работа по переводу с английского и адаптации теста *MMPI (Minnesota Multiphasic Personality Inventory)*. Перевод текста опросника выполнен с помощью квалифицированных филологов, а совершенствование перевода после очередных апробаций теста на различных отечественных выборках осуществлялось девять раз. И все же «в модифицированном варианте теста из опросника выделены 26 утверждений, которые оказались балластными: они не только вводили в заблуждение и шокировали обследуемых, но и провоцировали неадекватные ответы» [Собчик 2005: 98]. В основном это утверждения, касающиеся шкал достоверности и нарушения восприятия. Так, на утверждение «Я часто вижу людей, животных и другие предметы, которых не видят другие окружающие меня люди» отвечали «верно» те, кто по роду деятельности много путешествует, хотя изначально пункт нацелен на выявление нарушений восприятия. Думается, что было бы логичным исключить эти 26 утверждений из опросника, раз они все равно не учитывались при обработке данных, либо переформулировать их в соответствии с целью исследования. Однако в русскоязычной версии эти утверждения были оставлены «для сохранения привычной нумерации», но заменены одной и той же фразой: «Номер этого пункта следует обвести кружочком». Полностью разделяя мнение Герта Егера о том, что целью перевода является максимальное соответствие свойств перевода свойствам оригинала [Jäger 1986], заметим лишь, что в исходном MMPI не было 26 повторяющихся балластных пунктов.

В 2011 г. независимо друг от друга в научных журналах «Вестник Московского университета» и «Философия и социальные науки» были опубликованы результаты исследований с помощью адаптированного опросника *Nadia Garnefski и Vivian Kraaij «Cognitive Emotion Regulation Questionnaire» (CERQ)*. Авторы статьи «Когнитивная регуляция эмоций», О. Л. Писарева и А. Гриценко, указывают, что процесс перевода и адаптации англоязычного варианта опросника CERQ включал следующие этапы:

- определение содержания особенностей стратегий когнитивной регуляции эмоций в стрессовых ситуациях на основе теоретического анализа литературы;
- перевод утверждений опросника на русский язык с помощью эксперта-переводчика;
- обсуждение вариантов перевода, редактирование формулировок и разработка версии опросника на русском языке;
- преобразование всех пунктов англоязычной версии опросника в утверждения, избрание пятибалльной шкалы оценки;
- изменение и расширение формулировок некоторых пунктов с той целью, чтобы смысл утверждений был более понятен респондентам;
- проведение пилотажного исследования на группе из 15 респондентов с целью выявления неясных, двусмысленных и других утверждений, вызывающих вопросы и споры. В результате были выявлены опечатки, орфографические и пунктуационные ошибки; фразы, звучащие «не по-русски»; пункты опросника, смысл которых был недостаточно ясен, непонятен респондентам; учтены альтернативные формулировки вопросов, предложенные респондентами;
- разработка окончательного варианта русскоязычной версии опросника, в ходе которой неясные, непонятные, двусмысленные и звучащие «не по-русски» пункты были отредактированы, опечатки устранены;

– расчет психометрических характеристик опросника [Писарева 2011: 66].

Из данного описания следует, что исследователи пропустили такие важные этапы адаптации зарубежного теста, как обратный перевод на язык оригинала предварительного варианта и экспертная оценка эквивалентности оригинала и предварительной версии переведенного опросника.

Процедура разработки Рассказовой Е. И., Леоновой А. Б. и Плужниковым И. В. русскоязычной версии CERQ под названием «Опросник когнитивной регуляции эмоций» включала такие мероприятия:

– перевод с английского языка и отбор релевантных вербальных формулировок по каждому пункту методики для составления идентичного текста опросника на русском языке;

– подбор избыточного списка утверждений (по 5 русскоязычных формулировок на каждый пункт), которые затем оценивались 5 экспертами с точки зрения адекватности и качества перевода по 5-балльной шкале;

– формирование русскоязычного варианта опросника путем включения утверждений, получивших максимально высокий балл по усредненным экспертным оценкам, с учетом оригинальной структуры опросника CERQ [Рассказова 2011: 165]. На следующих этапах анализировались психометрические характеристики опросника и итоги пилотажного исследования. Из текста данной публикации также неясно, был ли выполнен обратный перевод и проведена оценка эквивалентности оригиналу, либо эксперты работали только с русскоязычными формулировками, полученными в результате единственного перевода с английского.

Различия в вариантах русскоязычных версий опросника когнитивной регуляции эмоций представлены в таблице.

Примеры пунктов опросника CERQ: оригинал и переводы

Cognitive Emotion Regulation Questionnaire (CERQ)	Опросник «Когнитивная регуляция эмоций» (Писарева, Гриценко)	Опросник когнитивной регуляции эмоций (Рассказова, Леонова, Плужников)
<i>I feel that I am the one to blame for it.</i>	Я чувствую, что я виновен в случившемся.	Я чувствую, что именно я в ответе за это.
<i>I feel that I am the one who is responsible for what has happened.</i>	Я чувствую, что я единственный, кто ответственен за то, что случилось.	Я чувствую, что только я ответственен за произошедшее.
<i>I think about the mistakes I have made in this matter.</i>	Я думаю об ошибках, которые я совершил в отношении произошедшего.	Я думаю об ошибках, которые я совершил в этом случае.
<i>I think that I have to accept that this has happened.</i>	Я думаю, что я должен признать, что это уже произошло.	Я думаю, что я должен принять то, что случилось.
<i>I often think about how I feel about what I have experienced</i>	Я думаю о своих чувствах, переживаниях, связанных с этой ситуацией.	Я размышляю о своих чувствах по поводу того, что мне пришлось пережить.

На наш взгляд, утверждения «Я чувствую, что я виновен в случившемся» и «Я чувствую, что именно я в ответе за это» воспринимаются по-разному. В версии опросника, подготовленной О. Л. Писаревой и А. Гриценко, встречаются и такие формулировки, как «Я думаю, что другие люди переживают намного худшие события», хотя разработчики пытались заверить пользователей теста, что устранили все фразы, звучавшие «не по-русски». Думается, что приведенный пример показывает важность независимого обратного перевода и экспертной оценки эквивалентности текстов.

Заметим, что франкоязычный вариант CERQ был разработан с соблюдением процедуры обратного перевода. Причем прямой и обратный перевод были выполнены разными людьми, после чего прошло экспертное обсуждение расхождений и сделаны необходимые корректировки [Jermann 2006: 127].

Как отмечает Л. Бурлачук, полная эмпирическая адаптация теста во многих случаях не уступает по сложности разработке оригинальной методики [Бурлачук 2007: 9]. Так, после получения в 1998 году Институтом психологии РАН англоязычного опросника Д. Басса «События и факты, влияющие на статус и репутацию» с целью русификации и апробации данного психодиагностического инструмента на российской выборке в течение двух последующих лет велась переписка с автором методики, в ходе которой были согласованы: перевод, обратный перевод, а также ряд утверждений опросника, имеющих различия в кросс-культурном контексте [Кочетова 2010: 45].

При создании в 1997 г. русскоязычной версии опросника *NEO PI-R* В. Е. Орёл, И. Г. Сенин и Томас А. Мартин особое внимание уделяли переводу текста опросника. Как подчеркивает В. Е. Орёл, подготовку первичного перевода теста с языка оригинала на другой язык должны осуществлять лица, свободно владеющие обоими языками (билингвы) и, желательно, имеющие психологическое образование [Орёл 2008: 73]. Были выполнены прямой перевод с языка оригинала, проверка эквивалентности перевода оригиналу, обратный перевод, осуществленный другой командой билингвов с психологической подготовкой, не участвовавших в прямом переводе. При этом разработчики не добивались дословного перевода, выражающегося в полном совпадении терминов. При обратном переводе с русского на английский возможным было употребление синонимов, если они точно отражали смысл утверждения и стиль его изложения. С точки зрения имеющейся мировой практики такой обратный перевод с одного языка на другой язык могут осуществляться несколько раз до полного совпадения оригинала и перевода теста, что и было сделано, по утверждению разработчиков [Орёл 2008: 74].

После достижения эквивалентности перевода и оригинала опросника, преодолев лингвистические и социокультурные препятствия, исследователи в итоге получают новый опросник [Бурлачук 2003: 126]. Дальнейшие полевые обследования могут выявить, что не все шкалы переведенного опросника работают так, как в оригинале. Это может быть вызвано как имеющимися различиями в социально-экономической ситуации в странах оригинала и перевода, социокультурными особенностями выборки, так и неудачным переводом отдельных утверждений, неточностью передачи смысла, несоответствием стилистическим правилам русского языка. В качестве примера неудачного перевода В. Орёл приводит утверждение «Я легко сопротивляюсь соблазнам». В действительности в повседневном русском языке сочетание «легко сопротивляюсь» не употребляется. Неадекватным может считаться и перевод, который неточно передает смысл измеряемого конструкта, что вызвано различиями в понимании некоторых концептов в языках оригинала и перевода. Так, в рассматриваемом примере адаптации теста *NEO PI-R* первичный перевод одного из утверждений имел формулировку: «Меня считают “горячим”, темпераментным человеком». Согласно измеряемому конструкту высокий балл по этой шкале характеризует человека как враждебного, вспыльчивого, раздражительного, легко впадающего в состояние гнева. Однако в русском языке понятие «горячий, темпераментный» человек не обязательно связывается с отрицательными эмоциями и может относиться к человеку активному, энергичному и жизнерадостному, но отнюдь не агрессивному [Орёл 2008: 75].

Наряду с примерами соблюдения сложной процедуры перевода зарубежных диагностических методик в процессе их адаптации в российской практике довольно часто перевод психодиагностического инструментария осуществляется самими исследователями в одиночку, без соблюдения стандартного алгоритма. Так, о технологии выполнения собственного перевода трехкомпонентной модели организационной лояльности Дж. Мейера и Н. Аллен (*Meyer & Allen model of organizational commitment*) В. Доминьяк говорит лишь: «Наш адаптированный перевод вместе с инструкцией приведен в Приложении 3» [Доминьяк 2006: 106]. Русскоязычный вариант опросника был получен «в результате перевода и корректировки вопросов». Однако проверка психометрических параметров переведенного теста показала довольно низкие показатели. Выявленные недостатки исследователь связывает «не с неточным переводом, а с особенностями восприятия вопросов шкалы российскими респондентами» [Доминьяк 2006:

121]. По нашему же мнению, проблема обусловлена прежде всего несоблюдением стандартного алгоритма адаптации зарубежных тестов. Во всяком случае в тексте работы нет информации, подтверждающей выполнение мероприятий, необходимых для получения качественного перевода [Свириденко 2014: 65].

Кроме перевода опросника Мейера-Аллен, сделанного В. И. Доминяком, получил распространение и вариант в переводе Е. В. Доценко, опубликованный на сайте Института практической психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [Как оценить...]. Переводы заметно отличаются друг от друга.

Так, исходное утверждение «*I would be very happy to spend the rest of my career with this organization*» в переводе Е. В. Доценко звучит как «Я был бы счастлив провести остаток моей карьеры в компании», в трактовке В. И. Доминяка «Я был бы рад работать в этой организации до ухода на пенсию», а в учебном пособии Т. П. Фокиной уже «Я был бы рад до ухода на пенсию работать в этой организации» [Фокина 2009: 25].

Утверждение «*I do not feel a “strong” sense of belonging to my organization*» в варианте Е. Доценко представлено как «Я не испытываю сильного чувства принадлежности Компании», а у Доминяка – «У меня нет ощущения “принадлежности” к моей организации».

Пункт «*I really feel as if this organization’s problems are my own*» в версии Е. Доценко переведен «Я действительно чувствую себя так, как будто проблемы Компании – это мои проблемы», у В. Доминяка – «Я чувствую, что проблемы, которые встают перед организацией, являются также и моими проблемами», в переводе Н. О. Мальгиной и С. Е. Рысева для учебника по индустриально-организационной психологии – «Я на самом деле считаю проблемы этой организации своими проблемами» [Джуэлл 2001: 236].

Утверждение «*Too much in my life would be disrupted if I decided to leave my organization now*» в версии Доценко изложено как «Слишком многое в моей жизни было бы разрушено, если бы я решил покинуть сейчас свою компанию», у Доминяка – «Многое в моей жизни было бы разрушено, если бы я решил уйти из организации прямо сейчас», в учебном пособии Фокиной – «Если я сейчас уйду из организации, многое в моей жизни разрушится». Кстати, последнее суждение было заменено И. А. Германовым и Е. Б. Плотниковой при оценке лояльности персонала предприятий г. Перми на более мягкое: «Если я сейчас уйду из организации, многое в моей жизни изменится к худшему» [Германов 2011: 108]. В специализированной литературе встречается и иной перевод данного утверждения: «Слишком многое в моей жизни было бы нарушено, если бы я решил, что хочу сейчас уйти из своей организации» [Джуэлл 2001: 236].

Как подчеркивает В. Орёл, среди специалистов, не связанных профессионально с адаптацией методик, бытует ошибочное мнение о достаточности обычного перевода методики на русский язык и устранения грубых ошибок для ее дальнейшего использования. Вместе с тем мировая практика диктует совершенно иную, более сложную процедуру данного этапа адаптации [Орёл 2008: 73]. Некорректное проведение языковой и культурной адаптации, как правило, приводит к получению опросника, который в дальнейшем оказывается неудовлетворительным по своим психометрическим свойствам. Мы согласны с мнением А. Новика и Т. Ионовой [Новик 2007: 61], что наиболее распространенными ошибками при проведении адаптации зарубежных диагностических методик являются:

- наличие только прямого перевода (отсутствие обратного перевода);
- участие одного из исполнителей прямого перевода в согласовании начальной версии;
- участие одного и того же переводчика в прямом и обратном переводе;
- участие переводчиков опросника в экспертизе;
- стремление к дословному переводу без учета лингвистических особенностей языка перевода;
- отсутствие интервьюирования респондентов на этапе пилотного тестирования;

- необоснованное, неподтвержденное исключение или добавление, видоизменение шкал или отдельных вопросов теста;
- проведение адаптации без участия разработчиков.

Подводя итоги, заметим, что для повышения качества перевода зарубежных психодиагностических методик необходимо соблюдать все этапы стандартного алгоритма адаптации. Процедура языковой и культурной адаптации является ключевой в ходе валидации иностранных опросников, поскольку от тщательности ее проведения зависят психометрические свойства и уровень прогностичности переводного теста.

ЛИТЕРАТУРА

- Батурин Н. А. Современная психодиагностика России // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. – 2008. – Т. 2. – № 32. – С. 4–9.
- Бурлачук Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2007. – 688 с.
- Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2003. – 352 с.
- Германов И. А., Плотникова Е. Б. Измерение организационной лояльности персонала (опыт апробации методики Мейер-Аллен) // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. – 2011. – Вып. 3 (7). – С. 106–111.
- Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология. Учебник для вузов – СПб.: Питер, 2001. – 720 с.
- Доминяк В. И. Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации: дис.... канд. психол. наук. – СПб., 2006. – 280 с.
- Как оценить и повысить приверженность сотрудников? // Институт практической психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ipp.hse.ru/digests/40/1441.html>.
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: Валент, 2011. – 408 с.
- Кочетова Т. В. К вопросу кросс-культурной адаптации опросника Д. Басса «События и факты, влияющие на статус и репутацию» на российской выборке // Культурно-историческая психология. – 2010. – № 2. – С. 45–49.
- Новик А. А., Ионова Т. И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. – 2-е издание / Под ред. акад. РАМН Ю. Л. Шевченко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 320 с.
- Орёл В. Е., Сенин И. Г. Опыт адаптации зарубежного опросника: организационный и содержательный аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Психология. – 2008. – Вып. 3. – № 33 (133). – С. 71–77.
- Писарева О. Л., Гриценко А. Когнитивная регуляция эмоций // Философия и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 64–69.
- Рассказова Е. И., Леонова А. Б., Плужников И. В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 4. – С. 161–179.
- Свириденко И. Н., Свириденко Э. О. Проблемы перевода и использования зарубежных тестов в оценке персонала // Государственное управление. Электронный вестник. – Выпуск № 45. Август 2014 г. – С. 58–73. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/45_2014sviridenko_sviridenko.htm.
- Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 448 с.
- Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. – СПб.: Речь, 2005. – 624 с.
- Фокина Т. П., Андрущенко О. В. Организационная культура. – Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина, 2009. – 100 с.
- Ханин Ю. Л. Стандартный алгоритм адаптации зарубежных опросных методов // Психологические проблемы предсоревновательной подготовки квалифицированных спортсменов: сб. научных трудов ЛНИИФК. – Л.: ЛНИИФК, 1977. – С. 129–135.
- Jäger G. Der sprachlichen Bedeutungen – das zentrale Problem bei der Translation und ihrer wissenschaftlichen Beschreibung // Jäger G., Wotjak G. Bedeutung und Translation. Übersetzungswissenschaftliche Beiträge. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1986. S. 5–66.
- Jäger G. Translation und Translationslinguistik. – Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1975. – 214 S.
- Jermann F. et al. French Validation of the CERQ // European Journal of Psychological Assessment. – 2006. – Vol. 22(2). – pp. 126–131.

Переводчики в государственных учреждениях России XVIII века

СЕДИНА И. В.

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (г. Саранск)

Аннотация. Данная статья посвящена изучению вопроса наличия и востребованности переводчиков в государственных учреждениях в России 18 века.

Ключевые слова: перевод, переводчик, генеральный регламент, табель о рангах, Сенат, Синод, тайная канцелярия, медицинская коллегия, типография московского университета, придворная контора.

Translators in State Departments in the XVIII Century Russia

SEDINA I. V.

Mordovia State University

Abstract. This article touches upon the problems of the existence and necessity of translators in Russia state departments in the 18th century.

Keywords: translation, translator, general rules of order, table of ranks, Senate, Synod, secret office, medical collegiate organ, Moscow University printing house, court office.

По генеральному регламенту 1720 года в состав любой коллегиальной канцелярии обязательно входил переводчик: «Переводчика должность в коллегиях есть, чтоб он все оное, что до коллегии касается... из иностранного языка на русский явственно и ясно переводил, дабы сенс [смысл. – *Авт*]. справедлив и мнение [содержание. – *Авт*]. подлинного письма в переводе согласно было... довольно будет, когда при каждой коллегии один в российском и немецком языках весьма искусный переводчик обретается будет, кроме иностранных государств Коллегии, которая болши во всяких языках искусных переводчиков требует и когда переводчику какое дело для переводу дано будет, то ему по должности своей толь скоро переводить, како возможно по состоянию дела и нужды...» [цит. по: Законодательство Петра I 1997: 114]. Итак, переводчики должны были переводить не только точно, но и быстро.

При Петре I поступление на государственную службу и передвижение по служебной лестнице зависели не только от происхождения, но и от способности, знаний и выслуги. Табель о рангах (1722) четко разделяла государственную службу на военную, гражданскую (статскую) и придворную. В связи с изучаемым нами аспектом деятельности государственных учреждений необходимо определить статус переводчиков в них. По упомянутому законодательному акту переводчики Военной, Адмиралтейской и Иностранной коллегий приравнивались к 10-му классу. Их чин был выше, чем у переводчиков других коллегий, которые по табели относились к 13-му классу. Самое высокое положение занимали переводчики Сената, которые относились к 9-му классу. В этот же класс были включены «профессоры при академиях» [Описание дел архива Министерства народного просвещения 1917: 395]. Принадлежность уже к 10-му классу предполагала получение личного дворянства. Следующей должностной ступенькой по Табели о рангах для переводчика была должность секретаря. В Именном указе от 25 июля 1744 г. в честь заключения мира со Швецией, в частности говорилось: «Иностранной коллегии переводчиков Бехтеева и Иванова в секретари» [Описание дел архива Министерства народного просвещения 1917: 207].

На протяжении столетия переводчики были востребованы при любом правлении, особенно в начале века. Переводчик требовался практически каждому приезжавшему впервые в Россию иностранцу. В начале XVIII века западноевропейские языки в Петербурге преподавали в школе, открытой при

городской канцелярии. Молодых россиян обучали итальянскому, голландскому и немецкому языкам. Будущий русский архитектор М. Г. Земцов после курса языковой подготовки в 1710 году изучал архитектуру у итальянского мастера Д. А. Трезини, что видно из следующего документа: «...впрошлом 710 году по указу великаго государя ис Санкт-Питер Бурской канцелярии прислан в канцелярию городских дел обученной италянского языка ученик Михайло Земцов; ионой ученик отдан исканцелярии городских дел кархитектору Трезину» [Грабарь 1994: 102]. Будущий русский архитектор обрусевший немец И. Я. Бланк состоял с 1717 года, как он пишет, «прибывшем архитекторе Матернови вучениках идля переводу немецкого языка» [Грабарь 1994: 107]. После смерти Матернови в 1719 году Бланк подал челобитную с просьбой назначить его переводчиком и учеником к немцу Н. Гербелю. Первые русские зодчие становились специалистами благодаря своей переводческой деятельности, которая позволяла осваивать профессию «с листа», занимаясь письменными и устными переводами, а значит, досконально вникая в суть дела.

Такой же способ первоначальной подготовки специалистов практиковался и в кораблестроении. В 1711 году на русскую службу был принят французский кораблестроитель Морис Пангалой. Говорил он только по-французски. К нему была приставлена группа учеников-корабелов, в частности Гаврила Окунев и Иван Рамбург [Быховский 1982: 75]. Последний был из семьи учителя танцев при дворе Петра I француз Степана Рамбурга. По совету императора отец определил его корабельным учеником. Интересно, что не Иван Рамбург, а Гаврила Окунев стал любимцем М. Пангалоя и его личным переводчиком во всех переговорах с адмиралтейским начальством [Быховский 1982: 76].

В данной статье мы обратимся лишь к отдельным опубликованным фактам, персонифицирующим должность переводчика в разных государственных учреждениях и подтверждающих тем самым их наличие в штатном расписании этих учреждений. Главным источником по этому вопросу нам послужил «Словарь русских писателей XVIII века» [Словарь русских писателей].

Сенат. Переводчиком Сената служил с 1756 года преподаватель русского и немецкого языков Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, его выпускник А. С. Волков [Словарь русских писателей 1988: 166]. С 1766 по 1770 год сенатский переводчик И. П. Пырский занимался переводами документов, касающихся Лифляндии, т. е. переводил преимущественно с немецкого и на немецкий язык [Словарь русских писателей 1999: 507]. С 1769 по 1776 год переводчиком в Сенате работал С. И. Волков, ранее служивший в канцелярии академии наук [Словарь русских писателей 1988: 170].

Синод. По штату 1722 года в Синоде было 6 переводчиков [Внутренний быт русского государства 1886: 259]. Переводчик Коллегии иностранных дел Ф. И. Анохин в 1721 году был переведен в Синод канцеляристом, затем переводчиком [РБС].

Медицинская коллегия. В 1781 году должность переводчика в Медицинской коллегии занял Д. М. Огиевский [Словарь русских писателей 1999: 377]; с 1795 года – В. Я. Джунковский [Словарь русских писателей 1988: 261].

Канцелярия от строений Ее Императорского Величества домов и садов. Я. Б. Княжнин с 1757 по 1762 год состоял в должности переводчика в Канцелярии по строению домов и садов, где «по многим происходящим... текущим делам переводы переводил на немецком, французском и итальянском языках» [Словарь русских писателей 1988: 70–71]. В 1762 году он перешел на военную службу в «немецкие секретари» в штаб генерал-фельдмаршала К. Г. Разумовского. В 1777 году Княжнин вновь служит переводчиком в Канцелярии от строений. В 1776 году Сенат произвел переводчика академии наук немца К. И. Габлица в переводчики первых трех коллегий – Адмиралтейской, Военной и Иностранных дел – назначил помощником директора Астраханской садовой конторы [РБС].

Типография Московского университета. Должность переводчика и корректора была изначально в типографии Московского университета. В 1782 году ее занял выпускник Московского университета А. А. Петров, знавший греческий, латинский, немецкий, французский и английский языки [Словарь

русских писателей 1999: 423–424]. В 1785 году переводчиком с немецкого и французского языков в типографию был принят выпускник Рязанской духовной семинарии и Московского университета Д. И. Дмитриевский [Словарь русских писателей 1988: 264].

Главное почтовое управление. В 1798 году переводчиком служил некто Осипов [Описание дел архива Министерства народного просвещения 1917: 221]. Переводчиком Главного почтового отделения с 1790 по 1796 год был Н. П. Ошков. С 1796 года он работал одновременно в Секретной почтовой экспедиции [Словарь русских писателей 1999: 391].

Придворная контора. Сын обер-секретаря Сената Е. Ф. Гордин был определен протоколистом в Придворную контору, где с 1789 года исполнял также обязанности переводчика [Описание дел архива Министерства народного просвещения 1917: 218].

Санкт-Петербургская полиция. В ее штат по уставу 1798 года помимо секретарей входили: 1) переводчик 9-го класса при начальнике полиции и военном губернаторе; 2) переводчик 9-го класса при обер-полицейстере. При Санкт-Петербургской полиции переводчики были в течение всего XVIII века, поскольку по сведениям А. Л. Шлецера и И. И. Георги уже в 1760-е годы из 8-9 жителей Петербурга один был иностранец.

Обер-полицейстерская контора в Москве. И. В. Коростовцев служил в ней переводчиком с 1776 по 1782 год [Словарь русских писателей 1999: 129].

Петербургская торговая таможня. С 1764 по 1795 год в должности переводчика состоял сын переводчика Коллегии иностранных дел П. А. Алединский [Словарь русских писателей 1988: 25].

Мануфактур-коллегия. В Московской Мануфактур-коллегии с 1755 года и до своей кончины переводчиком работал выпускник Сухопутного шляхетского кадетского корпуса И. В. Приклонский [Словарь русских писателей 1999: 487]. 19 июля 1761 года последовал приказ куратора Московского университета И. И. Шувалова директору университета Мелиссино: «Во исполнении присланного ко мне из... сената указа... извольте выбрать из благородных учеников или из студентов достаточно знающих французский и немецкий язык для определения в Мануфактур-коллегию переводчиком с надлежащим жалованьем» [Документы и материалы по истории Московского университета т. 1: 218]. С 1763 по 1765 год переводчиком в Мануфактур-коллегии служил Я. Дашков [Словарь русских писателей 1988: 243], а с 1772 по 1773 – Н. И. Евреинов [Словарь русских писателей 1988: 291].

Коммерц-коллегия. Приведем частично текст промемории, присланной в январе 1738 года из Коммерц-коллегии в академию наук: «Сего генваря 10-го дня... из правительствующего сената присланы выписанные из-за моря о банкротах, как с ними тамо поступают, правы (*юридические документы – автор*), между которыми сообщены выписанные из Англии, токмо на российский язык не переведены... не переведены для того, что от той коллегии (*иностранных дел – автор*) объявлено, что того языка переводчика в оной коллегии нет. А как известно, что при академии наук переводчики имеются... А буде на российский язык перевести тех прав некому, то-б академия наук благоволила приказать перевести на французский или на немецкий и о переводе сообщить оныя в коммерц-коллегию немедленно... Граф Платон Мусин-Пушкин» [Материалы для истории Императорской Академии наук т. 3: 608]. Адъютант Михаил Виноградов получил приказ перевести «аглинцкие правы» сначала на французский язык. Из приведенного примера следует, что в Коммерц-коллегии не было переводчика с английского языка, но были переводчики с французского и немецкого языков, которые уже самостоятельно, без помощи академии наук перевели эти документы на русский язык. Этот факт лишний раз подтверждает, что в российской общественно-языковой практике XVIII века французский и немецкий языки очень часто выступали в качестве языков-посредников.

Камер-коллегия. С 1764 по 1765 год переводчиком Камер-коллегии служил В. Т. Золотницкий [Словарь русских писателей 1988: 340].

Герольдмейстерская контора (Департамент Герольдии). С 1769 по 1773 год переводчиком был И. Д. Прянишников [Словарь русских писателей 1999: 505]. С 1797 по 1802 год переводчиком, а затем ассессором в Департаменте герольдии служил В. М. Попов [Словарь русских писателей 1999: 466].

Комиссия об учреждении народных училищ. Уже на первом заседании 13 сентября 1782 года комиссия постановила: «... для ведения журналов и для других письменных дел... приискать способного человека, который бы при том знал и некоторые из употребительнейших иностранных языков, для могущих случаться по делам текущим переводов, как то особливо языки немецкий и французский [Описание дел архива Министерства народного просвещения 1917: 115].

Тайная канцелярия. С 1796 года в должности переводчика Тайной канцелярии состоял Н. П. Осипов [Словарь русских писателей 1999: 391].

Губернские канцелярии. Должности переводчиков существовали и в губернских канцеляриях. Так, например, И. К. Голеневский служил с 1770 года переводчиком с латинского и польского языков в Псковской губернской канцелярии [Словарь русских писателей 1988: 199]. В 1779 году он был определен переводчиком в Курское наместничество.

Трудно сказать, была ли должность переводчика на Санкт-Петербургской заставе, о посещении которой в 1799 году писал аббат Жоржель: «Офицер, заведывавший почтой, не знал ни по-французски, ни по-немецки, но молодой офицер-письмоводитель канцелярии говорил по-французски и служил нам переводчиком; нас долго расспрашивали о цели нашего путешествия; наконец, после получасового разговора нас отпустили» [Жоржель 1913: 62]. Даже если упомянутый офицер канцелярии и не занимал официально этой должности, то с функцией переводчика в разговоре с аббатом он справился.

ЛИТЕРАТУРА

- Быховский И. А. Петровские корабли. – Л.: Судостроение, 1982. – 101 с.
- Внутренний быт русского государства с 17 октября 1740 года по 25 ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. – М.: Тип. Л. Снегирева, 1886. Т. 2. – 432 с.
- Грабарь И. Э. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. – СПб.: Лениздат, 1994. – 384 с.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / под общ. ред. акад. М. Н. Тихомирова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960-1963. Т. 1-3.
- Жоржель. Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла Первого. – М.: Тип. К. Ф. Некрасова, 1913. – 231 с.
- Законодательство Петра I. – М.: Юрид. лит., 1997. – 878 с.
- Материалы для истории Императорской Академии наук: в 10 т. – СПб.: Тип. Император. Акад. наук. 1885 – 1900.
- Описание дел архива Министерства народного просвещения / под ред. С. Ф. Платонова, А. С. Николаева. – Пг.: Тип. К. Н. Губинского, 1917. – 360 с.
- Русский биографический словарь: в 25 т. / изд. под наблюдением предс. Император. рус. ист. о-ва А. А. Половцева. СПб. – Пг.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896–1918.
- Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И / отв. секр. А. М. Панченко. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – 357 с.
- Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П / отв. секр. А. М. Панченко. – СПб.: Наука, 1999. – 508 с.
- Устав столичного города Санкт-Петербурга. – СПб.: Тип. Военной коллегии, 1798. – 23 с.

Урбанонимы Сургута и способы их перевода на английский язык

СИМОНОВА О. А., СИТНИКОВА А. Ю., СЕМИЛЕЕВА И. А.

Сургутский государственный университет ХМАО – Югры (г. Сургут)

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения урбанонимов, их классификации и способов их перевода на английский язык. Авторы рассматривают урбанонимию г. Сургута, используя примеры из англоязычных интернет-сайтов.

Ключевые слова: топонимы, урбанонимы, классификация урбанонимов, способы перевода урбанонимов.

The Surgut Urbanymys and the Ways of Their Translation into English

SIMONOVA O. A., SITNIKOVA A. Yu., SEMILEEVA I. A.

Surgut State University of KHAMAO-Yugra

Abstract: The article deals with the problem of urbanymys study, their classification and the ways of translation into English. The authors represent the Surgut city urbanymys using the information from the English texts on some websites.

Keywords: toponyms, urbanymys, classifications of urbanymys, translation methods for urbanymys.

В практике перевода встречается большое количество единиц, требующих к себе особого внимания и сознательного подхода в процессе интерпретации информации на разных языках. Такие единицы, как урбанонимы, т. е. наименования городских объектов, принимаются во внимание всеми переводчиками-специалистами, особенно при переводе топонимических и информационных текстов.

Однако, как показывают исследования (Д. И. Ермолович, Т. А. Казакова, А. М. Мезенко, Н. В. Подольская и др.), существует проблема в отсутствии единого подхода к переводу городских топонимов. На картах города для зарубежных гостей отмечены и переведены наименования самых известных улиц и площадей, однако в каждой стране и в каждом городе мы найдем места, названия которых будут непонятны иностранцу.

Наш интерес к исследованию урбанонимов города Сургута, содержащихся в англоязычных текстах, в том числе и в глобальной сети, обусловлен расширением международных контактов и возрастанием интереса к переводу урбанонимов, особенно, со стороны профессиональных переводчиков, решающих проблемы, связанные с разработкой переводческих стратегий и применением тех или иных переводческих трансформаций для интерпретации наименований городских объектов.

Анализ научной литературы также показывает, что в переводоведении существует много разных точек зрения по поводу необходимости сохранения национально-языкового колорита при переводе или нарушения целостности топонимической картины, что вызывает большое количество разногласий.

В своем исследовании Н. В. Подольская пишет следующее: «Урбаноним (от лат. «urbanus» «городской» + оним) – вид топонима. Собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в т. ч. агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [Подольская 1988: 91].

Урбанонимия, по определению А. М. Мезенко, представляет собой «совокупность всех названий внутригородских объектов, как ныне существующих, так и использовавшихся в предшествующие эпохи» [Мезенко 1991: 3]. Это понятие включает названия *линейных* (улиц переулков, проспектов, проездов, тупиков, линий и т. п.), *территориальных* (площадей, скверов, парков, рынков, районов, прудов и т. п.) и *масштабных объектов* (церквей, костелов, монастырей, кинотеатров, гостиниц, кафе, памятников и т. п.). Несмотря на то, что урбанонимия представляет собой набор названий очень разнородных объектов, входящие в неё единицы тесно связаны между собой и выполняют одинаковые функции, что является основой их объединения в один класс топонимов.

Наименования улиц представляют собой совокупность всех топонимических типов: гидронимии, оронимии (названия различных типов рельефа), топонимии населенных пунктов, дорог и т. п., поскольку названия всех этих объектов, так или иначе, участвовали в формировании топонимии улиц. В результате этого названия улиц, как по происхождению, так и по мотивированности наиболее разнообразны и разнотипны. Отражая определенную историческую эпоху, урбанонимы помогают проследить городскую историю, а также являются источником ценной лингвокультурологической информации.

А. М. Мезенко отмечает, что как особый раздел топонимии урбанонимия обладает «рядом общих для большинства разрядов топонимов чертами: 1) обусловленность внеязыковыми факторами; 2) системность организации; 3) общность выполняемых функций; 4) наличие вариантов официального/неофициального названия; 5) наличие словообразовательных формантов структурно-грамматических типов; 6) возможность быть зафиксированными в текстах художественных произведений, в результате чего вступать в другие системные связи и даже участвовать в стилистических приемах и др.» [Мезенко 1991: 14].

Особенность урбанонимии заключается в специфическом наборе черт, часть из которых является общей с одной из групп топонимов. Так, помимо общих для всех разрядов топонимов черт, как отмечает А. М. Мезенко, урбанонимам свойственны: «1) высокая степень сменяемости, 2) в основном низкая степень известности, 3) слабая связь с диалектом, 4) преимущественная одноязычность, 5) семантическая мотивированность большинства урбанонимов, 6) преобладание искусственной номинации над естественной, 7) письменная закреплённость» [Мезенко 1991: 15].

Следует отметить и тот факт, что урбанонимы, как названия внутригородских объектов, строятся по иному принципу, чем топонимы, представляющие собой общие названия географических объектов, поскольку первые, как и сами города, созданы человеком и составляют особую категорию, выделяющуюся на основе их функций в жизни общества: по деловому, хозяйственному, культурному, идеологическому и другим назначениям. Поэтому и на формирование системы названий внутригородских объектов основное влияние оказывает человеческая деятельность, привязанная к данному месту.

В нашем исследовании мы опираемся на классификацию урбанонимов, данную А. М. Мезенко, которая считает, что названия внутригородских топографических объектов как ныне существующих, так и использовавшихся в предшествующие эпохи, можно классифицировать согласно общепринятой классификации.

Первую группу составляют *годонимы*, т. е. названия линейного объекта, например, улицы, переулки, проспекты, бульвары, набережных и т. п.

Лингвистическая урбаномика Сургута также представлена годонимами:

- названия отдельных улиц: *улица Ленина (Lenin Street)*;
- названия переулка: *Лесной переулок (Lesnoy Pereulok)*;
- названия проспекта: *проспект Мира (Mira Avenue)*;
- названия проезда – небольшой улицы, соединяющей две более крупные улицы: *проезд Мунарева (Munarev Proezd)*;
- названия бульвара – улицы со скамейками, газонами и аллеями, предназначенными для пешеходного движения и кратковременного отдыха: *Бульвар Писателев (Bulvar Pisateley)*;
- названия набережной – улицы вдоль реки или другого крупного водоёма: *Университетская набережная (Universitetskaya Naberezhnaya)-riverside*.
- название транспортной развязки (кольцо) – улицы, имеющей форму круга: *Грэсовское кольцо (Gresovskoe Koltso) roundabout*.
- названия *шоссе* – магистральной улицы, направленной на выезд из города: *Нефтеюганское шоссе (Nefteyuganskoye Shosse)*.
- названия магистралей – главной широкой улицы с интенсивным транспортным движением: *Югорский тракт (Yugorsky Trakt)*;

Вторую группу урбанонимов составляют *агоронимы*, т. е. названия территориальных объектов, включающих названия площадей, скверов, парков, рынков, водохранилищ, памятников и т. п.

Примерами агоронимов в г. Сургуте являются следующие названия:

- площади – открытого пространства, обрамлённого зданиями и зелёными насаждениями, находящегося на перекрестке улиц: *Центральная площадь* (*Tsentralnaya Ploschad*);
- сквера – объекта озеленения города: *Сквер Геологов* (*Skver Geologov*);
- парка – предназначенной для отдыха открытой озеленённой территории: *Саймовский парк* (*Saima Park*);
- рынка – объекта торговой площади: *Центральный рынок* (*Tsentralny Ryinok*);
- водохранилища – искусственного водоёма, образованного для хранения воды в целях её использования в народном хозяйстве: *Грэсовское водохранилище* (*Gresovskoe Vodokhranilische*);

– памятника – сооружения, предназначенное для увековечения людей, событий, объектов: *Мемориал Славы* (*Memorial Slavy*), *Памятник Основателям Сургута* (*Pamyatnik Osnovatelyam Surguta*);

Изучение урбанонимов позволяет выявить важную историческую и социокультурную информацию, которая может быть интересна зарубежным гостям города, а также гидам-переводчикам. Сургуту, как поселению уже более 420 лет, в 1965 г. он получил статус города и пережил свое «второе рождение» благодаря открытию и освоению нефти и газа. Название города Сургута отражает его местоположение, так как он был назван по ближней обской протоке *Сургутль-Мухэт*, где *мухэт* на языке ханты ‘*протока*’, а основа гидронима от хант. личного имени *Сур*.

Опираясь на классификацию Р. В. Разумова [4], мы проанализируем наиболее распространенные мотивировки выбора названий объектов городской топонимии Сургута:

1. Урбанонимы, мотивированные антропонимами:

- в честь политических деятелей: *Проспект Ленина*, *улица Энгельса*; *улица Ивана Кайдалова*;
- в честь первооткрывателей нефти : *улица Фармана Салманова* (*начальник геологической экспедиции*), *улица Мелик-Карамова* (*буровой мастер*), *улица Федорова* (*главный геолог*);
- в честь почетных граждан Сургута: *улица Бахилова* (*Первый секретарь горкома КПСС*), *улица Кукуевецкого* (*нефтяник*), *улица Генерала Иванова*
- в честь писателей, поэтов, литераторов: *улица Пушкина*, *улица Лермонтова*, *улица Бажова*;
- в честь военных (участников военных конфликтов, летчиков и космонавтов): *ул. Гагарина*; *ул. Терешковой*;
- в честь деятелей науки: *ул. Менделеева*.

2. Урбанонимы, мотивированные топонимами:

- урбанонимы, отражающие расположение объектов, присоединённых к черте города: *пос. Взлетный* – *ул. Взлетная*;
- урбанонимы, отражающие расположение путей сообщения: *ул. Привокзальная*, *ул. Аэрофлотская*, *Речной Вокзал*;
- урбанонимы, отражающие расположение объектов физической географии (водных объектов, форм рельефа): *р. Сайма* – *Саймовский парк*;
- урбанонимы, созданные в память об исторических событиях: *ул. 30 лет Победы*, *ул. 50-летия ВЛКСМ*;
- урбанонимы, созданные в честь какого-либо города: *г. Москва* – *ул. Московская*, *г. Ленинград* – *ул. Ленинградская*;

3. Урбанонимы, мотивированные экклезионимами, т. е. именами собственными, связанными с религией): *Преображенский Храм*, *Святоニコльскый Храм*;

4. Урбанонимы, мотивированные эргонимами (эргоним от греч. *эрг*о «дело, труд, деятельность» – собственное имя делового объединения людей): *ул. Геологов*, *ул. Нефтяников*, *ул. Строителей*, *ул. Энергетиков*;

5. Урбанонимы, отражающие естественные особенности объекта:

- расположение объекта относительно водных объектов: ул. *За ручьем*, ул. *Затонская* ;
- расположение объекта относительно каких-либо участков земли, засаженных растениями: ул. *Лесная*, пос. *Кедровый*;
- расположение объекта относительно форм рельефа: ул. *Овражная*, ул. *Песчаная*;
- расположение объекта относительно элементов планировочной структуры города: микрорайон *НГДУ*, ул. *Привокзальная*, *Привокзальная площадь*.

6. Урбанонимы, отражающие особенности того объекта, который они называют:

- физико-географические особенности объекта: ул. *Северная*, переул. *Южный*, ул. *Югорская*;
- функциональную нагрузку улицы (переулка): ул. *Центральная*;
- возраст объекта: ул. *Новая*; *Старый Сургут*;
- отсутствие имени у объекта: *Безымянный переул.*;
- особенности объекта в связи с человеческой деятельностью: ул. *Рабочая*, ул. *Университетская*, ул. *Первопроходец*;
- идеологические предпочтения и социальное устройство общества: ул. *Декабристов*;
- эмоционально-эстетические ценности общества: ул. *Энтузиастов*.

При переводе урбанонимов используют несколько способов. Первый способ связан с максимально точной передачей смысла названия, что предполагает пословный перевод названия с возможностью последующего построения фразы-названия. Например, название этнографического центра «Старый Сургут», где все дома были построены заново по фотографиям оригинальных домов, можно перевести на английский язык как *The Old Surgut*, что будет понятнее иностранцу. Однако, также существует опасность в том, что данный перевод сообщает информацию об оригинальных домах старинного Сургута, что не соответствует действительности. Другой пример связан с названием Памятника основателям Сургута, что также целесообразнее перевести не с помощью транслитерации *Pamyatnik Osnovatelyam Surguta*, а с помощью калькирования, что помогает передать внутреннюю форму урбанонима – *The Monument to the Founders of Surgut*.

Второй способ перевода урбанонимов связан с максимально точной передачей произношения названия на оригинальном языке, т. е. предполагает перевод иноязычных названий с использованием правил транскрипции и транслитерации. Примером применения такого способа является перевод названия *Югорский тракт* (*Yugorsky Trakt*). Такой способ получил распространение при создании уличных информационных щитов, когда для передачи названий объектов используются способы транслитерации названий на латиницу. Безусловным недостатком этого способа является невозможность передачи смысловой нагрузки названия и сложность транслитерации некоторых названий на иностранные языки. Так, например, слово *Trakt* может вызвать непонимание у англоязычных пользователей и потребует пояснения *Highway / Motorway*.

Комбинационный способ, который предполагает совместное применение вышеназванных способов, является наиболее распространённым в настоящее время. Данный способ предполагает перевод многословных названий путём точной передачи смысла названия, а при отсутствии такой возможности – передача названия точным произношением. Как правило, применение данного способа позволяет точно передать смысл прилагательного в названии и, по возможности, передать смысл оставшейся части названия. Например, при переводе урбанонимов *Грэсовское кольцо* (*Gresovskoe Koltso*) и *Нефтьюганское шоссе* (*Nefteyuganskoye Shosse*), для передачи смысла лучше применить комбинационный способ, максимально приближенный к оригиналу и способствующий правильному использованию информации, в данном случае, для ориентирования по карте: *Gres Roundabouts* и *Nefteyugansk Motorway*.

На сайте для путешественников Travel Guide [5] упоминаются достопримечательности Сургута, в частности, Храм Преображения Господня, название которого переведено как *Church of the Holy Transfiguration*, что позволяет точно отразить полный смысл данного экклезионима на английском языке.

Разновидностью урбанонимов также являются эргонимы, т. е. названия предприятий и учреждений. На Интернет сайте, рекламирующем выставки в разных городах [6], указаны основные градообразующие предприятия Сургута с использованием комбинационного способа, например, ОАО «Тюменьэнерго» переводится *Tyumenenergo OJSC* с предваряющим уточнением – *Electric power energy*, что обеспечивает полное раскрытие смысла данного названия. Сургутский хлебозавод переводится как «*Surgut Bakery*», Сургутский молокозавод – «*Surgut City Dairy Plant*», Сургутский мясозавод – «*Meat processing plant «Surgutsky» ltd.*, пивзавод «*Brewery «Surgutsky»*». Такой перевод обеспечивает точность передачи смысла урбанонимов для зарубежных пользователей Интернет-сайтов, содержащих информацию о Сургуте.

Итак, изучение урбанонимов родного города представляет собой научно-лингвистическую и социокультурную ценность, а также позволяет раскрыть лингвокультурный и исторический контекст городского лингвистического ландшафта.

ЛИТЕРАТУРА

- Казакова Т. А. Практические основы перевода. – СПб.: Союз, 2001. – 320 с.
 Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Минск, 1991. – 32 с.
 Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. – изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
 Разумов Р. В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII-XX вв. (на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля). Ярославль, 2003. – 19 с.
 Вебсайт Travel Guide. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.my-world-travelguides.com/surgut-russia.htm>
 Вебсайт Экспонет. ру. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.exponet.ru/exhibitions/countries/rus/cities/surgut/index.en.html>

УДК 81-26:347.78.034

Сопоставление систем французской и русской пунктуации в аспекте перевода: актуальность проблемы

СУЛТАНОВА А. Н.

Ростовский государственный экономический университет (г. Ростов-на-Дону)

Аннотация. в статье рассматривается актуальность проблемы сопоставления систем французской и русской пунктуации в аспекте перевода художественной прозы; исторически сложившиеся типы европейских пунктуационных систем.

Ключевые слова: пунктуация, перевод, пунктема, тип пунктуации, пунктуационные системы французского и русского языков.

A Comparison of French and Russian Punctuation Systems in the Interpreting Aspect: Applicability of the Problem

SULTANOVA A. N.

Rostov State Economic University

Abstract. The article deals with the issues of applicability a comparison of French and Russian punctuation systems in interpreting aspect of fiction; traditional types of European punctuation systems.

Keywords: punctuation, interpreting, punctuation, punctuation type, punctuation systems of French and Russian language.

Проблема сопоставления систем французской и русской пунктуации современной художественной прозы в аспекте перевода не нашла достойного отражения ни в лингвистических исследованиях, ни в учебниках по переводу. В теории перевода пунктуация не рассматривается в качестве самостоятельной единицы перевода, которая имеет собственную регламентацию. По традиции, ее рассматривают как технический знак. Пунктуации не уделяется особого внимания, в то время как в современной прозе, в частности, в художественных произведениях (где она приобретает эстетическую функцию, сближаясь с экспрессивной), авторская пунктуация имеет собственную семантику и подлежит воссозданию в переводе наряду с другими текстообразующими средствами.

Переводческая проблема возникает, если системы языков, участвующих в переводе, различаются. Особый интерес представляет взгляд на «пунктуацию современных европейских народов» Л. В. Щербы, которую можно рассматривать как первую попытку компаративного исследования пунктуационных систем русского и французского языков. Он обращается к истории пунктуации и говорит о том, что правила пунктуации установились не сразу, и в разных языках пунктуационные системы разнятся, причем можно наметить два их типа: французский (английский, итальянский и т. д.) и немецкий (чешский, польский, русский и т. д.) [Щерба 1935: 8].

«Первый тип реже, чем второй, ставит тире, употребляет гораздо меньше запятых и стремится выражать ими смысловые нюансы (зачастую чисто идеографически, вне всякой связи с интонацией); второй широко признает тире и использует запятые, расставляя их по более или менее формальным признакам» [Щерба 1935: 366]. В первом типе, например, во французском языке, относительные придаточные предложения только тогда выделяются запятыми, когда пропуск их искажает общий смысл фразы; напротив, во втором, например, в русском, запятые ставятся в этих случаях всегда.

В качестве примера, наглядно иллюстрирующего данное положение, ученый приводит следующий пример. Русской фразе «она знала человека, который ей поклонился» во французском языке соответствует фраза «elle connaissait l'homme qui l'avait saluée», где запятую нельзя поставить, т. к. «который ей поклонился» является для слова «человек» необходимым определением, без которого вся фраза теряет свой смысл. Ж. Санд, имевшая свою систему пунктуации, стояла за систематическое неупотребление запятых при кратких относительных предложениях (независимо от их функции), ссылаясь по-видимому на интонационные тенденции живой речи, объединяющей в таких случаях определяемое и определяющее в одно целое понятие.

Так, во фразе «elle s'approcha de la lampe, qui finissait de brûler» (она подошла к лампе, которая догорала) она предлагала не ставить запятой. Но ее предложение не прошло, т. к. именно на этой фразе было показано, что без запятой она означала бы, что «она подошла к той лампе (из многих), которая догорала»; по-русски, при существующих правилах пунктуации, отсутствие запятой было бы безграмотным, и указанное смысловое различие никак не может быть выражено знаками препинания [Щерба 1935: 368].

Независимо от того или иного типа пунктуации, употребляемые в европейской письменности знаки препинания имеют следующие общие смысловые функции:

- 1) запятая, с одной стороны, разделяет единое целое на отдельные части, поскольку эти части не являются вполне самостоятельными единицами речи (легкое повышение тона); с другой стороны, она ставится между так называемыми однородными членами, вернее однородными элементами одного и того же члена единого целого (интонация перечисления);
- 2) точка с запятой разделяет вполне самостоятельные части единого целого (небольшое понижение тона);
- 3) двоеточие также разделяет две вполне самостоятельные части единого целого, но кроме того указывает, что во второй части даются какие-либо разъяснения к первой; так. обр. интонация, выраженная двоеточием (повышение тона), имеет приблизительно то же значение, что союзы «а», «именно», «потому что», «так что»;

4) тире, или черта, имеет самое неопределенное значение, в связи с чем сфера его употребления очень колеблется в разных письменностях от единственной функции разделения слов разных действующих лиц в диалоге (во французском) до крайне разнообразного его применения (в русском); по-видимому можно сказать, что основной смысл тире - это более или менее резкое противопоставление, выражаемое повышением, а затем резким падением тона, а иногда и реальной паузой, противопоставление вопроса и ответа, подлежащего и сказуемого, действия и неожиданного следствия, действия и его причины и т. п.; последнее обстоятельство ведет к некоторому смещению тире с двоеточием; кроме того тире употребляется иногда в смысле скобок;

5) точка в связи с большой буквой следующего слова обозначает полную законченность высказывания, выражаемую сильным понижением тона;

6) абзац, или «красная строка», которую тоже надо считать своего рода знаком препинания, углубляет предшествующую точку и открывает совершенно новый ход мыслей;

7) многоточие выражает недоконченность, недоговоренность, оборванность мысли (отсутствие и повышения и понижения тона);

8) вопросительный знак (специфическая интонация) выражает вопрос;

9) восклицательный знак со специфической интонацией выражает сильный аффект (удивление, ужас и т. п.) и особенно энергичное приказание (здесь полезно будет указать, что в испанском, например, вопросительные и восклицательные знаки остроумным образом ставятся не только в конце предложения, а и перед ним, но в перевернутом виде: ¿ sabe vd. el castellano?);

10) кавычки (лапочки) употребляются для текстуального приведения чужой речи, чужих фраз и даже отдельных слов, которые пишущий не считает своими (специфическая интонация);

11) скобки обозначают, что мысль, в них приведенная, совершенно выпадает из общего хода речи, что выражается иной высотой тона того, что произносится в скобках.

Черточка (иначе дефис), пробел между словами, апостроф хотя и являются дополнительными письменными знаками, но собственно не относятся к знакам препинания, так как не имеют отношения к фразовой интонации. Из них пробел не требует объяснений; черточка, или дефис, присоединяет частицы, не могущие быть употребленными отдельно, а также слова, потерявшие свою самостоятельность; апостроф выражает пропуск буквы, нормально пишущейся в данном слове [Щерба 1935: 374].

Целью индивидуально-авторского применения и комбинирования пунктуационных знаков является передача на письме тончайших смысловых и эмоциональных оттенков высказывания, однако такое варьирование основывается на пунктуационной системе языка или нормативном употреблении знаков препинания, предполагающем соответствие их системных свойств и синтаксической ситуации в контексте.

Авторы художественных произведений острее других носителей языка ощущают недостаточность пунктуационных знаков для воспроизведения мелодико-интонационного богатства устной речи, что является основной предпосылкой для поиска новых выразительных средств, обеспечивающих восприятие текста, адекватного «внутреннему», авторскому звучанию.

В связи с этим, начиная с XIX века, наблюдалось несколько попыток пополнить систему пунктуационных знаков французского языка новыми элементами. Так, исследователи приводят в пример французского публициста Алькантера де Брама (придумал знак иронии), Рэмона Кено (предложил знак возмущения, подобный перевернутому восклицательному знаку). Эрве Базена (придумал целую систему знаков: знак сомнения, похожий на вопросительный знак; знак уверенности или веры, напоминающий крест; знак одобрения, похожий на символ победы латинскую букву V; знак любви – два переплетенных вопросительных знака в форме сердца; знак власти), Ж. Марузо (в своем труде «Prucis de stylistique française» упоминал попытки ввести полузапятую и вопросительную запятую). Однако ни один из этих знаков не закрепился во французской пунктуационной системе.

В современной лингвистике при анализе пунктуационных систем разных языков сохраняется традиция выделения двух типов пунктуации, предложенная.

Традиционно считается, что первый тип пунктуации, немецкий, представляет собой строго регламентированную систему, в то время как второй, французский тип, является более гибким, свободным, в связи с чем, допускается ее варьирование, широко используемое различными авторами. В этой связи лингвисты говорят о понятии «авторская пунктуация».

Знаки препинания, в современном их применении, являются совокупностью обозначений, внутренне связанных устойчивыми, «осмысленными» отношениями, закономерно проявляющимися на письме [Валгина 2003: 239]. Несмотря на графическую универсальность пунктуационных знаков, правила их употребления в разных языках совпадают не полностью, что обусловлено «компромиссным характером» самого окружающего нас мира.

Как показывает практика перевода с французского языка, пунктуация представляет собой проблему. Пунктуационные знаки относятся к невербальным, однако, одни входят в систему средств языка и в связи с тем, что системы языков различаются, пунктуация может представлять собой переводческую проблему.

В. А. Нуриев пишет, что французский переводчик вынужден ретушировать стилевую яркость не только в отношении лексики, путешествие из языка в язык гораздо больше изменяет синтаксис, - а французский синтаксис авторитарен, он не терпит насилия. В итоге переводчик постоянно находится в поиске компромисса между русским текстом, который, в понимании француза, подчас почти непотребен в своей свободе словесно выстраивать мысль, и между этой ригидностью усредненного читателя. Положение становится просто бедственным, когда речь заходит о пунктуации.

Русский текст часто изобилует пунктуационными знаками, которые, оказывается, совсем не легко вписать в переводной французский вариант, где в предложении, какой бы протяженности оно ни было, может быть лишь одно двоеточие, одна точка с запятой. Что касается тире, то французскому языку оно чуждо, а единственное его значение, признаваемое французскими коллегами, – экспликативное – с легкостью передает более родной им знак: двоеточие.

Французский глаз, как показывает Нуриев, отказывается воспринимать тире: оно нарушает плавную последовательность письменной речи. Кроме того, случается, что и восклицательный знак «сопротивляется», отказываясь переводиться на французский. Аргументация: француз, описывая сходные ситуации, не стал бы специально обозначать восклицания [Нуриев 2008: 28].

Для полного понимания сути пунктуации конкретных языков, для проведения сопоставительного исследования функционального потенциала пунктуационных знаков в текстах на двух или более языках необходимо уточнение общих принципов, лежащих в основе пунктуационных систем сравниваемых языков. Общим для этих систем является тот факт, что в пунктуация выступает средством выражения отношений между отдельными членами предложения в центре. В центре пунктуация оформляет то, что отражает мышление. Однако существует периферия, на которой различий всегда больше, чем в центре. Все то, что лежит на периферии (авторская пунктуация) особенно сильно чувствуется при переводе.

Помимо решения задачи выявления сходств и различий качественного характера, при обнаружении полной или частичной тождественности в употреблении знаков препинания в текстах на разных языках особое внимание в ходе сопоставительного изучения должно быть уделено такому фактору, как «мера привычки пользоваться пунктуационными знаками во всем объеме, предоставляемом правилами пунктуации» [Николаева 1979: 12].

Кроме того, необходимо принимать во внимание, что в текстах на французском и русском языках один пунктуационный знак может быть использован с различным назначением (полифункциональность знаков препинания); в то же время разные знаки могут ставиться для одной и той же цели (синонимия пунктуационных знаков) [Розенталь 2001: 337]. Оба эти обстоятельства позволяют в условиях

контекста производить интроспективный анализ функционирования одного знака препинания в сравнении с действием других пунктуационных средств в окружении того же состава вербальных единиц.

Несмотря на графическую универсальность знаков препинания французского и русского языков, в результате исторического развития основополагающим для пунктуации русского языка стал конструктивно-синтаксический принцип, тогда как ведущим для французской пунктуации остается коммуникативно-синтаксический принцип.

ЛИТЕРАТУРА

- Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
 Николаева Т. М. Современная русская пунктуация. – М.: Наука, 1979. – 182 с.
 Нуриев В. А. Синтаксические и пунктуационные преобразования в переводах русской классики на французский язык (в зеркале метапереводческой рефлексии) // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 2. – С. 28–34.
 Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Астрель, 2001. – 621 с.
 Щерба Л. В. Пунктуация // Литературная энциклопедия. – М., 1935. – т. IX. – 366 с.

УДК 81'33

Особенности научно-технического перевода в области медицины

ШРАМКО М. И.

Северо-Кавказский государственный университет (г. Ставрополь)

Аннотация. В современном мире осуществляется активное сотрудничество и международный обмен опытом в сфере медицины и здравоохранения. В связи с этим становится актуальным выполнение качественного перевода медицинской литературы с учетом специфических особенностей данного вида переводческой деятельности.

Ключевые слова: аббревиатура, сокращение, синонимия, анатомические термины, латинская медицинская терминология.

Specific Issues about Technical Translation in Medicine

SHRAMKO M. I.

North Caucasus Federal University

Abstract. In the modern world there is extensive collaboration and international exchange of experience in the field of medicine and healthcare. In this regard, the implementation of high-quality translation of medical literature with regard to the specific features of this type of translation activities is of particular topicality.

Keywords: abbreviation, shortened word, synonymy, anatomic terms, Latin medical terminology.

Мировые глобализационные процессы ставят перед человеком новые проблемы и задачи, требуют дальнейшего развития профессиональных знаний и умений. В современном мире осуществляется активное сотрудничество и международный обмен опытом в сфере медицины и здравоохранения. В связи с этим актуальное значение приобретает выполнение качественного перевода медицинской документации [Гуменюк, Дабагян 2012: 1].

Медицинский перевод – это перевод с одного языка на другой специализированных медицинских публикаций и текстов частного характера, содержание которых непосредственно связано со здоровьем

человека. Особая позиция данной категории специализированных переводов определяется важностью любой переводимой информации, повышенным требованиям к точности перевода и соблюдению конфиденциальности частных сведений, а также ярко выраженной неоднородностью используемой терминологии.

Язык медицины привлекает в последнее время многих лингвистов-практиков и считается одной из разновидностей языка для профессиональных или специальных целей (LSP – Language for Special Purposes). Английские аббревиатуры ESP (English for special purposes) и LSP укоренились и у нас, и за рубежом. Они всем известны и удобны в употреблении, в связи с отсутствием соответствующих отечественных аналогов, их часто используют и в публикациях на русском языке.

Предметом перевода медицинских текстов могут быть:

- эпикризы, протоколы диагностических исследований или проведенных операций, сводки результатов лабораторных тестов, функциональных исследований;
- информация для пациентов и/или врачей;
- листки-вкладыши к медикаментам (инструкции по применению), рекомендации по лечению;
- публикации о деятельности медицинских учреждений и научные статьи по различным разделам медицины.

Всего насчитывается около 40 основных разделов медицины (например, «хирургия», «терапия», «акушерство и гинекология», «педиатрия», «урология») не говоря уже о подразделах и тем более о конкретных специализированных направлениях.

Несмотря на огромную востребованность медицинского перевода, переводчиков, желающих освоить медицинскую специализацию, не так уж и много. Данное обстоятельство объясняется следующими причинами:

- медицинский перевод требует от переводчика полной отдачи и концентрации. Медицинский перевод должен исключать всякую двусмысленность, а значит, требует от переводчика большого опыта, ориентации в медицине и предельной внимательности;
- перевод медицинских текстов, как никакая иная сфера перевода, подразумевает плотную работу со словарями и справочниками. Даже если переводчик прекрасно владеет родным и иностранным языками, ему приходится осуществлять перевод многочисленных сокращений и латинских терминов. Именно поэтому медицинский перевод невозможен без работы со вспомогательными материалами, что значительно снижает темп перевода медицинских текстов и соответственно влияет на производительность переводчика и размер его вознаграждения;
- переводчик должен обладать соответствующим объемом знаний в области медицины. Однако в случае затруднений необходим плотный контакт с врачами-консультантами, которые помогут правильно понять медицинский текст и избежать ошибок в переводе;
- наличие рукописных вариантов медицинской документации, часто неразборчивых, с большим количеством сокращений и латинских терминов, каждый из которых чрезвычайно важен для общего понимания документа, корректной диагностики и лечения.
- психологические проблемы при переводе материалов о болезнях.

По классификации медицинского перевода, данной кандидатом филологических наук В. М. Васиной, медицинский перевод, как и любой другой, разделяется на письменный и устный. Устный перевод представлен профессиональным, полупрофессиональным и наивным языками общения, для чего важны характер ситуации, специальное образование участников коммуникации и владение терминологией. Наивный уровень представлен языком повседневного общения, поскольку участники коммуникации не имеют отношения к медицине, и представлен бытовыми разговорами о самочувствии. Для профессионального уровня характерно употребление определенных лексических единиц и синтаксических конструкций, характерных и для письменного медицинского перевода. Это язык конференций, конси-

лиумов, презентаций, докладов и т. д. На полупрофессиональном уровне (общения врача с пациентом) эффективность коммуникации снижена тем, что один из ее участников к медицине не относится, и соответственно устанавливаются барьеры для общения, среди которых: семантический, коммуникативный, психологический, культурный, стилистический.

Письменный перевод подразделяется на перевод медицинской документации, такой как история болезни, медицинская справка, рецепт, амбулаторная карта, операционный журнал, процедурная карта, направление и т. д., и перевод научных исследований, то есть таких документов, как статьи, рецензии, описания исследований, случаев из практики в специализированной литературе, отчеты, учебные пособия и т. д. Для него характерны деперсонализация, косвенный характер языкового выражения, отсутствие эмоциональной личностной оценки и категоричность суждений. Данное исследование основывается именно на материалах клинических исследований, то есть исследований, которые проводятся с участием людей.

Устная форма научной речи неразрывно связана с письменной. Помимо произношения, владения голосом, эффективность восприятия медицинского сообщения находится в зависимости от того, насколько текст насыщен словосочетаниями, которые целиком декодируются [Васина 2004: 7–11].

Медицинский перевод характеризуется такими особенностями, как специализированная медицинская терминология, медицинские аббревиатуры и сокращения. Дополнительная сложность состоит также в том, что ежегодно медицинская лексика пополняется сотнями новых наименований, а ранее употребляемые слова и выражения могут приобретать новое значение. Особенно большое количество названий появляется для обозначения новых методов диагностики и лечения больных. Активно расширяется лексикон специализированных областей медицины (радиология, рентгенология, иммунология, онкология). Возрастает также количество новых названий медицинских препаратов и материалов.

При переводе медицинских текстов следует учитывать анатомические термины. В настоящее время существуют более 8 тыс. анатомических понятий (областей тела, органов и их частей), для обозначения которых медики всего мира пользуются специальными терминами Международной анатомической номенклатуры (*Nomina Anatomica*).

История создания универсальной анатомической терминологии исходит своими корнями в эпоху античности. Результатом исторического развития явилось параллельное существование различных номенклатурных обозначений одного и того же понятия. В отношении анатомии человека действует как новейшая Международная анатомическая терминология (*Terminologia Anatomica*, 1998), так и Базельская анатомическая номенклатура (*BNA*, 1895), Йенская анатомическая номенклатура (*JNA*, 1935) и Парижская анатомическая номенклатура (*PNA*, 1955).

В основу каждой из этих номенклатур положен латинский язык с использованием около 600 основных понятий латинского (большей частью) и греческого (около трети всех понятий) происхождения. Склонение и словообразование подчиняются правилам «мертвого» латинского языка, являющегося исторически сложившимся фундаментом создания и развития анатомической номенклатуры. Однако считающаяся неизменной «медицинская латынь» также попала под влияние широкого распространения англицизмов в научном мире. Так, например, существует тенденция замены написания «ое» и «ае» в номенклатурных названиях на простое «е» (*Oesophagus* – *Esophagus* для обозначения пищевода). Способы образования номенклатурных терминов, правила их склонения и сокращения описываются подробно в трудах, посвященных Международной анатомической номенклатуре и ее применению.

Преимущественное использование современного варианта какого-либо термина не исключает при этом то и дело встречающиеся в различных источниках более старые названия. Сложность заключается также и в том, что ежегодно арсенал медицинской лексики пополняется сотнями новых наименований. Особенно велик прирост названий для новых методов диагностики и лечения больных. Активно расширяется лексикон таких стремительно развивающихся узких областей медицины, как радиология и

рентгенология, иммунология и онкология. Количество онкологических терминов, к примеру, составляет на сегодняшний день более 35 000.

Медицинская лексика в значительной мере имеет интернациональный характер. Однако некоторые интернациональные термины могут иметь разное значение в русском и иностранном языке (более узкое, более широкое или даже вообще иное), и для медицинской сферы больше, чем для любой другой актуальна проблема «ложных друзей переводчика». В связи с этим переводчик медицинских текстов должен настолько четко ориентироваться в предмете, чтобы уверенно выявлять неоднозначные термины и выражения и правильно определять их трактовку. Одним из аспектов использования медицинской терминологии является, помимо навыков работы с Международной анатомической номенклатурой, также свободное владение топографическими ориентирами, плоскостями и осями, применяющихся при описании морфологии.

Следует учитывать, что международные термины могут иметь разное значение в английском и русском языках: например, термин *cellulitis* – обозначает не «целлюлит» как воспаление подкожно-жировой клетчатки, а флегмону; *potent pathogen* (о бактерии) – не «потенциальный», а мощный патоген, то есть не условно-патогенный микроорганизм. *Symptomatic* может означать не только симптоматический, но и с клиническими проявлениями, например: *symptomatic hypertension* – артериальная гипертония с клиническими проявлениями, а не «симптоматическая артериальная гипертония», но *symptomatic therapy* – симптоматическая терапия. *Mutilation* – на самом деле увечье, а вовсе не мутилиция, под которой понимают отторжение некротизированной части тела или органа. *Hemeralopia* – это дневная слепота, в отличие от гемералопии, или ночной слепоты. *Nephrotic syndrome* – это и нефротический синдром (протеинурия + гипоальбуминемия) и болезнь (липоидный нефроз, или болезнь минимальных изменений). Иногда *nephrotic syndrome* присутствует в обоих значениях в одном абзаце. *Mediterranean fever* – это и бруцеллез, и периодическая болезнь (наследственное заболевание, характеризуется приступами болей среди полного здоровья).

Кроме того, одни и те же понятия могут иметь разные названия в зависимости от языка и региона. Например, такой термин, как «анализ крови» можно перевести на английский язык несколькими способами: *blood test* и *blood analysis*, хотя британские и американские врачи употребляют специальный термин *complete blood count (CBC)*, о чем не сказано ни в одном словаре.

Еще одна проблема – это обилие в медицинских документах специфических сокращений и аббревиатур. Сокращениями часто обозначаются названия медицинских процедур (УЗИ, ЭКГ, ФЛГ), названия некоторых болезней (СПИД, ДЦП, ТБЦ, МДП), наименования возбудителей инфекционных заболеваний (ВИЧ), названия лекарств и медицинских препаратов.

Кроме того, русский язык значительно отстает в количественном отношении аббревиатур: то, что называется термином в русском языке, в английском языке превращается в аббревиатуру, например:

LK – *left kidney* – левая почка;

RK – *right kidney* – правая почка;

LN – *liquid nitrogen* – жидкий азот.

Другой пример: привычно применяемая врачами-офтальмологами аббревиатура OD, расшифровываемая как *oculus dexter* (правый глаз), в других случаях может обозначать как «профессиональное заболевание» (*occupational disease*), так и «пациент с передозировкой лекарства» (*patients with overdose of some drug*). И это не все возможные значения для OD. В таких случаях следует руководствоваться контекстом или попробовать найти похожий документ с приведенными расшифрованными сокращениями и аббревиатурами [Травкина 2012: 36].

Особую сложность для медицинских переводов составляет проблема синонимов. Иногда одно и то же понятие выражается десятком слов. Например, в английском языке слово «опухоль» обозначается терминами «*tumor*», «*mass*», «*growth*», «*swelling*», «*neoplasm*», «*formation*», «*blastoma*». Медицинскому

переводчику необходимо уметь ориентироваться в синонимическом ряду, поскольку речевая практика предпочитает употреблять научные термины-синонимы в общении с коллегами-медиками, а слова профессионально сниженного характера – в разговоре с больными. Например, в общении с больным врач употребит словосочетание «вздутие живота», тогда как в профессиональном кругу предпочтет термин «метеоризм». Это необходимо учитывать и при переводе.

Нельзя обойти вниманием и многочисленные профессиональные словосочетания – «клише», которые переводчик должен уметь узнавать и переводить такими же устойчивыми речевыми штампами, без чего коммуникация на профессиональном уровне будет затруднительна. Например, термины «сухое» сердце, «*dry*» *heart* конкретны, лаконичны и понятны соответственно медикам, говорящим на русском и английском языке. Они позволяют избегать сложных грамматических конструкций, что немаловажно, если учесть специфику деятельности медицинских работников. Таким образом, сложность медицинского перевода заключается в огромном и стремительно растущем словарном составе медицины, обилии синонимов и идиоматичности профессионального медицинского языка.

Помимо вышеперечисленных трудностей, медицинские тексты, предоставляемые для перевода, отличаются также своеобразным построением предложений (грамматические отношения между словами становятся ясными лишь при учете смысла), структурой предложения (проблема определения логического ударения в предложении), также возможно неудачное построение предложений, избылиующих развернутыми определениями, затрудняющими установление связи между словами [Марковина 2002: 26].

Результатом попыток переводчиков, специализирующихся на переводе медицинских текстов, объединить разрозненные системы обозначений как анатомических структур, так и разнообразных методик и технических элементов является создание самодельных словарей целевого назначения. Прикладные варианты таких словарей, являясь плодом многолетнего самоотверженного труда, не ставят перед собой задачу углубления в этиологию понятий и предполагают определенный уровень лингвистической подготовки, и без того требуемый для успешной переводческой деятельности. Каждый переводчик, работающий с медицинскими текстами, должен свободно ориентироваться в единицах измерения, используемых в лабораторной медицине разных стран, и, в случае потребности, производить перерасчет соответствующих показателей в более популярную систему единиц (чаще всего в СИ). Особые требования к точности медицинского перевода предполагают в качестве обязательного условия поддержание обратной связи переводчика с заказчиком и автором исходного текста. Лишь непосредственный контакт дает возможность уточнения смысла неясных или неоднозначных определений, а также выявления возможных опечаток и их исправления.

Качественный во всех отношениях грамотный и точный перевод медицинских текстов могут обеспечить лишь малочисленные специалисты:

- квалифицированные (имеющие основательную естественнонаучную подготовку, использующие в своей деятельности научный подход и имеющие многолетний опыт работы в данной сфере);
- владеющие алгоритмом поиска редких терминов;
- разбирающиеся в медицинской тематике;
- обладающие безукоризненной языковой грамотностью;
- занимающиеся постоянной самоподготовкой [Самойлов 2006: 57].

Таким образом, медицинский перевод занимает особое положение среди других видов научно-технического перевода, так как имеет непосредственное отношение к жизни человека, его здоровью, а также к соблюдению прав индивидуума. Для получения качественного перевода медицинской литературы необходимо знать специфические особенности этого вида переводческой деятельности.

Медицинский перевод становится все более и более востребованным в связи с развитием медицины как науки и с международным сотрудничеством врачей.

ЛИТЕРАТУРА

- Ажигитов Г. Н. Англо-русский медицинский словарь. – М.: Русский язык. – 1988. – 836 с.
Англо-русский медицинский энциклопедический словарь / Под ред. акад. Чучалина А. Г. – М., 1995. – 902 с.
Борисова Л. И. Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода. – М., 2001. – 248 с.
Васина В. М. Акцентное оформление терминологических словосочетаний в английском медицинском дискурсе: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Иваново, 2004. – 19 с.
Гончаров Б. А. К вопросу о типологии и переводе сокращений в англоязычной научно-технической литературе // Теория и практика перевода. – Киев, 1991. – Вып. 17. – С. 21–28.
Гуменюк З. В., Дабаган И. М. Особенности перевода медицинских текстов // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. – 2012. – С. 40–48.
Зубова Л. Ю. К вопросу об особенностях и трудностях перевода английских медицинских сокращений // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 2. – 2005. – С. 32–29.
Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс). – М.: Высш. шк., 1970. – 240 с.
Марковина И. Ю., Громова Г. Е. Английский язык. Грамматический практикум для фармацевтов. Рабочая тетрадь. – М., 2006. – 81 с.
Рябцева Н. К. Научная речь на английском языке. – М., 2000. – 120 с.
Самойлов Д. В. О переводе медицинского текста. – М.: Практика, 2006. – 224 с.
Hughes H. K. Dictionary of Abbreviations in Medicine and the Health Sciences. – Lexington, 1977. – 488 p.

УДК 811.111

Межъязыковая эквивалентность фразеологических единиц с компонентом «одежда» в английском и татарском языках

ЮСУПОВА А. Г.

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет (г. Казань)

Аннотация. В статье раскрывается понятие межъязыковой эквивалентности на примере фразеологических единиц с компонентом «Одежда» в разноструктурных языках. Нами были рассмотрены полные и частичные эквиваленты и аналоги ФЕ в английском и татарском языках.

Ключевые слова: фразеологическая единица, полный эквивалент, частичный эквивалент, полный аналог, частичный аналог.

Interlanguage Equivalence of Phraseological Units with “Clothing” Component in the English and Tatar Languages

YUSUPOVA A. G.

Kazan (Volga region) Federal University

Abstract. The article reveals the notion of interlanguage equivalence. We deal with the analysis of full and partial phraseological equivalents and analogues in the English and Tatar languages (a study of the “clothes” phraseosemantic field).

Keywords: phraseological unit, full equivalent, partial equivalent, full analogue, partial analogue.

В современной лингвистике становится все более актуальным изучение родного языка в сопоставлении с иностранным. Суть таких исследований заключается «в отыскании и определении изоморфных явлений» в разноструктурных языках [Тарасова 1999]. Предметом нашего исследования являются устойчивые сочетания слов английского и татарского языков с компонентом «одежда». Сопоставительный анализ устойчивых выражений представляет собой интерес как с точки зрения разработки теории

фразеологии, так и для изучения общих и отличительных закономерностей исследуемых языков. Кроме того, выбранный нами аспект – фразеосемантическое поле «одежда» – дает возможность для более глубокого лингвокультурного анализа исследуемых наций. Ведь именно фразеологическая и паремиологическая система языка является отражением самобытности и национально-культурного колорита того или иного народа и представляет собой словесно выраженные «стереотипы народного сознания, являясь формой существования традиционной этнической культуры» [Маслова 2001: 43].

Существуют различные точки зрения относительно понятия «фразеология». Некоторые лингвисты считают, что она изучает только фразеологические единицы языка, а пословицы и поговорки образуют самостоятельную отрасль лингвистики – паремиологию. По мнению других, паремиология является частью фразеологии. В своем труде «Курс фразеологии современного английского языка» А. В. Кунин рассматривает их как класс коммуникативных фразеологических единиц [Кунин 1996: 176]. Мы, в свою очередь, придерживаемся последней точки зрения и в своей работе под устойчивыми выражениями будем подразумевать фразеологические и паремиологические единицы (пословицы и поговорки).

В компаративистике, как и в переводоведении, эквивалентность является одним из фундаментальных вопросов. Фразеологический эквивалент – это ФЕ на языке перевода, по всем показателям равноценная переводимой единице [Артемова 2009: 138].

На основе компонентной теории тождества/различия семной структуры фразеологического значения сопоставляемых ФЕ Е. Ф. Арсентьевой [1989] выделены следующие типы межъязыковых отношений:

- 1) фразеологические эквиваленты (полные и частичные);
- 2) фразеологические аналоги (полные и частичные);
- 3) безэквивалентные ФЕ.

В данной работе мы попытаемся выявить степень межъязыковой эквивалентности фразеологизмов с компонентом «одежда» в английском и татарском языках.

Полные эквиваленты – это эквиваленты, в большинстве своем являющиеся моноэквивалентами английских ФЕ, совпадающие с ними по значению, по лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре. Например: *throw down the glove* – *пирчаткә ыргыту* – *бросить перчатку*; *an empty pocket* – *кесә буш* – *пустой карман* = *безденежье*; *black coat* – *кара тун* = *черная сутана, священник*.

Как видно из примеров, полных фразеологических эквивалентов сравнительно немного, что, вероятно, можно объяснить тем, что сопоставляемые языки являются разноструктурными.

Частичный эквивалент не означает какой-либо неполноты в передаче значения, а лишь содержит лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения при наличии одинакового значения одной и той же стилистической направленности. Поэтому частичный эквивалент по степени адекватности перевода равноценен полному эквиваленту. А. В. Кунин подразделяет их на два вида: частичные лексические и частичные грамматические эквиваленты.

Частичные лексические эквиваленты – это эквиваленты английских фразеологизмов, совпадающие по значению, стилистической направленности (грамматическая структура может как совпадать, так и не совпадать), но несколько расходящиеся по лексическому составу и образности. Например: *in one's birthday suit* – *Адам Галәйһиссалам киemenдә / Һәва киemenдә* = *в чем мать родила, в костюме Адама/Евы*; *chabataga utyrtu* (досл. *посадить в лапти*) – *посадить в галошу*; *dressed (up) to kill* (разг.) – *фырт киенгән* = *шикарно, щегольски одетый, расфранченный, разряженный в пух и прах, одетый с иголки*; *Sunday-go-to-meeting clothes* – *кешелек күлмәк* = *лучшее нарядное платье*. В данных фразеологических единицах варьируются именные компоненты со значением «одежда». Однако эти расхождения в лексическом составе не влияют ни на образное значение, ни на функциональные особенности ФЕ.

К частичным грамматическим эквивалентам относятся эквиваленты английских фразеологизмов, совпадающие с ними по значению, стилистической направленности и образности, но отличающиеся

числом, в котором стоит существительное, или порядком слов. Например: *hit smb's pocket* – бить по карману – кесәгә сугу; *to line one's pockets* – набивать карман – кесә калынайту / симерту; *a white-collar worker* – ак якалар = «белый воротничок», служащий; *near is my shirt, but nearer is my skin* (посл.) – үз күлмәгем үземә якын, тирем аннан да якын = своя рубашка ближе к телу; *not fit (worthy) to black (blacken) smb's boots* – аның итек табанына да ярарлык түгел = в подметки не годится кому-либо; *know smb. since he was in petticoats* = знать с пеленок. – биләүдә чактан ук = с пеленок. *Roll one's sleeves up* = засучить рукава. – Жиң сызганып = засучив рукава. *Clothes do not make the man* (посл.) – Кешене кием бизәми, кеше киемне бизи. = Одежда не красит человека. Как видно из примеров, в данной группе фразеологических единиц различия касаются порядка слов и компонентного состава, грамматических форм глагола и существительного, а также наличия в английской ФЕ специфичного для английского языка местоимения «one's» и «smb's».

К межъязыковым фразеологическим аналогам относятся ФЕ, выражающие одинаковое или близкое значение, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы.

Полные фразеологические аналоги совпадают по значению, но различаются в плане выражения. Например: *give the shirt off one's back* (снять с себя последнюю рубашку) – актык ыштаным салып бирү (снять с себя последние штаны) = отдать последнее, что имеешь; *be pinned (tied) to one's mother's etc. apron-strings* – әнисенәң итәгенә ябышып йөрү = держаться за юбку матери; *All dressed up*. – Әле генә энәдән төшкән кием кигән. = одеться с иголки. *To go cap in hand* – алдында бүрек салу = ломать шапку, обращаться к кому-то за помощью, идти с поклоном. *A clean glove often hides a dirty hand* (Ам.). – Тышы – жылән, эче – елан (досл. Снаружи – джиян (пальто), изнутри – змея). = Рубашка бела, да душа черна. *Head over heels* – Башка - ыштан, аякка - бүрек (досл. ~ на голову - штаны, на ноги - шапку) = Вверх тормашками, наоборот. *You can't judge a horse by its harness, nor people by their clothing* (Ам.). – Киеменә бакма, өстенә бакма, эчендәге жанга бак. = Не суди об арбузе по корке, а о человеке – по платью. *The cap fits*. – Каракның бүреге яна. = Наворе шапка горит. *Dressed up to the nines* – Чук кебек итеп киеп = нарядный, разодетый в пух и прах, одетый с иголки, расфранченный, расфуфыренный. *To fit like a glove*. – Чабатасына күрә олтырагы. = По Сеньке и шапка. *You can't put thanks into your pocket*. – Коры рәхмәт белән тун тегеп булмый. = За спасибо шубу не сошьют. *Not to have a shirt to one's back*. – Бер күлмәк белән калу (досл. ~ остаться в одной рубашке). = Внасть в крайнюю нищету. *He who makes shoes goes barefoot*. – Итекченәң итеге юк, читекченәң читеге юк. = Сапожник ходит без сапог. *Shoe a goose (gosling)* – чабата сатып йөрү = тратить время попусту. *Foppish dressing tells the world the outside is the best of the puppet* (Br.). – Ефәк кием кию белән һич файда юк, эчәң булса тузып беткән чүпрәктәй. = Сверху мило, снизу гнило.

Как видно из примеров, данная группа ФЕ с компонентом «одежда» является доминирующей, и это вполне объяснимо, ведь исследуемые нами языки являются разноструктурными, поэтому в плане выражения ФЕ различаются. С другой стороны, обилие ФЕ с одним и тем же значением свидетельствует о том, что в татарском и английском языках стереотипы народного сознания во многом совпадают, несмотря на то, что они являются генетически не родственными.

Частичные фразеологические аналоги – это ФЕ с приблизительным значением, разной структурно-грамматической организацией и разным компонентным составом. К ним можно отнести: *Don't throw away old shoes till you've got new ones* (Br.). = Не выливай помоев, не приготовив чистой воды (посл.). – Яңа колакчын булды, дин, искесен утка якмыйлар (досл. ~ приобрел новую ушанку, старую в огонь не бросают). *A fool wants his cloak on a rainy day* (Br.). = Гром не грянет – мужик не перекрестится. – Аяз көнгә карама, япанчаңны ала чык (досл. ~ не смотри, что день ясный, возьми с собой плащ). *Old shoes wear best* (Ам.). = Старый друг лучше новых двух. – Иске бүрек карга куркылыгына ярый (досл. ~ Старая шапка годится в огородное пугало). *To cut the apron strings* = стать независимым от кого-л.,

выйти из попечения (родителей). – Яканы ычкындыру (отпустить воротник) = дать свободу. To trail one's coat = держаться вызывающе. – Ыштансыз кылану (досл. ~ остаться без штанов) = нести себя нахально, безобразно. To smudge one's own shoes = испортить, запятнать свою репутацию. – Үзе адәмлектән, киеме киемлектән чыгу. = потерять достоинство. Данная группа ФЕ позволяет нам сделать вывод о том, что в сопоставляемых языках много фразеологизмов, которые очень близки по значению. Это также говорит о наличии изоморфных явлений и общности взглядов на жизнь исследуемых наций.

От фразеологических эквивалентов следует отличать структурные псевдоэквиваленты, которые при полном или почти полном совпадении структуры обладают различными значениями. Например: put one's hand in one's pocket = платить, раскошеливаться, тратить деньги; – кесәгә керү (запускать руку в карман) = очистить карман, шарить по карману; lose one's shirt – 1) выйти из себя, рассердиться, вспылить; 2) потерять все до нитки, разориться; – кулмаге белән бер кат = наивный до предела. Подобные пары фразеологизмов с расходящимися значениями выступают как «ложные друзья переводчика».

Помимо соотносимых фразеологических комплексов с компонентом «одежда», встречаются и безэквивалентные ФЕ. Они представляют собой группу фразеологических сращений, обладающих какой-либо структурной особенностью (например, в состав может входить архаизм или словосочетание имеет устаревшее синтаксическое строение или словоформу) и не имеющих аналогов ни в структурном, ни в смысловом планах. Также причиной отсутствия эквивалента может быть особенная уникальная для фразеологической единицы модель, по которой произошел семантический сдвиг (например, фразеологизм обязан своим появлением какому-либо народному обычаю, характерному для одной из наций). Примерами могут послужить английские безэквивалентные ФЕ: the Black Belt (ам.) – «черный пояс», южные районы США, где преобладает негритянское население; a Green Beret (разг.) – «зеленый берет», прозвище английских, позднее американских десантно-диверсионных войск; Joseph's coat – разноцветная, богатая одежда; почетное одеяние; wear the King's (Queen's) coat (уст.) – служить в английской армии; red shirt – краснорубашечник, солдат из отряда Гарибальди, гарибальдиец; Prince Albert coat – длиннополый сюртук; old school tie – старые школьные связи, узы, связывающие выпускников одного привилегированного учебного заведения; the bloody shirt (амер.) – 1) уст. «окровавленная рубашка» (символ вражды между северными и южными штатами во время и после гражданской войны 1861-1865 гг.); 2) что-л. используемое для разжигания страстей (обыкн. употр. с гл. to wave). Татарские безэквивалентные ФЕ: Әдрәс бишмәт, теләсәң нишләт (не уместаться в правилах приличия); чүпрәк чикмән, тула тун (полная безвкусица); ука яулык – юка яулык (расшитый платок – тонкий платок) = тонкая работа; кызыл ыштан кидертү (досл. ~ одеть красные штаны) (эвф.) – делать обрезание; кыңгыр калфак кыюе белән (досл. ~ вся красота в умении одеть калфак (нац. головн. убор) набекрень); иске булса да, үз түбәтәем! (досл. ~ хоть и старая, но моя тюбетейка) и др. Как видно из примеров, безэквивалентные ФЕ с компонентом «одежда» в большинстве случаев носят исторический или этнографический характер.

Подводя итог вышесказанному, нужно отметить, что абсолютными эквивалентами фразеосемантического поля «одежда» является очень малая часть ФЕ. Следует признать, что татарские устойчивые выражения имеют больше эквивалентов в русском языке, нежели в английском, что объясняется многовековыми историческими и территориальными взаимосвязями данных языков. Частичные эквиваленты ФЕ в английском языке, которые имеют различия только в лексическом и грамматическом плане, встречаются больше, чем полные. Но достаточно большой удельный вес составляют фразеологические аналоги, имеющие одно и то же значение в обоих языках, что свидетельствует об общности взглядов на мир исследуемых наций, несмотря на то, что сопоставляемые языки не являются генетически родственными.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 126 с.
- Артемова А. Ф. Английская фразеология: Спецкурс. Учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2009. – 208 с.
- Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996 – 381 с.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
- Тарасова Ф. Х. Сопоставительный анализ фразеологических единиц английского и татарского языков с компонентами, относящимися к фразеосемантическому полю «пища»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sopostavitelnyi-analiz-frazeologicheskikh-edinit-angliiskogo-i-tatarskogo-yazykov-s-kompone>

УДК 81-22

Grammatical Transformation in Translation of American English Paremiological Units into Spanish Language

BASHIROVA M. A.

Kazan Federal University

Abstract. This article is devoted to the use of grammatical transformations in translation of American English paremiological units into Spanish. About 300 paremiological units taken from the “Poor Richard’s Almanac” by Benjamin Franklin and their translation into Spanish by León Felipe served as the material for the research. In the study, it was found that transposition was the most frequently used type of grammatical transformations in translation of American English paremiological units into Spanish.

Keywords: paremiological unit, grammatical transformation, transposition, substitution of the verb tense category, sentence fragmentation.

Грамматические трансформации при переводе паремиологических единиц американского английского языка на испанский язык

БАШИРОВА М. А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань)

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению использования грамматических трансформаций при переводе паремиологических единиц американского английского языка на испанский язык. Материалом исследования послужили около 300 паремиологических единиц, взятых из «Альманаха Бедного Ричарда» Бенджамина Франклина и их перевод на испанский язык Леона Фелипе. В ходе исследования было установлено, что изменение порядка слов явилось наиболее часто используемым видом грамматической трансформации при переводе паремиологических единиц американского английского языка на испанский язык.

Ключевые слова: паремиологическая единица, грамматическая трансформация, изменение порядка слов, замена категории времени глагола, членение предложений.

Proverbs are metaphorical sayings in the form of stereotyped and prefabricated patterns in a language which convey cultural concepts. They are also related to the background heritage of a nation and have been formed and used among the people throughout years. They are deeply rooted in people’s beliefs and thoughts which cannot be denotatively understood through their lexical or grammatical meanings. The translators should

deal with proverbial concepts and their pragmatic meanings based on source language and target language socio-cultural similarities and differences of the two languages.

B. Hatim and I. Mason proposed communicative translation to render socio-cultural and metaphorical elements of language. They believe that “translation is the negotiation of meaning between the producer of the SL (source language) text and the readers of the TT (target text), both of whom exist within their own different social framework” [Hatim and Mason 1997: 1]. L. G. Kelly suggests a functional approach which focuses on the typology of functions rather than the structures of SL and TL [Kelly 1979: 220]. Translating proverbs, the translator should know the linguistic, pragmatic and cultural properties of the proverbs in SL/TL corresponding to each other. Furthermore, each proverb conveys specific meaning in a specific context of situation. Therefore, a proverb should be rendered with care to carry the same cultural conventions in the original proverb. L. Wittgenstein believed that “the meaning of a word is its use in the language” [Robinson 2003: 128]. In other words, language is what people use in daily interactions in social contexts. In this case, dictionary meanings cannot be safe and the sole source for rendering a piece of a text into TL.

John Beekman and John Callow suggested three ways to translate a proverb as follows:

1. The words following the proverb could be introduced as the meaning of the proverb;
2. A proverb can be replaced with an equivalent local proverb; and
3. Non-figurative meaning of the proverb could be stated straight forwardly [Beekman and Callow 1974: 139].

M. Baker’s approach to translation equivalents focused on linguistic and pragmatic levels of equivalents.

Spanish scholar R. Marset says that the translation of paremiological units does not consist in a mechanic exercise of finding the definite equivalent, but in the creative and generative act in virtue of which a new text is produced that functions in the language and in the semiotic environment of the destination [Richart Marset 2007: 400].

A. V. Fedorov distinguishes 3 ways of translating paremiological units:

- 1) In some cases literal translation of proverbs is possible, if it conveys the substantial meaning of the words composing it and at the same time keeps its general meaning and character of the paremiological unit.
- 2) The other way of translating proverbs is to use translation transformations, that is to modify the meaning of certain component of the “word formula of the original”, which doesn’t lead to the full coincidence with existing paremiological unit of the target language, but which creates the impression of similarity with the existing proverbs of this category. This way is mostly used by the translators who tend to artistic and not the literal transfer of text. The investigations have proved that this method is the most productive, due to the fact that transformations help translators to approximate paremiological units of the original to the target language and recreate their stylistic coloring and aphoristic character even in very difficult cases from the translation point of view, not changing much their structure [Баширова 2014: 452].
- 3) The third way is to use in translation the paremiological units existing in the target language, if they don’t include any local or historical realities and do not contradict the meaning of the original. It is useful when there is a need to convey the paremiological coloring of the text [Федоров 1958: 232].

In the course of the investigation of the Spanish translations of the paremiological units taken from the “Poor Richard’s Almanac” [Franklin 1964] 300 most popular proverbs were chosen for the analysis. The paremiological units translated into Spanish were taken from the book “Autobiografía y otros escritos/seleccionados y arreglados por Carl van Doren” by León – Felipe published in Mexico in 1942 [Franklin 1942]. The reason of choosing this particular translation was the fact that the analysis of the Spanish translation of the paremiological units presented at online resources has shown that the majority of proverbs coincide in their form with those of this book. And although the sources are not provided on these electronic resources, it was presupposed that translations of León – Felipe are quite popular and up – to – date and therefore can freely be used in this research.

The analysis of the translation of “Poor Richard’s Almanac”’s proverbs into Spanish showed that in the majority of cases translator uses different kind of translation procedures, or transformations. In this article we are going to analyze grammatical translation transformations that we have encountered.

1. Transposition

English: The busy man has few idle visitors; to the boiling pot the flies come not.

Spanish: *El hombre atareado tiene pocos visitantes ociosos: a la olla que hierve no acuden las moscas.*

This example seems to be extremely interesting for the analysis. First of all, it is obvious that the word order the second phrase of the paremiological unit of the source language originally is changed on purpose. The correct word order for the English language would have been ‘the flies come not to the boiling pot’ that is subject – verb – object. The use of the inversed word order in the original already tells that Franklin wanted this phrase attract extra attention of the readers. In the translation the translator preserves the unusual word order of the source language proverb, but at the same time he changed the order of its verb and subject. Even though in Spanish language the word order is less fixed than it is in English, still it is quite unusual to hear such an expression even in Spanish, and it makes the paremiological units attract more attention, make it more aphoristic for the target language readers.

English: At the working man’s house hunger looks in but dares not enter.

Spanish: *El hambre pasa por delante de la casa del hombre laborioso, pero no se atreve a entrar en ella.*

In this example the use of the transposition in the first part of the paremiological unit in its translation to Spanish language. In the source language text Franklin puts the verb at the end of the phrase in order to make the opposition, expressed by the conjunction ‘but’ and the verb ‘dares’ following it, stronger. The translator changes the word order and moves the verb ‘pasa’ away from the second part of the proverb to which it is opposed to. In this situation the use of transposition seems to be quite inappropriate as it deteriorates the correct perception of the paremiological unit.

36 examples of the use of transposition in translation of paremiological units from English into Spanish were observed, which constitutes 12 % of the total number of the paremiological units analyzed in the research.

2. Substitution of the singular by the plural or vice versa

English: Necessity never made a good bargain.

Spanish: *La necesidad nunca hizo buenos negocios.*

In this example substitution of the singular noun of the source text by its plural analogue in the target language is observed. The reason why the translator uses such kind of transformation is because ‘hacer negocios’ is a fixed expression in Spanish language, in which the word ‘negocios’ has to be plural. The substitution of the number category of the noun in translation affects neither the meaning of the paremiological unit, nor its perception by the target language readers.

English: To whom thy secret thou dost tell, To him thy freedom thou dost sell.

Spanish: *A quein no le cuenta sus secretos, a ese no le venda su libertad.*

In this example the substitution of the singular noun of the source text by its plural equivalent in the target language text is supposed to be done in order to make the meaning of the paremiological unit more general and to underline this way its aphoristic character.

There were found 24 examples of the use of the substitution of the number category which constitutes 8% of the total number of paremiological units analyzed.

3. Substitution of the verb tense category

In the following example it is observed that the translator substitutes the tense category of the main verb of the paremiological unit. In source language proverb the future simple tense is used, while in the Spanish proverb it is changed to present simple. The use of this kind of transformation seems not to affect negatively

the meaning of the paremiological unit, on the contrary, in Spanish language the present tense is more often encountered in paremiological unit, and it is possible that the translator used it in order to make the proverb sound more general, more natural and more aphoristic in Spanish language.

English: The master's eye will do more work than both his hands.

Spanish: *El ojo del amo hace más trabajo que sus dos manos.*

English: What e'er's begun in anger, ends in shame.

Spanish: *Lo que empieza en cólera acaba en vergüenza.*

In this example the same tendency of the translator to use present simple is observed. The difference is that in the paremiological unit of the source language the verb is in Present Perfect tense, not future simple like it was in the previous example. Nevertheless, the verb tense category is not that important for the meaning of the whole expression, moreover, in the second part of the paremiological unit the verb is used in the present simple tense. Therefore, it seems to be absolutely appropriate to use present simple with both verbs in translation, again it is translator's preference to use this transformation the goal of which to make the proverb more aphoristic, make it sound more natural to the target language readers.

In the course of the research 15 examples of the use of the substitution of the verb tense category were found, which constitutes 5% of the total number of the paremiological units analyzed.

4. Sentence fragmentation

English: Sloth (like Rust) consumes faster than Labour wears: the used Key is always bright.

Spanish: *La ociosidad, como el moho, desgasta mucho más rápidamente que el trabajo. La llave que se usa constantemente reluce como plata.*

English: Up, Sluggard, and waste not life; in the grave will be sleeping enough.

Spanish: *¡Arriba, haragán! ¡No desperdicies la vida! Ya dormirás bastante en la sepultura.*

In both examples it can be observed that the American proverbs expressed by the complex sentences in the original are conveyed by the structures consisting of two simple sentences in the target language. This type of transformation, although it makes the understanding of the proverb easier, is thought to be quite unnecessary in this situation because it makes the paremiological unit in some way lose its aphoristic character. Though the proverb is quite long, it still should be perceived as a whole, and should not be divided into parts.

The use of sentence fragmentation was encountered only 9 times in our research, which constitutes just 3% of the total number of the paremiological units analyzed.

As a result of this research we found that transposition (12%) turned out to be used more frequently used type of grammatical transformations while translating American English proverbs into Spanish.

REFERENCES

- Баширова М. А., Мухаметзянова Л. Р., Гарипова Г. Р. Особенности перевода паремиологических единиц с английского языка на русский в трагедии У. Шекспира «Гамлет» // Вестник Казанского национального исследовательского технологического университета. – 2014. – № 24. – С. 446–452.
- Федоров А. В. Введение в теорию перевода: Лингвистические проблемы. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 376 с.
- Beekman J., Callow J. Translating the word of God – USA: The Zondervan Corporation for Summer Institute of Linguistics, 1974. – 412 p.
- Franklin B. Poor Richard's Almanack. – New York: The Heritage Press, 1964. – 268 p.
- Franklin B. Autobiografía, y otros escritos seleccionados y arreglados por Carl Van Doren; traducción del inglés por León – Felipe. – México: Nuevo munco, 1942. – 464 p.
- Hatim B., Mason I. Translator as communicator. – London and New York: Routledge, 1997. – 244 p.
- Kelly L. G. The true interpreter: A history of translation theory and practice in the West. – New York: St. Martin's Press, 1979. – 282 p.
- Richart Marset M. Los problemas de la traducción de las unidades fraseológicas // In: J. Martí Contreras (coord.). Didáctica de la enseñanza para extranjeros: Actas del I Congreso Internacional de Lengua, Literatura y Cultura Española, 2007. – pp. 395–404.
- Robinson D. Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation. – London: Routledge, 2003. – 301 p.

Aspects of Translating Realia

HORVÁTHOVÁ B.

Constantine the Philosopher University in Nitra (Slovakia)

Abstract. *The focus of the article is aimed at translating realia. First, the article discusses the theoretical issues of defining culture-bound, culture-specific, culturally loaded or equivalent-lacking words which are often considered as parallel terms. Further on, the term realia is explained and the development of classification of realia is presented. Finally, the techniques for translating realia are discussed and several studies involved in translating realia within various contexts are summarized.*

Keywords: *culture-bound words, realia, classification of realia, techniques of translating realia.*

Некоторые аспекты перевода реалий

ХОРВАТОВА Б.

Университет Константина Философа в Нитре (г. Нитра, Словакия)

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы перевода реалий. Даются определения ряду терминов, которые часто используются как синонимы, а именно: культурно-специфической лексической единице, культурно-маркированной лексической единице, а также безэквивалентной лексической единице. Далее объясняется термин «реалия» и дается ряд классификаций данного феномена. В заключение обсуждаются способы перевода реалий. Суммируются результаты нескольких исследований, касающихся перевода реалий в различных контекстах.*

Ключевые слова: *культурно-специфическая лексическая единица, реалия, классификация реалий, способы перевода реалий.*

Equivalent-lacking words vs. culture-bound words

Proshina differentiates between equivalent-lacking and culture-bound words [Proshina 2008: 116]. According to her equivalent-lacking words signify notions lacking in the target language and culture. They are sometimes called untranslatable words and are associated with culture-bound words or culturally loaded words. The term of culture-bound word is of narrower meaning than the term of equivalent-lacking word. A culture-bound word names an object peculiar to this or that ethnic whereas equivalent-lacking words include, along with culture-bound words, neologisms, i. e. newly coined forms, dialect words, slang, taboo-words, foreign (third language) terms, proper names, misspellings, archaisms, etc. Reasons for using equivalent-lacking words can be various: extralinguistic – lack of a similar thing in the target culture; lexical – lack of a corresponding one-word name for a thing in the target language or stylistic – difference in connotations. The issue of the translation of equivalent-lacking vocabulary is directly related to the existence of realia, i. e. knowledge and data about the life and culture of a certain community in a certain period and usually within the same geographic area.

Classification of realia

According to Leppihalme the term realia is Latin for ‘real things’ and in translation studies, is used to refer to concepts which are found in a given source culture but not in a given target culture [Leppihalme 2011: 126]. This is due to the fact that cultures construct reality in different ways. Leppihalme states also that realia are “lexical elements (words or phrases) that refer to the real world ‘outside language’” [Ibid. 2001: 139]. According to Florin, realia are words and combinations of words denoting objects and concepts characteristic of

the way of life, the culture, the social and historical development of one nation [Florin 1993: 123]. Since they express local and/or historical color they have no exact equivalents in other languages. Different definitions of realia result in different classification of realia.

Vlahov and Florin speak of realia using three categories: local aspect, temporal aspect and object aspect [Vlahov 1980]. According to the local aspect we differentiate domestic and foreign realia. Realia that are presented in original texts do not have to belong to the original culture. In this case we talk about foreign realia and divide them into international and regional realia. Domestic realia have got three subcategories and can be divided into national, local and microregional. The second important aspect in classification of realia is the temporal aspect. From temporal point of view, we differentiate realia: historical and recent realia. The third and widely spread aspect used in the classification of realia is object aspect. Vlahov and Florin [cit. Terestényi 2011] classify them in these categories:

1. *Geography* – physical geography, geographic objects tied to man's activity, endemic species;
2. *Etnography* – everyday life, work, art and culture, ethnic characterizations, measures and currency;
3. *Politics and society* – administrative divisions;
4. *Organs and functions*;
5. *Political and social life*;
6. *Military realia*.

Peter Newmark suggests for translators to respect culture of readers and their perception and recommends functional approach as an ideal for the translation of this category of words. Adapting Nida [1988: 95], he categorizes them into the following groups:

1. *Ecology* – flora, fauna, winds, plains, hills;
2. *Material culture (artefacts)* – food, clothes, houses and towns, transport;
3. *Social culture* – work and leisure;
4. *Organisations, customs, activities, procedures, concepts* – political and administrative, religious, artistic;
5. *Gestures and habits*.

However, many of the elements in Newmark's classification do not have their translation equivalents due to the strong dependence on the culture of the source language. In such cases we can talk of the existence of the so-called lacunae (lexical, grammatical, but also formal) which do not have an equivalent in the target language. Often it concerns the translation of idioms, gastronomy, titles and addresses, counties and differences arising from different legal systems.

Nedergaard-Larsen's [1993] understanding of realia is wider and she classifies them in a more extensive way:

1. *Geography, meteorology, biology* – mountains, rivers, weather, climate, flora, fauna;
2. *Cultural geography* – regions, towns, roads, streets etc.;
3. *History* – buildings: monuments, castles; events: wars, revolutions, flag days; people: well-known historical persons;
4. *Society* – industrial level: trade and industry, energy supply; social organization: defense, judicial system, police, prisons, local and central authorities; politics: state management, ministries, electoral system, political parties, politicians, political organizations, social conditions: groups, subcultures, living conditions, problems, ways of life, customs, housing, transport, food, meals, clothing, articles for everyday use, family relations;
5. *Culture* – religion: churches, rituals, morals, ministers, bishops, religious holidays, saints; education: schools, colleges, universities, lines of education, exams; media: TV, radio, newspapers, magazines; culture: leisure activities, museums, works of art, literature, authors, theatres, cinemas, actors, musicians, idols, restaurants, hotels, nightclubs, cafés, sports, athletes.

This kind of classification is well formulated but Tabačková and Gálová emphasize a need for a new approach to the classification of realia. The reasons are the changes in the world since 1990 when the classification was made and the development of technology which influences a new classification of realia. Media, entertainment, advertisement have also become an important part of realia. Tabačková and Gálová summarize these changes and facts in identifying culture-specific items and propose new categories according to the frequency of occurrence in contemporary literature [Tabáčková 2012: 122–123].

1. *Geography* – physical geography, territorial units, toponyms (towns, regions) administrative divisions, geographic objects tied to man's activity.

2. *Etnography* – everyday life (food and drinks, clothes and jewelry, houses, furniture, dishes, means of transport, greetings, brands, tools, others) art and culture (music, dance, musical instrument), literature (names of literary works, names of characters), other kinds of art, holidays, habits, mythology, folklore; ethnic objects (ethnonyms, nicknames, addresses), measures, money, weights (measure units, currencies, colloquial names).

3. *Politics and society* – media (television, television programmes, broadcasting, press, advertisements), political and social life (political activities, titles, offices, symbols, social groups and their characteristics), military realia (weapons, military units, equipment), famous people (performers, artists, sportsmen, politicians, others).

Another possibility is to group realia into the following types based on comparison of languages and cultures [Proshina 2008: 117–118]:

1. Unique culture-bound words, analogues, similar words with different functions, language lacunae of similar notions;

2. According to the semantic fields, culture-bound words are classified into: toponyms, or geographical terms, anthroponyms, or people's names, zoonyms, or animal names, social terms military terms, education terms, tradition and customs terms, ergonyms, or names of institutions and organizations history terms, words for everyday life (cuisine, clothing, housing, etc.), titles and headlines;

3. Based on the local coloring, their classification includes: exoticisms, barbarisms, i. e. words partially incorporated into a borrowing language;

4. Based on the time coloring, culture-bound words classification falls into the following groups: neologisms, historisms, or outdated words denoting realia that no longer exist and archaisms, or out-of-use words having synonyms in the modern language.

If we summarize the above outlined classifications of realia, it can be clearly seen what these words refer to. Thus the words that refer to beliefs, historical events, social customs, political life, symbols, food and drinks, geographical objects, media, everyday life, military realia, famous people, ethnic objects and culture and art of a specific country are considered realia or culture-specific items.

Techniques of translating realia

According to Adamová [2012: 10] *“the ideal model of translation process leads to the substitution of functional units of the source language through their equivalents in the target language. Regarding the trends in translation studies translators increasingly encounter obstacles related to the existence of the equivalent-lacking vocabulary.”* According to Jiří Levý, we can speak about a translation in a strict sense only within the professional terminology, which does not depend directly on the language and historical context [cit. Adamová 2012: 12]. It is then possible to find a clear equivalent, whereas in a special area, i. e. within close dependence on the language material and historical or national environment, a substitution or a transcription are more suitable techniques.

The most important in translating realia is the receptor's perception and reaction. A translator should be aware of the receptor's potential problems and, taking into account the receptor's background knowledge,

choose the best means of translation. Based on these requirements Tabačková and Gálová name translation techniques used in the translation of culture-specific or culture-bound items:

- Translation, including word-for-word translation (calque);
- Transfer;
- Transcription/Transliteration;
- Analogy;
- Generalisation in translation;
- Paraphrase;
- Omission;
- Editing techniques – endnote, footnote, explanation in the text [Tabačková 2012: 124].

Proshina points out that the most common techniques of translating culture-bound words are transcription, transliteration and calque translation [Proshina 2008: 118]. As compared with transcription and transliteration, calques are more convenient. But at the same time, calques can be misinterpreted by a receptor. An explicatory translation or editing techniques reveals a culture-bound word meaning in full. As already suggested, it can be made in commentaries (in-text and after-text), and in footnotes. Proshina [2008: 119] mentions a disadvantage of in-text notes which is distracting a receptor's attention from the main text. On the other hand after-text commentaries are not for a "lazy" reader. So the most convenient, probably, are footnotes which save a reader's time and effort.

Selected studies on translating realia within various contexts

Various authors devoted their attention to the translation problems of different culture-bound words or realia on general level or from highly specialized standpoints. This section describes six studies conducted on translating realia. The first study concentrates on the techniques of translating realia. The next three studies examine the translation of realia in literary works. The last two studies attempt to identify translation strategies used in the English translations of tourism brochures. For further studies which provide an overview of previous studies on translation problems, strategies and realia see Naukkarinen [2006].

Proshina focuses on the theory of translation and specifically on issues of translating realia e. g. people's names (anthroponyms), geographical terms (toponyms), names of institutions (ergonyms) and published editions [Proshina 2008: 116–125].

Naukkarinen concentrates in her study on examining translation strategies adopted in translating realia, i. e. culture-bound linguistic items. The English and German translations of the Finnish novel *Tuntematon sotilas* by Väinö Linna have been used as research material with the aim to find out wonder which culture, American or German is closer to Finnish culture [Naukkarinen 2006].

Tabačková discusses the translation of proper names in children's literature. She foregrounds the most frequent translation procedures used in the Arabic translation of *Winnie-the-Pooh* stories and states [Tabačková 2012: 125–126] that the decision of a translator depends not only on a specific text and its audience, but also on the target language culture as well as on its literary history and traditions.

Adamová [2012] conducted a research into the translation of Slovak culturally-loaded lexis into English on the basis of Peter Petro's English translation of the Slovak novel *Rivers of Babylon* by Peter Pišťanek. She stated that the results of the research revealed a predominance of stylistic substitution and explication that led to a partial simplification of the stylistic value of the original text.

Terestény [2011] discusses and describes the different translation techniques applied in the English translations of Hungarian tourism brochures loaded with culture-specific items. She first gives a short overview of the concept of culture-specific items and of the techniques that are applied when translating them, and then shows the techniques applied in the selected tourism brochures. She summarizes the results as follows: the typical translation techniques in the tourism brochures are transcription/transference, circumlocation and addition,

in some cases an analogue or generalised term was used. The method of transcription/transference is applied more often than any of the methods observed. Their main function is to arouse interests of the potential tourist through the strangeness. This can be achieved with the technique of transcription/transference.

Reháková examines translation of realia from Slovak into English in travel guides [Reháková 2013]. She pays attention to translation, to its study and, consequently, she carries out research on the basis of the acquired knowledge and terminology. As far as the methodological approach is concerned, she based her research on the translation analysis comparing the source language (Slovak) realia with their target language (English) equivalents. She presents an idea that it is impossible to translate a text without identifying a specific cultural context, without realia. She has found out that the majority of the analysed realia in the *Slovak Travel Guide* are geographic realia 52%. She found out that translation is the most frequently used technique among the geographic and also cultural translated realia. The technique is then followed by editing, calque and analogy. Political or social realia are transferred in majority of cases. The techniques of omissions, paraphrase and generalization were not identified in the analysed text.

Conclusion

According to Reid language and culture are closely related, they depend on each other and can not exist without each other, and therefore a special attention must be paid to them [Reid 2011: 21]. The language functions as a medium through which we express our cultural reality and words allow us to share common experiences. This means that different languages have different and specific vocabulary that reflects the way of life of people in a particular cultural area and highlights the priorities of their daily lives. Language itself also enriches the culture when new experiences are created through it.

In respect to any translation we should understand the main functions of language. As it can be seen from the overview above, the most important consideration that has to be made when translating realia is whether we translate literary texts or tourism brochures. These text types provide different functions in the translation process. Tourism brochures mainly offer the informative and the vocative function, whereas literary texts should mediate the aesthetic and the expressive function. Regarding the functions of language, translators decide on using the appropriate translation technique.

REFERENCES

- Adamová E. Kultúrne špecifická lexika v preklade. In: Prekladateľské listy 1: teória, kritika a prax prekladu. – Bratislava: Univerzita Komenského, 2012. – pp. 9–16.
- Florin S. Realia in translation. In: Zlateva, Palma (ed.) Translation as Social Action. Russian and Bulgarian Perspectives. – London: Routledge, 1993. – pp. 122–128.
- Leppihalme R. Realia. In: Yves Gambier & Luc van Doorslaer (eds): Handbook of Translation Studies. – Amsterdam: John Benjamins, 2001. – pp. 126–139.
- Levý J. Umění překladu. – Praha: Panorama, 1983. In: Adamová E. Kultúrne špecifická lexika v preklade. In: Prekladateľské listy 1 : teória, kritika a prax prekladu. – Bratislava: Univerzita Komenského, 2012. – pp. 9–16.
- Naukkarinen A. Tuntematon Sotilas and its English and German translations: A study of realia (A Pro Gradu Thesis). – University of Jyväskylä, 2006. – 124 p.
- Nedergaard-Larsen B. Cultural factors in subtitling. In: Perspectives: Studies in Translatology 2, 1993. – pp. 207–241.
- Newmark P. A Textbook of Translation. – London: International Book Distributors Ltd., 1988. – 292 p.
- Proshina Z. Theory of translation (English and Russian). – Vladivostok: Far Eastern University Press, 2008. – 276 p.
- Reid E. Vymedzenie pojmov a vzťahov kultúry, komunikácie a jazykového vzdelávania. In: XLinguae, 2011. – p. 20–26.
- Reháková P. Translation of Realia in Travel Guides. – Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Pedagogická fakulta, 2013. – 73 p.
- Tabačková Z. Proper Names in the Arabic Translation in Winnie-the-Pooh Stories. In: Cudzie jazyky a kultúry v škole 9: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie spojenej s metodickými workshopmi pre učiteľov cudzích jazykov konanú pri príležitosti 15. výročia založenia KLIŠ PF UKF v Nitre. – Nitra: UKF, 2012. – pp. 124–128.
- Tabačková Z., Gálová S. Translatológia aj pre netranslatológov (Rozmýšľame o preklade). – Nitra: ASPA, 2012. – 147 s.
- Terestényi E. Translating Culture-Specific Items in Tourism Brochures. In: Skase Journal of Translation and Interpretation. – URL: http://www.skase.sk/volumes/JT106/pdf_doc/02.pdf

Translation: Science or Art?

MAS DIAZ SERGIO

University of Barcelona (Spain)

Abstract. *In this article the author wants to focus: on the personal aspects involved in any speech act, including translation or learning 2L; on the kind of philosophical implications our vision of language and communication has. The third goal is to vindicate dialogical philosophy and its hermeneutical theory as the best way to balance the subjective and objective aspects of any communicative act.*

Keywords: *translation theory, philosophy of language, dialogical philosophy, communication theory, linguistics, hermeneutics.*

Перевод: наука или искусство?

МАС ДИАЗ СЕРХИО

Университет Барселоны (г. Барселона, Испания)

Аннотация. *В статье рассматривается личностный фактор, являющийся неотъемлемой частью любого речевого акта, включая перевод и изучение иностранного языка. В этой связи делается акцент на философский аспект языка и коммуникации. В частности, предпринимается попытка продемонстрировать потенциал философии диалога и герменевтики в целях определения баланса субъективных и объективных сторон коммуникативного акта.*

Ключевые слова: *теория перевода, философия языка, философия диалога, теория коммуникации, лингвистика, герменевтика.*

I have been asking myself for a long time how should I speak before you. Many questions arose, first of all: in which language? (My knowledge of English is much better than my Russian but as a guest it wouldn't be a nice gesture to speak in Russian?) And second, in which way? I mean, from which viewpoint? Since I have some experience teaching languages (both foreign languages, German, French, to Spaniards and Spanish to foreigners) and also have been teaching linguistics I could give some scientific speech or make some remarks out of my own professional experience. I could also speak as an expert on International relations not only because I have read some papers on this topic and published on international politics, too, but because this is also an aspect of the issue we are dealing with here: the teaching of languages, the spread of some languages beyond others, the postcolonial traces affecting the knowledge or rejection of some languages in some areas of the planet, there are obvious political and economic aspects involved in any linguistic and cultural policies. But my main approach to reality is through philosophy, I am a philosopher beyond my other titles and qualifications. I am graduated in philology and philosophy, doctor in philosophy, but what exactly entitles me to speak to you, what or who gives me the right to speak to you? Is it an institutional paper, a graduate or master or doctor title? What is expected from a doctor to say? Something deep, something interesting?

I guess you realize what I am doing right from the start, I want to call your attention toward the fact that speaking is first of all an act, translating too, of course, and every speech act is part of a very particular kind of actions, human meaningful actions, which as Bakhtin emphasized from the very start of his work are two-fold: "Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни" [Бахтин 1986: 123].

As you see I am asking you to focus on the personal aspects of any communication, even this text, which is an oral text will be a written text and we as workers on the field of human sciences tend to think that our

main object of study are texts, but actually the question is if there is a possible approach that is not based on objective knowledge, that allow us to recall that behind every text there is a person, an acting person, and as such a responsible person.

Human sciences are talking about human people or, to put it more exactly, what are we doing when we try to speak about speaking?

I am trying to link the implicit subject of our meeting, underlying our debates on communication, translation and philology to the forefront of our discussion. And our discussion is not mainly about theory, technique or methodology but about people's utterances, people's words, people's needs and acts, each full of implications, responsibilities, and consequences.

And it is also thanks to very particular persons that we are able to speak: somebody who loved us, taught us to speak our native tongue in the first place and then all the big chain of teachers I had of French, English, Polish and any language I have tried to learn. I must say that finding somebody to teach you Russian in Spain thirty years ago was not so obvious as it may be today, the same way then finding somebody to teach you Spanish today in Mordovia is still something more rare than a teacher of English or programming. I am very grateful of all my teachers of Russian, all of them were very devoted, very skillful. Actually two of them are well known translators also. It is not their fault but mine if my Russian is still so bad.

Translation is important because it make us aware of our own linguistic presuppositions and prejudices, the way our own language drives us in a certain direction, especially if we are not being conscious about the words we use, if we let the language speak by itself, as it happens when it is a sort of autonomous mechanism. The language of business as many formulae we don't need to think about them just use the right formula to open a letter, according to the code, any genre has a special code, a way of talking. We are more or less creative in the way we use our language or other languages we are specially aware of it when it is not our own language.

As a philosopher and philologist I deal with translation every day, I read texts in the original in several languages, I check translations, I am fully aware of the difficulties and merits of a good translation, that is why I will express here several times my admiration for the translators and specially I will enjoy the opportunity to acknowledge my awe of the Russian school of artistic translation I think there are nothing to be compared in other western countries. Philology and philosophy are related to human sciences, as well as other theories like literary theory, history, kulturologia, but what I like about my graduate names is that they allow me to introduce myself as somebody who is not an expert and even less a master but a lover, philia/as you know is the root of both philology and philosophy.

I am glad to take the opportunity to remind that at the beginning of knowledge is love. Love for another culture, another language, another subject. A lover is in Spanish <Un amante> everybody who loves (it is a participle present in a fossilized form, not active anymore but beyond many words such as singer <cantante>). If I change from Spanish to French then I can acknowledge that I am <un amateur>, любитель, but <un amante> it means also <un amant> in French, любовник, a lover.

So, I can say I love Wisdom, precisely in the socratic way to emphasize that I am not yet a wise man but somebody searching for wisdom. It was Socrates who introduce the word philo-sophos, against other words already circulating like sophists or sophoi.

My relation with translation is also a "love affair" I love books, I am a bibliophile (Любитель и собиратель книг). I love learning languages you must if you are ready to go the long way that it takes. And only after you begin to know a language can you know a culture it is a feedback process: we learn a language by learning a culture and also the other way round only if you know a culture can you be a good translator, a dictionary is not enough to know the contexts that, the realia, and many nuances that are to be learned by learning a language. It is not a coincidence that some of the best ethnologist were remarkable linguists like Sapir, Boas or Bateson.

To go further on the subject of love, translators are aware that in Spanish two verbs are closely related: Amar y querer, zhelat, xotet. Kornilov beware us that we cannot translate "te quiero" as "ya chochu tebia" We

usually wouldn't say *amo esta ciudad o este auto res muy amado* but *yo quiero a mi ciudad*, while Pushkin knew he was to be *liubezen*: *долго буду тем любезен я народу*, And to the nation long shall I be dear /translation. Sam nabokov tradujo este poema en dos ocasiones y no dudó en repetir *dear* pero si vaciló entre dos traducciones de *narod*:

И долго буду тем любезен я народу, (*And to the nation long shall I be dear/And to the people long shall I be dear*). You see *narod* is also a very difficult term, but I rather stick to my topic and keep on talking about love. In Polish we have also *kochac* meaning *querer* and *amar*: *kocham* Я люблю; *kochana/dopora*.

So to end with these first remarks, I we still wonder If *philia* is to be translated as love or not, let me ask how to talk about Великий дипломат Грибоедов ведь тоже имел “хобби” и прекрасный химик Бородин... ? Is this really a hobby? I think we should better remember the old word vocation. In German it is the same word *beruf* that means profession and vocation, *beruf* can be *ximik* or *diplomat* but *beruf* in its etymological meaning comes from *rufen* *prizvanie*, *назначение*: «Не забывай высокого, святого назначения» (А. С. Пушкин).

The theory of translation has evolved during the years according to the theory of language and there has been a real boom on translation studies in the late twenty years. One of the first pioneers of translation theory in Russia remembers his heroic beginnings in a book that I still read with interest, I mean Kornei Chukovski. Another step beyond in translation theory and practice began with the works of people like Efim Etkind. But beyond the reflections of practitioners most of our actual theory of translation is based on some theory of language.

The language and the vision we have of language is closely linked to our vision of mankind, his dignity and meaning. If we think of language as a mechanism something to be compared with a machine it is because many theoreticians have lost sight of the essential difference between a system of artificial signs based on a code and a view of language as *energeia*, like power to create new meanings with given elements. That power was discovered by Schleiermacher and Humboldt and it is no coincidence that this happens during the romantic period. Romanticism was a philosophical move a vindication of the dignity of creativity against classicism (based on the repetition of a series of standards) And it was also romanticism which for the first time claimed the dignity of all languages and all cultures against the cosmopolitan elites who had French to differentiate themselves from the people, the *prostoi narod*, the servers.

There is no need to speak for Humboldt in Russia probably the place where his ideas have kept alive in the most fruitful way since Potebnia and Kornilov to many ethnolinguists like Alefirenko, Kornilov or Vorkachev, Kolesov, and many more. Also the new cognitive linguistics is fully aware of the fruitful insights of Humboldt let me mention only Lakoff and Wierzbicka. But it wouldn't be logical that I talk to you about the many good Russian authors that you must know better than myself.

So let me focus on the other founder of this dialogical philosophy and dialogical vision of communication I am trying to sketch. The philosopher, theologian and translator, F. Schleiermacher distinguished in a famous lecture in 1813 between two poles in the translation process: it would be a gradation between mechanical translation and artistic translation. The first is related to everyday objects and actions, business, moments where the subjectivity of those interacting is not very important, but the more personal and expressive is the language of the speaker, the more important is his or her style, the more difficult gets translating this discourse in its unique features, the recreation of the original demands talent and creativity to the translator.

Schleiermacher is not only the beginner of a new linguistics beyond the old dictionary model but also the founder of hermeneutics in the modern sense a theory later developed by Gadamer, about the fusion of two horizons based on the awareness of the need to contextualize any utterance to be well understood. Every individual or group has his own way of using the common language, the standard is an abstraction and the more original and creative this use, the more talented must be the translator, the more difficult to teach, translating poetry or philosophy requires an specific feeling, closer to the artistic feeling than to a technique. These authors

I am evoking here and others such as the Russian psychologist Tatiana Florenskaya are personalists, and as such interested particularly in those aspects of each person that cannot be an object of study but only a subject to interact with.

Let me finally turn to two pioneering founders that are still relevant to our discussion: M. Bakhtin and L. Vygotski. Their work has been rediscovered since the sixties and especially since the eighties in the western world. Both have been an inspiration in the renewal of pedagogy as well as in psychology and cultural studies.

Dialogical philosophy was developed at the very same time by Bakhtin and by some German authors like Buber, Rosenzweig and Rosenstock. The first two of them were translators of the Jewish Bible and Rosenstock-Huessy is the author of a huge book about language translated into Russian. Rosenstock was also the author of a curious book about psychology and aware as he was of the meaning of each word he decided not to call it psychology but to create a new word *Seelenkunde*, the study of the soul, because the new psychology was soul/les. It is not only a matter of words, it is not only the difference between mind and soul, what is at stake but also our image of ourselves. If we think of men as an engine driven by another machine called the brain, we are talking of something different than persons. We can make a machine who translates a code into another but it is the code the best model to think about human languages?

A word has its meaning not only from the dictionary, but from the use the speakers make of it. And if a language is alive the possibilities are open ended. This is why new meanings emerge, new metaphors, new combinations, we all are creative in some extent.

That is why dialogical philosophy emphasizes the personal creativity involved in any discursive act the more creative is this act the more creative must be the translator. Let me quote Bakhtin again.

Точные науки – это монологическая форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только *диалогическим* [Бахтин 1986].

As you all know, the official day of translators is related to the day of death of Jerome the translator of the Bible into Latin. I have been insisting on the difference between person and individual along with the personalist tradition. For this tradition love and generosity as well as creativity and freedom are key factors that speak about the dignity of persons. Personal relations and the process of dialogue is central to this tradition. But the hope of understanding each other is not the same as the dream of overcoming all differences, on the contrary Emanuel Mounier, one of the founders of personalism says “дух может соединять только на расстоянии” in his Manifest. This dynamic vision of the person understood not as a fixed substance but as an open ended process is also related to the attitude of well known philosopher Mamardashvili who said “человек – это не естественное, не от природы данное состояние, а состояние, которое творится непрерывно” [Мамардашвили 2004: 13].

I have been talking and insisting on this personal aspect of communication, now I would like to compare two ideas we have founded in our historical evocation of theories of language and translation. First, we met the tradition out of the Babel Tower myth that considers difference as a hindrance, an obstacle, and the nostalgia for the primeval unity and harmony is the basic mood in these approaches. We spoke of the temptation to create a new artificial language and the kind of violence implicit in such idea. Opposite to this trend we have seen another quite different approach that sees the diversity of cultures and personalities as an enrichment, the openness to the multiplicity of cultures in the present and the past is seen by Humboldt as an opportunity to enrich our own viewpoint, our own Bildung, through the contact with others. This idea assumes that harmony is not spontaneous but something we should strive for, the more we know and understand our neighbors, our brothers and sisters the closer we are to that metahistorical point of cosmic unity which for those who believe

in it is the horizon of the work of the Spirit in us. Those like Schleiermacher or Rosenzweig that are inspired by this biblical promise assume the actual distance not as an impossible gap, between people, between cultures but as an impulse toward dialogical growth, inner growth, each culture grows out of interchange with others, as well as the individual develop themselves thanks to interaction. This dialogical vision encompasses a positive vision of each human being as someone unique, this is where the dialogical psychology of Rosenstock and Florenskaya links to their faith in the work of the Spirit. I would like to finish remembering another special day that might also pretend to be the official feast of translators, I mean the day known in French as Pentecote and in Russian as День Троицы.

I thing rediscovering the notion of a spirit working inside us toward reunion and peace might help us to overcome a new period of self-closure and aggressive relation with the other, there are many kinds of xenophobia, as Berdiaev warned longtime ago and unfortunately his warning is still alive:

“Национальность есть положительная ценность, обогащающая жизнь человечества, без этого представляющего собой абстракцию, национализм же есть злое, эгоистическое самоутверждение и презрение и даже ненависть к другим народам. Национализм порождает шовинизм и ксенофобию, и его нужно решительно отличать от патриотизма” [Бердяев 1950].

So, to keep this spirit alive let me close with a trilingual quote:

1 Corinthians 13: 1–3 New International Version (NIV) 13 If I speak in the tongues[a] of men or of angels, but do not have love, I am only a resounding gong or a clanging cymbal.	13 Ἐὰν ταῖς γλώσσαις τῶν ἀνθρώπων λαλῶ καὶ τῶν ἀγγέλων, ἀγάπην δὲ μὴ ἔχω, γέγονα χαλκὸς ἢ κὺμβάλον ἀλαλᾶζον	1-e Коринфянам 13: 1–3 Russian Synodal Version (RUSV) 13 Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий.
---	---	---

REFERENCES

- Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. – М. 2008. – 704 с
 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – Изд. 2-е, – М: Искусство, 1986. – 444 с.
 Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. – Париж: YMCA-PRESS, 1951. – 165 с.
 Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – 192 с.
 Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
 Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии, – М.: ВЛАДОС, 2001. – 208 с.
 Мамардашвили. М. Сознание и цивилизация. – М.: Логос, 2004. – 272 с.
 Розеншток-Хюсси. Избранное: Язык рода человеческого. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 608 с.
 Berman A. L'épreuve de l'étranger. – Paris: Gallimard, 1984. – 320 p.
 Gadamer H G. Wahrheit und Methode. – Mohr Siebeck, 1960. – 494 S.
 Lakoff and Johnson. Metaphors We Live By. – USA: University of Chicago Press, 2003. – 256 p.